
Всеволод НЕПОГОДИН

ФРАНЦУЗСКИЙ БУЛЬВАР

Роман

Памяти Арсена Челидзе

В Одессе есть длинная, в несколько километров, улица, идущая вдоль моря. Она называлась Французским бульваром. По обеим сторонам ее стояли виллы банкиров. Ограды. Движущаяся тень листвы на асфальте. Львиные морды в коронах. Буксовые изгороди. Здесь жили хозяева города. Вилла Маврокордато. Вилла Рено. Вилла Ашкенази. Вилла Маразли. Все это были авантюристы, крупные шулера, торговцы живым товаром.

Юрий Олеша. Стадион в Одессе

Представь себе — говоря о Париже, я тоже думал об Одессе. Ты совершенно прав, — одесская весна действительно нечто особенное. Только я всегда вспоминаю как-то нераздельно парижские весны и одесские, они у меня чередовались, ты ведь знаешь, как часто ездил я в те времена в Париж весной... Помнишь Галю Ганскую? Ты видел ее где-то и говорил мне, что никогда не встречал прелестней девочки. Не помнишь? Но все равно. Я сейчас, заговорив о тогдашнем Париже, думал как раз и о ней, и о той весне в Одессе, когда она впервые зашла ко мне в мастерскую. Вероятно, у каждого из нас найдется какое-нибудь особенно дорогое любовное воспоминание или какой-нибудь особенно тяжкий любовный грех. Так вот Галя есть, кажется, самое прекрасное мое воспоминание и мой самый тяжкий грех, хотя, видит Бог, все-таки невольный.

Иван Бунин. Галя Ганская

Я не слишком хорошо представляю себе Одессу, ее атмосфера напоминает мне небольшой бруклинский микрорайон, который так много значил для меня и от которого я был так скоро оторван. Все, что происходит, тут же становится известным каждому, как у первобытных людей. Правила неписаны, в воздухе носится угроза.

Генри Миллер. Тропик Козерога

Хорошо в мае, в замечательном влажном мае быть председателем Всероссийской Чрезвычайной комиссии в городе Одессе, стоять в кожаной куртке на балконе, выходящем в сторону моря, поправлять пенсне и вдыхать одуряющие запахи. А потом вернуться в глубину комнаты, кашляя закурить, и приступить к допросу княгини Эн, глубоко замешанной в контрреволюционном заговоре и славящейся своей замечательной красотой двадцатидвухлетней княгини.

Эдуард Лимонов. Дневник неудачника

Пролог

Стоя в Одессе на углу Итальянского и Французского бульваров иной русскоязычный приезжий, плохо ориентирующийся на местности, зачастую оказывается перед дилеммой — куда же ему пойти дальше? Интригующие назва-

Всеволод Владимирович Непогодин родился в 1985 году в городе Бобруйске (Беларусь). Окончил Одесский институт финансов, публиковал рассказы на контркультурных сайтах в Интернете. Живет в Одессе.

ния бульваров заставляют призадуматься, но следует быть бдительным, ведь вы можете стоять прямо между рельсами и не услышать шума приближающегося сзади угловатого трамвая, едущего в Аркадию по пятому маршруту. Постсоветский турист начинает мыслить ассоциативными рядами, вспоминая все, что знает из телевизора об Италии и Франции, где, скорее всего, никогда и не был по причинам бедности, боязни авиационных перелетов или нежелания бюрократических мучений с получением заграничного паспорта. И если недалекий гражданин, вспомнивший о том, куда уходят корни его полуразвалившихся «Жигулей», служащих третий десяток лет средством личного передвижения, может выбрать Итальянский бульвар и пойти направо, то я, как романтический герой, давно живущий в Одессе и слегка подверженный галломании, выберу для неспешного променада Французский бульвар. Протяженность Итальянского бульвара равна всего двум легкоатлетическим кругам. Преодолев восемьсот метров за десять минут, вы попадете на Привокзальную площадь, кишашую суетливыми пассажирами, опаздывающими на пригородные электрички и поезда дальнего следования. Возле железнодорожного вокзала вы можете стать жертвой шумных цыганок, подметающих тротуары длинными цветастыми юбками, и коршунов из патрульно-постовой службы, тормозящих прохожих для проверки документов. Смуглые чернобровые бабищи и лобастые доходяги с острыми скулами готовы пойти на все, чтобы ваши честно заработанные деньги перекочевали в их кошельки, поэтому если вы гость причерноморского города, отягощенный проблемой выбора пешеходного маршрута от Академического театра музыкальной комедии имени Михаила Водяного, то мой вам настоящий совет: ступайте на Французский бульвар, который в конечном итоге приведет вас к морю. На Итальянском бульваре лишь дом № 7 красного кирпича, построенный по проекту архитектора Бернардацци, где до революции располагался госпиталь общества касперовских сестер милосердия Красного Креста, заслуживает пристального туристического внимания, а вот на Французском бульваре достопримечательностей хоть отбавляй.

Дерибасовская — главная улица для иногородних. Французский бульвар — главная улица для коренных одесситов. На Французском бульваре снимают артхаусное кино, разливают по бутылкам изысканное вино и происходят головокружительные любовные истории, о которых долго судачат обожатели смаковать подробности чужой личной жизни. Поскольку многие желающие приехать в Одессу и постигнуть таинственную, чарующую красоту Французского бульвара не могут это сделать по разным причинам, то я постараюсь передать неповторимую атмосферу окрестностей бывшей Малофонтанской дороги и поведать мистическую историю, бережно хранимую в моем сердце.

1

Пройдя по четной стороне Французского бульвара три десятка шагов, обязательно взгляните направо. Шестнадцатизэтажный дом с одним подъездом, облицованный плиткой цвета морской волны, в простонародье именуется не иначе как «Голубая мечта». В советское время этот выделяющийся высотностью дом считался самым престижным местом для проживания, ведь в нем селился преимущественно генералитет Одесского военного округа. Хотя «Голубая мечта» имеет адрес Итальянский бульвар 1/1, но все разумные одесситы считают генеральский дом неотъемлемой частью бульвара Французского. Три года в детстве вместе с папой-генералом проживал в данном элитном строении небезызвестный юморист Максим Галкин. Любимец примадонны российской эстрады, обитавший в «Голубой

мечте», впоследствии стал завсегдатаем московской «голубой» тусовки. Ублажать состарившуюся даму — это еще не самая большая цена за пропуск в мир избранных, но я не стремлюсь в общество тщеславного трагикомического фарса и не хочу повторить жизненный путь кривляки-пародиста Галкина. Моя дорога жизни — это Французский бульвар.

— Чаю хоть выпьешь? — спросила, зевая, подруга на одну ночь, в чьей постели я проснулся.

— Извини, но мне пора поторапливаться. Утром пробки, в транспорте давка, пешком до центра от тебя не так уж и близко, да и неохота мне идти в такой собачий холод, так что я обойдусь как-нибудь без чая.

— Как хочешь, дело хозяйское, — с плохо скрываемым безразличием ответила она и вяло побрела на кухню.

Я внимательно оглядел комнату одноразовой партнерши и пришел в ужас от увиденного бардака. Ободранные котом выцветшие бежевые обои, гладильная доска с ворохом мятого белья, треснувшее стекло в раскохшейся оконной раме, белый фарфоровый слон на грязном ковре, усыпанном окурками. Как меня занесло в это неблагополучное место? Что заставило меня разделить ложе с проживающей здесь девушкой? Я задавал себе вопросы, на которые не мог найти ответы. Слишком много портвейна было выпито вчера вечером.

Я быстро оделся и заглянул на кухню. Моя пассия сидела на табуретке в заляпанной кофейными пятнами ночной рубашке и курила сигарету, пуская кольца дыма. Белый пушистый котяра ластился к ступням хозяйки.

— Ну все, я побежал, — негромко буркнул я, открывая входную дверь.

— Пока-пока, — ответила она, помахав мне ручкой и сделав глубокую затыжку.

Я мигом выскочил на лестничную клетку, захлопнув за собой тяжелую входную дверь. Представшая моему взору картина была гораздо более удручающей, нежели увиденная минутами ранее в комнате девушки. Мрачные стены болотного цвета с облупившейся краской и непристойными надписями сексуально-насильственного характера. Едкий запах мочи, несмотря на то что окно открыто и по подъезду бродит крепкий февральский морозец. Вырванная крышка мусоропровода и отломанные перила. Свежая фигурная кучка буро-коричневого кала как венец интерьерной композиции межэтажной площадки. Я оцепенел от депрессивной обстановки вокруг и понял, что городское дно засосало меня. Я опустился на нижнюю ступень людской иерархии. Посещаю горемычных шлюх с рабочих окраин, готовых отдать свое тело во временное пользование за пару литров шмурдяка. А ведь был когда-то подающим надежды молодым человеком. Приносил школьные табели с одними пятерками, участвовал в городских олимпиадах по различным дисциплинам, получал повышенную стипендию в университете, выезжал за рубеж на международные студенческие конференции. Мне недавно исполнилось двадцать семь лет. В карманах негусто и сквозняк в голове.

Выйдя на улицу из смрадного подъезда, я вспомнил, что оставил на вешалке у случайной знакомой свой серый шарфик, но не хотелось возвращаться назад, задыхаясь от вони испражнений. Пусть у нее останется хоть какая-то память о нашей мимолетной случке. Дувший со стороны моря утренний февральский ветер отрезвляюще действовал на меня, покусывая за щеки. Постепенно начала проясняться картина вечерних событий. Переписка «Вконтакте», пустая телефонная болтовня, кокетливый голос на другом конце трубки, достигнутая договоренность о встрече. Купленные по пути два литра разливного портвейна быстро сняли все стеснительные барьеры между нами. Мы валялись нагишом в постели, смотря на запыхавшемся мониторе компьютера черно-белый фильм «Тихие дни в Клиши» по одно-

именной новелле Генри Миллера. Лысый очкарик рыскал по Парижу в поисках страстных дам, свободных от сексуальных табу, а я кончиком языка познавал телесные прелести хозяйки квартиры. Киногерои устраивали оргии в наполненной водой ванне, шутливо обливаясь красным вином. Мы смотрели на кафешантаны и парки французской столицы, понимая, что нет на земле города лучше Парижа. Эйфелева башня, Монмартр, Елисейские поля, Триумфальная арка, «Гранд-опера», бульвар Распай, кафе «Ротонда», дворец Тюильри, район Монпарнас, кладбище Сент Женеьев де Буа — магические названия, будоражащие воображение. Не знаю, что думала в эти мгновения моя партнерша, а я вспоминал о том, что в Одессе есть свой локальный Париж — Французский бульвар. Эрнест Миллер Хемингуэй писал, что Париж — это праздник, который всегда с тобой. Я же со всей ответственностью за свои слова заявляю: «Французский бульвар — это праздник, который всегда с тобой». Посети в свое время боксер-самоубийца Одессу и прогуляйся по Французскому бульвару, то он бы непременно написал хвалебную прозаическую оду наполненной солнечным светом анфиладе из ветвей каштанов, от одного вида которой у меня всегда захватывает дух и учащается сердцебиение.

Шедшие мне навстречу люди были поразительно похожи друг на друга. Сплошь хмурые угрюмые лица, укутавшиеся в дешевые китайские пуховики. Лишь один элегантный мужчина в наглаженных брюках и сером пальто с поднятым воротником выделялся на фоне работников физического труда, бrenно направлявшихся на свои каторжные производства. Я шагал по Молдаванке, а точнее сказать, по улице Бабеля. Стая облезлых хромающих псов облаивала всех, кто осмеливался пройти мимо тройки мусорных урн, доверху заваленных пищевыми отходами и обломками мебели, отслужившей свой век в обывательских квартирах. Ослабленные недоеданием собаки лаяли шумно, но не кусались. Двое красномордых бородатых оборванцев, скорее всего не имеющих определенного места жительства, приставали к прохожим с просьбой профинансировать утренний опохмел. Парочка тунеядцев обдавала сивушным перегаром ни в чем не повинных граждан, но в ответ не получала денег на алкоголь. Окажись в 2012 году расстрелянный чекистами прозаик на улице своего имени, то вряд ли бы захотел описать отвратительный район, некогда имевший бандитскую славу и служивший вотчиной воровского мира, куда боялись сунуть нос полицейские.

Я доехал в забитом нервным людом автобусе до железнодорожного вокзала и понял, что от нахлынувшей тоски меня спасет только пешая прогулка по Французскому бульвару. Когда тебе двадцать семь лет, то порой проскальзывают суицидальные мыслишки. Только себе не врите, одногодки, что у вас моментами не возникает желания расстаться с жизнью по собственной воле. Я часто слушаю музыку членов «Клуба 27» и подозреваю, что им не слишком хотелось в старости созерцать в зеркале свое лицо, испещренное морщинами, и ходить от врача к врачу, пытаясь излечиться от болячек, нажитых в бурной молодости. Джимми Хендрикс, Джэнис Джоплин, Джим Мориссон, Курт Кобейн, Эми Уайнхаус ушли в зените славы, оставшись в памяти поклонников навсегда молодыми, наглыми и бескомпромиссными. Это всяко лучше, чем быть почетным пенсионером-конформистом, как тот же Пол Маккарти. Мои товарищи-ровесники, которые, казалось, еще вчера рвали стринги на девичьих полах, теперь покупают своим женам слинги в магазинах для молодых мамаш. Мои одноклассницы, еще недавно гулявшие по клубам ночи напролет, ныне не спят в темное время суток, возясь с грудными малышами. А я боюсь семейной рутины и тягот деторождения. Для себя пожить хочется, для себя. Сначала в детстве ходишь в тошнотворные кружки вроде бальных танцев, не желая ссориться с матерью, потому что сын ее лучшей подруги отлично вальсирует

и маме не хочется выглядеть отсталой в глазах приятельницы. Потом родители заставляют ходить в специализированную школу с физико-математическим уклоном, а не в обычную, хотя у меня нет ни малейшей тяги к интегралам и мудреным уравнениям. Затем предки настоятельно рекомендуют поступить в экономический университет, потому что «надо получить достойную профессию» и не беда, что мне скучно в унылом мире бухгалтерских цифр. Некоторые еще «отдают долг Родине», строя год-другой императорские дачи для армейских хапуг, но меня сия участь, к счастью, миновала. И после двадцати лет несвободы и отсутствия выбора прикажете впрячься в семейное ярмо и мучиться с чужим неинтересным человеком до конца своих дней? А жить-то, жить-то когда? Хочется мир повидать, попробовать себя в искусстве, найти ярких людей, с которыми каждая минута как праздник, а не думать круглосуточно о том, как забить провиантом холодильник и пахать как проклятый по шестнадцать часов в день, потому что «жене необходима новая шуба» или «ребенку надо дать хорошее образование». Я брел понурый по Французскому бульвару, пока в районе киностудии не встретил знакомую — Таню Нефедову, спешно шагавшую с кофром на плече.

— Привет, куда так торопишься? Замерзла на улице и не терпится поскорее забежать в помещение и согреться? — шутливо поинтересовался я.

— Здравствуй, я на работу тороплюсь, — ответила рыжеволосо-кучерявая Таня.

— И где же ты работаешь, если не секрет? — полюбопытствовал я.

— Тружусь администратором на киностудии. Сейчас буду проводить фотосъемку для кастинга, требуются актеры массовых сцен. Если хочешь, то ты тоже можешь поучаствовать.

— Это как получается, на киноплощадку можно попасть прямо с улицы? Я думал, что для этого требуется специальное училище окончить или актерские курсы на худой конец.

— Для массовки не требуются особые профессиональные навыки.

— Давай тогда поучаствую в кастинге, может, и приглянусь. Интересно же окунуться в мир кино.

— Проект международный, режиссер — Алексей Герман-младший, снимать будут шесть киноновелл в шести разных странах, одесская часть съемок — в конце февраля — начале марта, — сообщила Нефедова.

Мы прошли сквозь турникет киностудии и поднялись на третий этаж. На одной из дверей красовалась табличка «Кира Георгиевна Муратова. Режиссер». Сразу вспомнились сцены из ее раннего фильма «Короткие встречи» с Владимиром Высоцким, где Муратова сыграла роль волевой, но несчастной женщины. Во времена жесточайшей цензуры Муратовой удалось снять кино на уровне лучших мировых образцов. Вышедший чуть раньше культовый фильм француза Клода Лелюша «Мужчина и женщина» меньше запал мне в душу, чем «Короткие встречи». Анук Эме и Жан Луи Трентиньян — отличный актерский дуэт, но Муратова и Высоцкий мне ближе. Я начал понимать, что нахожусь в волшебном месте, имеющем свою давнюю историю. Впервые на киностудию я попал шестнадцатью годами ранее в феврале 1996-го. Всю параллель пятых классов моей 77-й школы повели после уроков на экскурсию. Нам рассказывали, чем заслужил бюст во внутреннем дворике киностудии Амвросий Бучма, как снимают дальние планы морских кораблей в специальном бассейне под открытым небом и как озвучивают фильмы, имитируя различные природные звуки. В холодных павильонах царило запустение, кино не снимали из-за нехватки денег. С тех пор многое изменилось. Павильоны ожили и стали использоваться москвичами для съемок мыльных сериалов. Дорогостоящий кусок земли, занятый киностудией, не давал покоя многим застройщикам, но

авторитет Станислава Говорухина и Киры Муратовой не позволил вырасти высоким зданиям на территории искусства.

Мы оказались в зале размером пять на десять метров. Черный лакированный рояль контрастировал с парочкой заурядных офисных столов. Паркетный пол радовал взор чистотой и отсутствием повреждений.

— Раздевайся, садись за стол и заполняй анкету, — дала мне указания Таня.

Я повесил куртку на спинку стула и принялся изучать формуляр.

— В графе «Актерское образование» напиши, что занимался в театральном кружке у Анатолия Падуки, так все опытные массовики о себе пишут, — уточнила Нефедова.

Я заполнил анкету, выполнив все указания Тани, соврав, что имею актерское образование.

— Так как ты у меня первый на кастинге, то возьми чистый лист и напиши маркером единицу, это твой порядковый номер. Бери лист в руки, держи перед собой, я тебя сфотографирую с этим номером. Приглянешься режиссеру — дам тебе знать.

Таня сфотографировала меня анфас с листом в руках. После винной ночи мое лицо выглядело не слишком презентабельно, но я искренне старался улыбаться.

— А сколько человек ожидается на кастинге? — спросил я, ища в рукаве куртки забытый у ночной спутницы шарфик.

— Человек пятьсот должно быть. Для массовки отберут полсотни парней и девяносто девушек.

— А из наших общих знакомых кто-то обещал прийти на кастинг? — поинтересовался я, надевая куртку и вспомнив о потерянном шарфике.

— Лара Леонова обещала быть, ты, наверное, знаешь ее.

— Да, знаю, фотограф. Познакомился в прошлом году. Загадочная барышня.

— У тебя все загадочные, Недопекин! А сам ты как будто простак, — смеясь, сказала Таня.

— Пока, Нефедова! Буду надеяться, что моя физиономия пройдет профотбор!

— Надейся и жди! — отшутилась веснушчатая Нефедова.

Я вышел из киностудии в приподнятом настроении, с чувством надежды. Прогуливаясь по Французскому бульвару, можно случайно забрести в дивный мир кино. А ведь столько людей грезят проникнуть на съемочную площадку и попасть в объектив оператора, но невелик процент киноманов, чьи мечты оказаться по другую сторону экрана становятся явью. Мне оставалось дожидаться результатов кастинга. Придя домой, я открыл новостную ленту фэйсбука и наткнулся на фотографии Лары Леоновой, сразу же вспомнив, что мы с ней, возможно, пересечемся на киносъемках. Глядя на черно-белые снимки Лары, сделанные пленочным фотоаппаратом и впоследствии отсканированные для размещения в Интернете, я погрузился в воспоминания трехлетней давности...

2

Три года назад у меня был случайный роман с девушкой по имени Динара. Тощая татарка с длинными прямыми черными волосами и маленькими раскосыми глазами сама по нарастающей проявляла инициативу в отношениях. Сначала постучалась в ICQ, когда этот сервис виртуального общения еще был популярен. Сообщила, что ей нравятся мои фельетоны, размещенные на контркультурных сайтах. Предложила встретиться в кофейне для живой беседы, позднее пригласила на свою территорию для более неформального контакта. Порой казалось, что Динара

загипнотизировала меня. В ее готическом облике, резких жестах, пугливой мимике и истерической речи было нечто демоническое. Динара могла по памяти цитировать «Пену дней» Бориса Виана, часто носила с собой в сумке книгу Натальи Медведевой «А у них была страсть» и любила смотреть немое кино по ночам. Во время соития она стонала и орала так, будто дьявол из ее души рвался наружу. В экстазе кусала меня за нос, хлестала ладонями по лицу и царапала острыми ногтями мою грудь. Динару заводили мои крики, когда она с корнем вырывала волосяной покров возле гениталий.

Я работал простым банковским служащим, Динара трудилась в самой модной архитектурной конторе Одессы — студии «Саботаж». Среда творческих людей была мне в диковинку. Мой тогдашний круг общения состоял из слесарничающих соседей по двору и бездельничающих школьных товарищей, каждый вечер неприкаянно слонявшихся по району в поисках дураков, готовых сыграть в карты на деньги. Офис студии «Саботаж» находился на углу улиц Гоголя и Сабанеев мост в бывшем жилом доме Фон-Деши. Рабочий день Динары заканчивался на час позже моего. Я частенько дожидался ее, сидя на деревянных перилах кованой ограды возле доходного дома Заблудовского, откуда отлично просматривался парадный вход особняка, где Динара креативничала. Бородатые атланты, подпирающие балконы доходного дома, немного настораживали меня своими страдальческими физиономиями.

Динара выходила из дома Фон-Деши, я пересекал проезжую часть улицы Гоголя, после объятий и поцелуев мы сворачивали за угол и шли по Сабанееву мосту к памятнику Екатерине. Далее наш пешеходный маршрут пролегал по Екатерининской улице. По Малой Арнаутской мы спускались вниз на улицу Белинского, которая приводила нас прямо к началу Французского бульвара.

По Французскому бульвару мы всегда гуляли по четной стороне, затемно и молчаливо. Всегда говорливая и любящая тарашиться по сторонам Динара умолкала и старалась смотреть себе под ноги, когда попадала на Французский бульвар. Иногда во время наших совместных прогулок мне мерещилось, что на старинном заборе санатория «Аркадия» у лепных львиных морд искрятся глаза и едва заметно шевелятся балясины. Чудилось, что маскароны вот-вот оживут, разинут пасти и проглотят нас, засосав в потусторонний мир старинной аристократической улицы. Мы поворачивали на Пионерскую улицу и расставались на площади 10 Апреля, где Динара ловила такси или садилась в общественный транспорт, уезжая на Таирово.

В ее квартире, купленной родителями, шел затяжной ремонт, грозивший перерасти в хроническую разруху. Женские монологи после секса сродни исповеди священнику. Раскрепощенная баба может ненароком сболтнуть то, чего никогда бы не сказала, будучи в спокойствии.

— Достала меня одна с... на работе, удушила бы своими руками! Постоянно на меня косо смотрит, мимо всегда проходит с гордым видом, перед мужиками задницей крутит, носом чуть что воротит, хотя нет ни сисек, ни ж... Общается со всем коллективом в стиле «Я не такая, я жду трамвая!» — сокрушалась Динара.

— Ой, да ладно тебе, обычные бабские козни. Не обращай внимания! — я попытался успокоить разнервничавшуюся Динару.

— Она с характером девка, эта Лара Леонова. От родителей ушла жить самостоятельно еще на третьем курсе института, стала популярна как фэшн-фотограф, неплохие бабки рубит на съемках помимо того, что получает в «Саботаже».

— Выбрось ее из головы. Разве лично тебе она сделала что-нибудь плохое? Украла твою косметичку из сумочки? Ты застучала ее в офисе за тем, что она выдавливала содержимое своих гигиенических прокладок в твою чашку? Тебе уменьши-

ли получку из-за ее пренебрежительных взглядов? Или она купила точно такое же вечернее платье, как у тебя?

— Нет, но я ощущаю неприязнь между нами.

— Забей и помни, что ты ходишь в «Саботаж» копейку зашибать, а не состязаться в красоте и нарядности!

— Ладно, проехали!

Я часто пропускал мимо ушей пространные многословные монологи Динары, но из любопытства нашел страничку Лары Леоновой «Вконтакте» — десятки фотоальбомов, фиксирующих развеселую жизнь позолоченной молодежи и ничем не примечательный портрет хозяйки, скупой на публичное выплескивание эмоций в Интернете. Однажды, дожидаясь Динару напротив парадного входа дома Фон-Деши, я внимательно присмотрелся к Леоновой — безобидное, слегка отстраненное существо. Удивительно, как Динара умудрилась невзлюбить тихоню, вряд ли способную к агрессии и конфронтации. Наши с Динарой впечатления о Леоновой были диаметрально противоположными, но я этому факту не придавал значения. Я встречался с Динарой. Мне не было никакого дела до Лары.

Как-то раз у нас с Динарой зашел разговор об идеальных любовниках. Я не постеснялся спросить у своей тогдашней девушки, кто является мужчиной ее мечты, ожидая услышать фамилию голливудского киноактера или латиноамериканского певца. Ответ удивил.

— Арс.

— Как-как? — переспросил я.

— Арс!

— Это имя, фамилия или прозвище?

— Имя. Ты серьезно, живя в Одессе, не знаешь Арса?! — удивленно поинтересовалась она.

— Не знаю. Я ведь обычный парень с Транспортной улицы, с модными компаниями не вожусь, каким-либо творчеством не занимаюсь, по ночным клубам не хожу.

— Арс у нас в Одессе один-единственный, его ни с кем не перепутаешь. Он раньше работал в «Саботаже» художником-декоратором, а сейчас свободная птица, дизайнер-фрилансер. Арс был соавтором проектов летних клубов «Ибица» и «Итака» в Аркадии. Придумал название и концепцию дискотечного подвала «Фактура». За архитектурные решения «Ибицы» в стиле Гауди получил всеукраинскую премию «Золотая арка», это самая значимая награда в профессии. Горячая грузинская кровь, огромнейшая харизма, телки на него так и вешаются, — сообщила Динара.

Рассказ про Арса заинтересовал меня гораздо больше, чем информация о Ларе Леоновой. Для себя я отметил, что при случае непременно нужно будет познакомиться с Арсом.

В конце апреля мы расстались с Динарой по обоюдному желанию. Ее не устраивал мой скромный статус менеджера среднего звена. Мне не подходило, что Динара категорически отрицала культ бритой промежности. В первый осенний день я брел домой с работы по Пушкинской, и в квартале между Еврейской и Троицкой заметил шумное столпотворение — открывался центр современного искусства строительного магната Коробчинского. Несмотря на то, что вход внутрь был исключительно по приглашительным, я сподобился прошмыгнуть мимо двух охранников амбалов. На первом этаже, где экспонировалась выставка Никаса Сафронова и сам автор позировал перед фотообъективами, я налег на фуршетную выпивку и быстро раздобрел. Говорливая суета и художественная заурядность произведений Никаса заставили меня покинуть первый этаж и спуститься в полуподвал. Об-

становка внизу существенно отличалась от атмосферы на первом этаже. В полуподвале была гробовая тишина, десяток прилично одетых молодых людей молча смотрели, как перед ними рыжебородый мужчина лил из склянок масляную краску на холст, лежащий на цементном полу. Я подошел поближе и увидел рекламную растяжку «Мастер-класс Арса». Я сразу догадался, кто этот рыжебородый, и понял, что мне несказанно повезло.

Налитые из склянки контуры вскоре обрели форму с помощью кисти. Арс нарисовал разлегшуюся на диване обнаженную женщину. После конъюнктурных поделок Сафронова нарисованная прямо на моих глазах картина Арса стала откровением. Увиденный процесс творчества заворожил меня, доселе жившего в дрянном мире банковских платежей и кредитов. Арс прислонил картину к стенке и долго смотрел на нее хищным взором, будто хотел страстно овладеть этой женщиной.

Рыжебородый художник перевел взгляд на присутствовавшую молодежь и, держа в вытянутой руке кисть, спросил:

— Кто-нибудь хочет дополнить мое произведение?

Никто не решился ответить, и тогда Арс неожиданно подошел ко мне и вложил кисть в мою ладонь. До сих пор не знаю, почему выбор пал именно на меня. Я ничем не выделялся среди зрителей мастер-класса. Наверное, так судьбе было угодно.

— Бери и рисуй, — сказал мне художник.

Я опешил от подобного хода, и даже выпитый фуршетный алкоголь не мог меня раскрепостить. До того момента последний раз я рисовал в начальной школе на уроке изобразительного искусства и за свои жалкие творения получал тройки с натугами.

— Смелее, не надо бояться, холст не кусается, — приободрил меня Арс.

Я выдохнул и с опаской подошел к холсту. Портить своими мазками обнаженную женщину я не хотел и принялся малевать на свободных местах по углам холста. Я поборол стеснение перед взирающей на меня публикой и, макая кисть поочередно в охровую, пурпурную и фиолетовую краски, принялся добавлять свои штрихи к произведению Арса. Алкоголь начал давать знать о себе. Постепенно, незаметно для себя я вошел в раж и стал наносить очень резкие, экспрессивные мазки. Ввиду моей живописной неопытности, пьяной неряшливости и тотальной нерасчетливости нанесенные над обнаженной женщиной жирные загогулины потекли вниз. Моими стараниями голая дама облачилась в непонятный наряд с оригинальной цветовой гаммой. На месте амурной трещины у дамы появилось пурпурное пятно, будто у нее менструация. Картина была безнадежно испорчена.

Я боялся обернуться назад и увидеть насмехающуюся надо мной молодежь и разочарованный взгляд Арса. Переборов страх, я все-таки поставил кисть в баночку с чистой водой и посмотрел на собравшихся зрителей. Молодые парни и девушки беззлобно улыбались мне, одна полноватая студентка даже сдержанно похлопала в ладоши. Арс же без слов кивнул мне в знак одобрения.

— Тебя как звать? — спросил меня рыжебородый художник.

— Веля, Веля Недопекин. А ты Арс, я знаю, мне рассказывали, — волнуясь, сказал я.

— В первый раз, что ли, рисуешь?

— Так точно, я дилетант в искусстве, но мне понравилось, если честно.

— Ничего страшного, не переживай, для первого раза сойдет, — медленно и уверенно сказал Арс.

— Спасибо за мастер-класс! — выпалил я и спешно поднялся из полуподвала на первый этаж открывшегося арт-центра.

Хотя мероприятие подходило к концу и гости уже расходились, но фуршетная выпивка еще оставалась. Набриоленный фронт Коробчинский не поскупился на угощение для гостей. Я выпил залпом два бокала красного вина и закусил ломтиками сыра. Окончание того вечера помню плохо.

День знаний плавно перетек в день Одессы, отмечаемый 2 сентября, а третьего числа я встретил Арса на углу Пушкинской и Дерибасовской улиц. На нем была та же одежда, что и во время мастер-класса — красная рубашка с фигурными узорами (три верхние пуговицы расстегнуты, обнажая грудь), потертые голубые джинсы с дырой на колене и голубые кеды на высокой шнуровке.

— Ты, конечно, позавчера отвел душу, — с улыбкой поприветствовал меня рукопожатием Арс.

— Да мне стыдно теперь за свои каляки, — сказал я.

— Ты самовыразился, это главное. Холст после тебя я полностью закрасил черным цветом. Может, потом будет вдохновение, что-нибудь сотворю на темном фоне. Ты кто по профессии? Творчеством каким-нибудь занимаешься? — заинтересованно спросил рыжебородый художник.

— Я простой банковский служащий, творчества моя специальность, увы, не предполагает. Но иногда пишу веселые рассказы о коллегах, высмеивая офисную тупость.

— Фельетонист, значит? — уточнил Арс.

— Можно и так сказать, — с виноватым видом сообщил я.

— А я на вольных хлебах. Ушел из «Саботажа», потому что там вал работы, поставленной на поток. Мне хочется создавать только авторские проекты, которые мне по душе, а не потакать безвкусице заказчиков и лепить конвейерные интерьеры, содранные с работ популярных иностранных дизайнеров. Фельетон — это мелко. Пиши о серьезных вечных темах — о любви, о смерти. Тебе сколько лет?

— Двадцать четыре.

— Так ты еще совсем молодой, тебе рано писать о вечном. Но, вообще, хорошо, что ты пишешь. Про Одессу сейчас почти никто ничего не пишет. Моя Библия — это «Время больших ожиданий» Паустовского. Раз пятнадцать уже перечитывал. Жалко, что эту повесть так никто и не экранизировал. Да и писателей масштаба Паустовского в городе сегодня нет.

— У меня все впереди. Буду стараться набрать жизненного опыта и написать что-нибудь стоящее, — обнадежил я Арса.

— Вот про Французский бульвар возьмешь и напишешь роман со временем. Место живописное и никем из классиков не воспетое. Дерзай! — назидательно сказал рыжебородый.

— Хорошая идея, спасибо за совет! — поблагодарил я за рекомендацию.

— Идем, я тебе кое-что покажу, чтобы ты понял, в каком городе живешь.

— Хм, любопытно.

Мы прошли полсотни метров и свернули в подворотню по Пушкинской, восемь.

— А теперь посмотри наверх, — сказал мне Арс.

— Обалдеть! — сказал я. Потолок, расписанный орнаментом в стиле арт нуво с элементами рококо, удивил меня чудной игрой цветов и оттенков. На фигурных камнях, выступающих с поверхности моря, восседал крылатый ангелочек.

— Многие проходят мимо и даже не подозревают, что, подняв голову, можно увидеть подлинное искусство, пережившее и красноармейцев, и румынских оккупантов, и новых украинских реформаторов. В старой Одессе красота на каждом шагу, но не все ее замечают, — мудрствовал Арс.

— Спасибо за этот маленький урок! — с благодарностью сказал я.

3 сентября, в день рождения Сергея Довлатова, Арс подсказал мне название произведения, которое вы сейчас читаете. Михаил Шуфутдинский пел, что 3 сентября — это день, когда, как костры, горят обещания, а я в тот миг пообещал себе, что обязательно напишу про Французский бульвар.

Мы стали периодически видеться и общаться с Арсом. Он не имел своей квартиры и ежегодно менял место жительства, но всегда это были роскошные просторные апартаменты в дореволюционных домах. Арс не переваривал высотные новостройки из стекла и бетона, называя эти сооружения не иначе как «варварский Армагеддон». Летом я ходил на собачий пляж, проходя по Французскому бульвару короткий отрезок от проспекта Гагарина до Кирпичного переулка, и порой встречал Арса возле киностудии, где он арендовал один из павильонов, в которых столярных дел мастера изготавливали домашнюю мебель из натурального дерева по его оригинальным эскизам. Случалось, что Арс приглашал меня в кафе в вестибюле киностудии, заказывал нам кофе и делился своим видением мира. Он никогда не брал сдачу, оставляя щедрые чаевые, и пил кофе без сахара, так как болел диабетом. Каждый жест, каждое слово и каждый аксессуар Арса были выверены и элегантны. На правой руке художника между локтевым суставом и запястьем был вытатуирован корабельный якорь с четырьмя лапами, образующий надпись ODESSA как дань уважения родному городу.

— Я никогда не уеду из Одессы жить в другой город, потому что здесь есть все, что мне нужно. Море, свежий воздух, много солнца и еще больше красивых девушек. Вот мы сидим с тобой за столиком, а на нем, возможно, Высоцкий стихи писал в перерыве между съемками. Здесь, куда ни ступи, — везде история. А ведь миллионы людей живут в каких-то Усть-Каменогорсках и Нижневартовсках, где нет ни киностудии, ни пляжей, ни виноделия, ни итальянской архитектуры, везде разбитые ухабистые дороги и покосившиеся домики с протекающими крышами — как же эти люди ежедневно соприкасаются с тоскливой серостью? Как они борются с ничтожностью бытия в таких мрачных условиях? Пару лет назад по работе в Киеве жил, а все равно тянуло домой. Вроде город красивый, купола на церквях блестят, днепровские кручи, но чувствовал там себя не в своей тарелке. Киев — это город, который построил пьяный кондитер! Так что цени, Веля, этот момент — мы спокойно пьем кофе и беседуем на Французском бульваре, пока кто-то травится паленой водкой в какой-нибудь Тмутаракани, — говорил мне Арс.

— Но в провинции люди попроще, добрее, открытее и отзывчивее. В Одессе народ заносчив, высокомерен и слишком пафосен. Я уже разуверился в том, что встречу свою любовь, — с грустью в голосе констатировал я.

— Любовь сама тебя найдет, вот увидишь. Не ищи ее, и все сбудется, — пророчествовал Арс.

— Буду надеяться, что в твоих словах есть доля правды.

Мы никогда не обсуждали с Арсом Лару Леонову. Я стал больше вращаться в творческой среде и познакомился с Мэри, открывшей свою художественную школу на территории центра Коробчинского, общавшуюся с Ларой и приходившуюся двоюродной сестрой бывшей жене Арса. Одесса хотя и имеет статус города-миллионера, но на самом деле место маленькое и тесное, почти все здесь переплетены дружескими связями или родственными узами.

— У меня трудный характер, со мной тяжело поддерживать какие-либо отношения и скучно общаться. Как при такой характеристике встретить свою любовь и добиться взаимности? — однажды я пожаловался Мэри на одиночество.

— Ты знаешь Лару Леонову? Она тоже так. Сначала тебе кажется, что вредина, а потом понимаешь, что глубина внутри. И если люди проходят этот первый отбор,

то это значит, что они ее и их ожидает приятный сюрприз. Но отбор сложный, дерзкий и жесткий, — ответила Мэри.

— Лара меня как-то никогда не интересовала — я опасаясь девиц с архитектурного факультета, — сообщил я, помня о неудачной связи с Динарой.

— Но фотографии у нее хорошие и проекты. Обрати внимание.

Мэри пригласила меня на новогоднюю вечеринку, проходившую в том же подвале арт-центра Коробчинского, где годом ранее Арс давал мастер-класс и я испоганил его картину. Лара Леонова тоже пришла на вечеринку и с гордым видом подчеркнуто держалась в стороне от веселья. Пригубив шампанского, я внимательно осмотрел ее с ног до головы. Внешне не в моем вкусе: впалые щеки, лицо слишком печальное, поза нагловатая. Я мог бы спокойно подойти и познакомиться с Ларой, но она меня не заинтриговала, даже несмотря на совет Мэри. О чем мне с ней говорить? О фотографиях худющих школьниц и вульгарных интерьерах квартир богачей? Я мысленно занес Лару в категорию девушек, не заслуживающих внимания, и окунулся в новогодний весельный угар.

Прошло еще полгода, и я в изрядном подпитии таки познакомился с Леоновой благодаря общей знакомой — Наташе Март. При первом контакте Лара произвела на меня благоприятное впечатление, и я вычеркнул ее из реестра серых мышек. Из банковского работника я переквалифицировался в светского хроникера и стал периодически видаться с Леоновой на модных мероприятиях. Гуляя по Фонтанской дороге в районе четвертой станции, я однажды увидел Лару на другой стороне Сегедской улицы и неожиданно для себя ускорился, дважды едва не попав под автомобиль, но успел добежать так, что мы встретились лицом друг к другу, и я с одышкой выпалил «Привет!». Леонова с улыбкой произнесла «Здравствуй» и, вежливо откланявшись, продолжила свой путь вместе с подругой. Постепенно у меня начала появляться крохотная симпатия к Ларе, становившейся все более известной как фотограф и архитектор.

3

Насмотревшись на фотоальбомы Лары, изобилующие снимками зарубежных курортов, масштабных свадебных церемоний в средневековых европейских замках, я написал на фэйсбуке шуточный пост с целью подколоть Леонову, озаглавив его «Монолог эгоцентричного холостяка». Захотелось здоровой сатиры над девушкой, фиксирующей на пленке пресный мир нуворишей.

«В меня никогда не влюбится Лара Леонова», — подумал я, утром глядя в зеркало на небритую физию. Правда, что во мне может нравиться? За модой не слежу, в парикмахерской последний раз был еще летом, воспитан плохо, если вообще уместно говорить о моем воспитании. Невысокий, не брюнет, не голубоглазый. Подобные типажи вы скорее встретите на доске «Внимание! Розыск!» в районном отделе милиции, чем на страницах глянцевого журнала. А ведь Лара вся такая прифешенная... Открываю каждый раз личные сообщения с надеждой получить меседж от Леоновой: «Веля, знаешь, ты такой фотогеничный, колоритный парниша, давно мечтаю тебя поснимать, да все не решалась тебе написать, я немного застенчивая...», а приходят унылые шаблоны «Привет! Как дела?» от кого ни попадя. Мне пишут уборщицы цехов Харьковского тракторного завода, грудастые поэтессы из Полтавы, парикмахерши из нефтедобывающих деревень, сторонницы ортодоксального иудаизма из кибуцев, танцовщицы из города Губкин нахваляют свои половые губки, студентки из Греции, гопницы из Раменского, аспирантки из Киева. И все хвалят, льстят, признаются в любви. Хотят, чтобы замуж взял. Короче, я

не мужчина, а заветная мечта периферийной бабы. Сомнительная, надо сказать, характеристика. А все эти провинциальные бабы мне не интересны, они ж все похожи одна на другую. Нет в них ни гармонии, ни вдохновения, ни Божьего дара. А покосишься ненароком на Лару, так в глазах у нее бездна бескрайняя. И начинаешь потом строить догадки, что происходит в ее внутреннем мире — благодатная тишь или извержение вулканов с тектоническими сдвигами? И вообще, как она так гипнотизирует своими фотографиями? Может, Леонова освоила новое сверхсекретное НЛП через пленку? А может, она андроид, выведенный в экспериментальном научно-исследовательском институте по созданию искусственных людей? Или инопланетянка, чья миссия запечатлеть на фотоаппарат нашу земную реальность и проектировать космические интерьеры? Живет небось в катакомбах, имитирующих лунные кратеры. Питается солнечной энергией. Веснушки, наверное, у нее неспроста. Загадочная и таинственная она вся из себя, Лара. А кухарки все скучны и тошнотворны. Никакой изюминки.

И начал я всматриваться пристальней в свою рожицу в зеркале. Может, стоит мне сменить образ на более inferнальный? Эпатировать публику внешним видом и имиджем не от мира сего? Тогда есть шанс, что я стану неприятен королевам райцентров и принцессам поселков городского типа. И если в секунды лунного затмения в год всемирного апокалипсиса я произнесу скороговоркой по памяти все молитвы из Священного Писания, держа правую руку на сердце, то вдруг и сама Лара Леонова обратит на меня внимание? Да, мне явно необходимы перемены. Только я не знаю, с чего начать: наголо обриться или провести ревизию носков с выбросом имеющихся в единичном экземпляре? Короче, я сейчас обдумываю, что и как мне делать, а вы это, оставьте мне номер телефона Леоновой. Глядишь, завтра выпью стакан водки для храбрости, наберусь смелости и позвоню ей: «Алё, Лар, ну здравствуй. Чё ты там ваще? Сегодня в клубе танцы...»

Прошло часов пять после размещения поста, и наступил вечер, пока Леонова поставила лайк и перекинула мой текст на свою страничку с пояснением «Настал мой звездный час!». Если честно, то я не ожидал положительной реакции Лары на мой пост. Уже засыпая, я вспомнил, что на следующий день мне предстоит посетить церемонию вручения ежегодной премии «Nightlife awards», в которой Леонова участвует в номинации «Лучший фотограф». Предстоящая церемония, материал о которой мне следовало написать для журнала, где я числился светским хроникером, интриговала возможной встречей с Ларой.

Я совсем не прихорашивался перед визитом на церемонию, проходившую в концертном холле торгового центра «Сады Победы» на площади 10 Апреля. Не брился, не мыл голову, не душился одеколоном. Удивительное дело — в тот февральский вечер в Одессе был красивейший снегопад. В городе, где свыше двухсот девяноста солнечных дней в году, белые небесные хлопья для утонченных натур являются настоящим праздником, но для автомобилистов даже в небольшом количестве оборачиваются стихийным бедствием. Машины буксовали в сугробах и шли юзом, создавая опасные ситуации на дорогах, а я пытался скользить по обледеневшим тротуарам, ловя снежинки голыми ладонями и превращая их в капли. Перчатки, варежки, митенки, муфты, рукавицы нужны теплолюбивым людям, боящимся соприкосновений с природой. Укутанные в шарфы горожане торопились спрятаться от снегопада в своих жилищах. Я же ловил кайф от каждого мгновения настоящей русской зимы, столь редкой в теплых краях.

В гардеробе концертного холла на пятом этаже торгового центра было многолюдно. Я сдал куртку, получил номерок и принялся перед зеркалом приглаживать волосы, примятые шапкой. На фоне находившихся рядом понтовитых номинан-

тов модной премии в дорогих костюмах и расфуфыренных дам в длинных вечерних нарядах я в хемингуэевском свитере казался заблудившимся бродягой, случайно попавшим на светское событие.

Лара Леонова поднималась по лестнице с важностью английской королевы, перебирающей ступени перед тронном. Она была в черном полушубке и, что удивительно, без головного убора. Коротко стриженная под мальчика Лара сияла счастьем. Снежинки были даже на ее ресницах. На торжественную церемонию Леонова явилась, по своему обыкновению, безо всякого макияжа, явив окружающим аристократическую белизну кожи. Наши взгляды пересеклись, когда она расстегивала пуговицы на полушубке. Каменная, непроницаемая маска на лице Лары сменилась при виде меня сдержанной улыбкой.

— Здравствуй, Велимир, — вежливо произнесла она, передавая полушубок гардеробщице.

Я хотел было, как и полагается воспитанному молодому человеку, помочь снять ей полушубок, но обомлел от того факта, что она впервые назвала меня по имени. Я не верил тому, что популярная персона, имеющая четыре тысячи друзей в фэйсбуке, помнит, как меня зовут!

— Привет, Лара. Я слышал, что ты участвуешь в кинопробах? Я тоже отметил на кастинге.

— Это кто тебе сказал? Таня Нефедова? — вопросом на вопрос по-одесски ответила Леонова.

— У меня целая агентурная сеть проверенных информаторов! — отшутился я.

— Да, участвую, — сухо сообщила она.

Под полушубком Лары скрывалось строгое черное платье с оголенными плечами.

— А тебе не холодно с голыми плечами? — спросил я.

— Не холодно, — сказала Лара, уже направляясь непосредственно в концертный холл.

В этот миг мир перевернулся для меня. Сколько сказано и написано о женском коварстве, но хочется добавить пару своих фраз. Леонова околдовала меня образом снежной королевы и таинственным ледяным взглядом. На площади, названной в честь дня освобождения Одессы, мое сердце навсегда потеряло свободу. В месте, где мы расставались с Динарой, я встретил настоящую любовь. Жить в солнечном городе, будучи горячим парнем и влюбиться снежной зимой в снежную королеву — что может быть неожиданнее?!

Я шел зачарованный вслед за Леоновой по концертному холлу, лавируя между юрких официантов и неповоротливых гостей мероприятия. Нас рассадили за столики совсем недалеко друг от друга, и я имел отличную возможность любоваться Ларой во всей красе. Леонова сидела на золотистом диване в обществе неизвестных мне девиц нескромного вида. Я сидел на удобном стуле за столиком с двумя подгулявшими бабенками лет сорока, не удосужившимися даже снять с безымянных пальцев обручальные кольца перед тем, как начать заигрывать со мной. Леонова медленно пила шампанское из бокала, я потягивал апельсиновый сок через трубочку, бабенки опрокидывали в рот стопку за стопкой, небрежно наливая водку в рюмки из графина. Лара была обворожительна, я не спускал с нее глаз.

— Чё тарачишься на эту лохудру? Понравилась? Влюбился? — смеясь, спросила меня грузная белобрысая бабища, звеня браслетами на руке и выпивая очередные сто грамм.

— Не ваше дело, мадам, — корректно ответил я, не желая продолжать диалог.

— Да видно по тебе — втюрился как мальчонка. На хрен тебе эта фифочка сдалась? Тошная, бледная, страшная как бубонная чума. Ищи лучше опытную женщину

с формами, а не глазами на костлявых худышек! — вставила свои пять копеек очкастая баба с пухлыми губами.

— Только не надо еще вспоминать поговорку «Мужчина не собака, на кости не бросается!», произносимую всеми хрюшками в оправдание своих жирных телес, — урезонил я пыл очкастой бабы.

— Ты совсем молодой и зеленый мальчик! Выпей лучше с нами водки и не злись на тетенек, которые тебя, дурачка-молокососа, уму-разуму хотят научить, — кокетливо произнесла белобрысая баба, протягивая мне рюмку.

— Не буду я пить с вами, отстаньте вы, в конце концов, от меня! Я сюда работать пришел, а не ваши бредни слушать! Мне материал о церемонии писать надо! — вспылал я.

— Ну хорошо, не сердись! — желая успокоить меня, произнесла очкастая.

Подгулявшие бабенки удалились на перекур в уборную, а потом пошли в пляс, дав мне спокойно понаблюдать за Ларой. Болтливый ведущий скоморошничал на сцене, говоря в микрофон неостроумные пошлости. Прилизанный конферансье с бабочкой на шее — ампула незavidное. Перед ним вальяжно расселись отборные коррупционеры, жулики, аферисты, заслуживающие самых уничижительных эпитетов в свой адрес, а ведущему приходится виртуозно подхалимничать с улыбкой на улице, изгаляясь в произнесении льстивых комплиментов. Конферансье торжественно оглашал список из шести номинантов, претендующих на победу в той или иной категории, а выигрывали призы лишь люди и фирмы, тесно сотрудничающие с организаторами премии. Чужаков не награждали, но публика всех лауреатов встречала громкими аплодисментами. Возмутительных возгласов не слышалось. Содержанки, страдающие нарциссизмом, задирали нос выше звезды на вершине монумента освободителям Одессы, отлично просматривающегося с открытого балкона концертного холла. Номинация «Фотограф года» была предпоследней.

— А сейчас мы узнаем, кто стал лучшим фотографом года по итогам голосования на нашем сайте! На сцену для объявления победителя приглашается руководитель сети парфюмерных магазинов «Amelia» Наум Либерзон! — прочел с планшета ведущий.

Плешивый коротышка интеллигентной наружности поднялся на сцену, поклонился публике и принялся на все лады нахваливать свою парфюмерную сеть. Лара замерла в ожидании, надеясь услышать свою фамилию из уст Либерзона. Парфюмерный торговец продемонстрировал гостям церемонии мастерство пустословия и после пяти минут вербального самолюбования наконец сообщил:

— В номинации «Фотограф года» победил Сергей Чуркин!

На лице Леоновой появилась гримаса нескрываемого разочарования. На сцену вышел женоподобный юноша и получил от Либерзона статуэтку и конверт с премиальной суммой. Скажу вам по секрету, что Чуркин официально числится в штате конторы, организовавшей церемонию, а сумму премии заблаговременно вычли из его заработной платы.

Лара выглядела на миллион долларов тем февральским вечером. Среди одесских напыщенных клуш и расхорохорившихся кренделей она смотрелась белой костью, благородной княжеской дочкою, с отличием обучающейся в закрытом английском пансионе. Леонова внешне сильно напоминала французскую диву Джейн Биркин, да только женщина-саквояж уже состарилась и вышла в тираж, а наша героиня только недавно по-женски расцвела.

Я не стал дожидаться последней номинации «Человек года», наверняка зная, что приз получит владелец конторы, организовавшей премию. Снова пересекаться с Ларой возле гардеробной не хотелось, я был слишком под впечатлением от от-

крывшегося мне леоновского великолепия и поэтому покинул концертный холл до окончания церемонии. Совсем опьяневшая очкастая бабища поднимала оброненные на пол окуляры, белобрысая приставала к Чуркину, соблазняя юного мужеложца познать женскую плоть не первой свежести.

От площади 10 Апреля всего один квартал до Французского бульвара, но мне не хотелось идти по занесенным снегом тропам на улицу моей мечты. Снегопад закончился, был поздний вечер, и я, наполненный внезапно вспыхнувшей любовью, побрел куда глаза глядят. Уличные фонари будто подмигивали мне, подсказывая пешеходный маршрут. Мой путь пролегал от одного к другому фонарному столбу, освещавшему засыпающий Приморский район. Я сам вызывался бесплатно помогать водителям, вытаскивая из снежных куч буксующие автомобили. Мне предлагали мелкие деньги или подвезти домой, но я отказывался от водительских благодарностей. Судьба подарила мне любовь, ставшую ценнейшей в мире наградой.

4

Прошло три дня с момента церемонии «Nightlife awards», и эйфория первых мгновений влюбленности сменилась тяжкими раздумьями. Может ли enfant terrible завоевать расположение femme fatale? Холодным разумом я понимал, что невелики мои шансы добиться внимания Лары, но сердце не желало сдаваться и выкидывать белый флаг без борьбы. Раздираемый внутренними противоречиями, я не знал, что делать и как мне быть. Нужен был опытный человек, способный помочь мудрым советом, и я без предварительного звонка пошел в гости к Арсу, тем более я все обещал ему принести книгу Виктора Ерофеева «Хороший Сталин».

Арс снимал шикарную квартиру площадью сто двадцать метров на третьем этаже старого дома на углу Торговой и Княжеского переулков, где в начале двадцатого века находилась клиника профессора Ценовского для сифилитиков и кожных больных. С балкона квартиры открывался вид на Новый базар. Арс частенько стоял на балконе и наблюдал за шумными рыночными спорами, сопровождавшими процесс купли-продажи. Новый базар — самая колоритная и душевная одесская торговая площадка. Не верьте знатокам, обожающим, размахивая руками, говорить, что Привоз — это главный базар города Одессы. Привоз — главный рынок Одесской области, где торгуют приезжие сельчане, пахари-трудяги, не владеющие искусством словесной ворожбы и весьма примитивно нахваливающие свой товар. На Новом базаре торгуют преимущественно профессиональные реализаторы-горожане, мастерски владеющие одесской речью и способные красочно убедить, что из серой лежалой кошатины вы чудесным образом сможете приготовить сочный говяжий стейк. На базары и рынки настоящие одесситы ходят за вербальными дуэлями с реализаторами, бои идут за каждую копейку. Просто приобрести еду можно и в супермаркетах, да только общение с продавцами и кассирами, вышколенными корпоративными стандартами обслуживания, не приносит никакого удовольствия. На Новом рынке нет накопительных скидочных карт, зато есть фраза реализатора: «Приходите еще! Постоянным клиентам я отдаю подешевле!» Визуальная память реализаторов редко дает сбой, и слов на ветер они не бросают. Новый базар уютный, компактный и архитектурно гармоничный. Привоз ассоциируется у меня с дискомфортом, полчищами попрошаек и убого отремонтированными павильонами, лишенными какой бы то ни было ауры. Так что не зря Арс поселился возле Нового рынка. Возможность утром перейти дорогу, выбрать свежую соленую брынзу и ароматный балычок, за минуту вернуться домой и отзавтракать хитами одесской гастрономии, безусловно, дорогого стоит!

— Арс, привет, скинь ключи, я уже внизу, принес обещанную книгу, — позвонил я по мобильному телефону старшему товарищу, стоя под дверями дома профессора Ценовского.

— А-а-а, это ты, хорошо, сейчас скину, — из трубки послышался охрипший голос Арса.

Арс скинул мне с балкона связку ключей, я открыл коричневую деревянную дверь и поднялся по мраморной лестнице на третий этаж. Домофона и кодового замка на парадной двери старинного особняка специально не было. Владельцы квартир договорились, что будут сохранять в подъезде и на крыльце дореволюционный антураж, куда домофон и кодовый замок, естественно, не вписывались. Арс отворил входную дверь. На рыжебородом художнике были только семейные трусы и домашние тапочки. Арс выглядел усталым.

— Заходи, — коротко и ясно сказал он, потирая глаза.

Мы сели за большой стол, на котором лежали стопки мебельных каталогов и интерьерных журналов. Четырехметровые потолки и широкие окна, выходящие во двор, делали кухню приятным местом для дружеских встреч, не имеющим ничего общего с шестиметровыми кухнями в хрущевках, где в тесноте и табачном дыму тайком ругали власть советские диссиденты.

— Кушать что-то будешь? — спросил Арс, заглядывая в холодильник.

— Спасибо, я сыт, — вежливо ответил я.

— Может, тогда чаю?

— А вот от чая не откажусь.

Арс налил мне кипятку в чашку и дал пакетик чая, а себе на сковородке разогрел гречневую кашу.

— А сахар есть к чаю? — спросил я.

— Нет в доме сахара, у меня ведь диабет, мне он противопоказан, — ответил Арс.

— Ничего страшного, обойдусь так.

— Ты сегодня не похож на себя. Какой-то ты взволнованный и одновременно радостный.

— Вроде влюбился, но хорошего мало. На взаимность рассчитывать не приходится.

— Влюбился-влюбился, по тебе видно. А кто она? — поинтересовался Арс.

— Ты, наверное, знаешь ее. Лара Леонова, молчунья от архитектуры.

— Знаю, конечно, неплохая девушка, но с характером. Ты только не сдавайся заблаговременно. Она вполне земная и достижимая. Сразу Лара, естественно, не ответит взаимностью. Одним махом не возьмешь, придется долго побегать за ней. Слишком тонкая и творческая. К такой особе быстро ключ подобрать не удастся. Так что дерзай! — приободрил меня Арс.

— Думаешь, стоит мне попытаться счастья, борясь за внимание Лары? Я, если честно, не сильно верю в то, что она может снизойти до близкого общения с молодым человеком вроде меня, лишенным имиджа модного парня.

— Да всем женщинам мужское внимание нужно! Ты же считаешь себя литератором — вот и напиши ей красивые стихи! Цветы подари, в кино пригласи, на фэйсбуке в комментариях комплименты пиши. Сделай так, чтобы она выделила тебя из армии поклонников. Не концентрируйся на том, что у нее тысячи друзей в социальных сетях. Будь самим собой, и все у тебя получится! Ты ведь особенный!

— Придется мне прислушаться к мнению старшего товарища. Твое слово для меня отнюдь не пустой звук, — сказал я Арсу.

— Борись за свою любовь. За все в этой жизни надо бороться. Само в руки ничего не приходит, — делился мудростью рыжебородый художник.

Арс смерил тонометром артериальное давление и частоту пульса, после чего его настроение резко упало.

— Мне всего сорок лет, а пульс меряю каждый час. Что же дальше-то будет, — сказал он, задумчиво глядя в окно.

— Арс, не падай духом. Будешь ты еще свидетелем на нашей с Леоновой свадьбе!

— Надеюсь, что у вас все сложится.

Видя, что самочувствие Арса оставляет желать лучшего, я понял, что мне не стоит злоупотреблять гостеприимством и грузить чужие уши своими проблемами.

— Ну, я, пожалуй, пойду. Мне пора поторапливаться. Ты обязательно выздоравливай.

— Есть у меня идея сделать мансарду дома Ценовского местом сборища книголюбцев, где бы все мои друзья могли обмениваться понравившимися томиком. Нельзя ведь все время обсуждать фотографии котят в Интернете! Мансарда сейчас захламлена, пыль вековая, но к осени хочу навести там порядок. Вот выздоровею и примусь за благоустройство мансарды, — поделился планами Арс, провожая меня у дверей своей съемной квартиры.

— Бывай, маэстро, — бросил я Арсу, спускаясь по мраморной лестнице чистейшего подъезда.

Моя любовь разгоралась. Арс угасал. Вернувшись домой, я решил для себя, что буду бороться за расположение Лары, чего бы мне это ни стоило. Плевать на насмешки общих знакомых и колкие фразы: «Ты ей не ровня!» Леонова написала в живом журнале о том, что, гуляя по лужам, образовавшимся после таяния снега, промочила ноги и заболела — настал мой черед действовать. Я никогда не имел тяги к стихотворчеству и презрительно отношусь к сонму так называемых поэтов, на самом деле являющихся невротическими занудами, неспособными устроить свою половую жизнь. К людям, пишущим стихи, я отношусь так же настороженно, как к лицам, имеющим уголовное прошлое. Потратив полтора часа на подбор рифм, я оставил в ЖЖ Лары следующий комментарий:

Промочила Лара ноги
Все поклонники в тревоге
Не спасли от влаги «Uggy»
Впали в панику подруги

Все худющие модели
Враз остались не при деле:
«Кто же будет нас снимать?»
Лара нам давно как мать!»

Вся заказчиков орда
Те, кто строит города
Заявляет в унисон:
«Лопни, но держи фасон!»

Для лечения болезни
Полоскать горло полезно
Старый добрый теплый плед
Примени таблеткам вслед

Не забудь еще про мед
Игнорируй только лед
Пей с лимоном черный чай
Расслабляясь невзначай

Для спасения от луж
Нужен Ларе верный муж
Чтобы добр, весел, строг
Прям как автор этих строк

Старый кожаный сапог
Лучше всех зимой для ног
«Uggy» — дань капризной моде
Мокнут при сырой погоде

Нос не вешай и держись
Под музон дядек Bee Gees
Будь здорова, не хворай
Ты ведь просто земной рай!

На мое рифмованное послание Лара ответила тремя смайлами. Я вдумчиво перечитал посты в живом журнале Леоновой за все семь лет его существования. Внимательно изучил ее ответы на пять тысяч вопросов в сервисе formspring.me. Скрупулезно просмотрел ее профиль на фотографическом сервисе flickr.com и проникся ее архитектурными проектами, выложенными для всеобщего обозрения на персональном сайте leonovalara.com. С увеличением количества информации о Ларе я почувствовал, что она именно тот человек, которого я так долго и безуспешно искал на протяжении всей своей безалаберной молодости. Яркая индивидуальность, весьма редкий для горячечной Одессы нордический темперамент, отсутствие дурной бабской привычки акцентировать внимание на собственном внешнем виде, педантичность, строгость, честность, порядочность. А вот свою личную жизнь Леонова тщательно скрывала от виртуальных друзей.

— У нее есть кто-то? — спросил я у Мэри, отправив сообщение «Вконтакте».

— Да вроде никого. Был у нее парень — диджей — пару лет назад. Встречались. Бросил он ее, что-то не сложилось, видно. Сложная она слишком, что уж тут поделаешь, — отписалась мне Мэри.

— А любит ли она сейчас кого-то? — продолжил я допытываться у Мэри о Ларе.

— Не знаю, Веля, не знаю. Она держит все в себе, и даже самые близкие друзья вряд ли знают, кому принадлежит ее сердце.

— Ничего, я хороший разведчик, попытаюсь как-нибудь разузнать.

— Плюнь на разведку и иди завоевывай ее без оглядки на других конкурентов! Женщины любят храбрых и смелых! — приободрила меня Мэри.

— Что ж, тяжеловато перекалцифицироваться из засадного наблюдателя в захватчика дамских сердец, но я постараюсь! Чем черт не шутит! Авось и мне улыбнется удача на любовном фронте!

Я принялся активно комментировать на фэйсбуке статусы и фотографии Лары, одаряя ее искренними витиеватыми комплиментами. Реакция Леоновой была умеренно сдержанной. Зачастую она ставила лайк моим комментариям и в лучших случаях писала в ответ: «Спасибо!!» Наступило 14 февраля, день святого Валентина, праздник всех влюбленных, мода на который пришла с Запада относительно не-

давно. Вроде отличный день для того, чтобы признаться в своих чувствах, но не делать же это в Интернете? Я ведь не знаю ни номера телефона Лары, ни где она живет. Я изрядно помучился над вопросом, что ей написать, дабы означить свой интерес к девушке, и в итоге отправил сообщение на фэйсбуке: *«Лара, с днем Валентина! Неравнодушен я к тебе, тего уж скрывать. Ты редчайшая дама, заслуживающая признаний в любви не раз в году 14 февраля, а ежедневно утром, в обед и на ночь глядя! Будь счастлива и любима!»* В ответ получил лишь банальное «спасибо». Я не отчаивался и не расстраивался, прекрасно понимая, что мне предстоит еще долго стараться, дабы в ее глазах выплыть из океана посредственности. Прошлым своим девушкам Юноне и Динаре на 14 февраля я дарил роман французского смутьяна Фредерика Бегбедера «Любовь живет три года» и по странному стечению обстоятельств наши отношения начинали рушиться спустя три недели после дня Валентина. Продавщица книжного магазина, где я частый покупатель и приобретал подарочные романы, обладала отменной памятью и, завидев меня на пороге в День влюбленных, сразу же сообщила:

— Все экземпляры «Любовь живет три года» уже раскупили, самый ходовой товар перед днем святого Валентина! Я помню, что вы эту книжку у нас ежегодно покупаете!

— Видно, нефартовая эта книжка, ну его в баню, трепача Бегбедера! Мне сейчас то и дарить по большому счету некому. Есть у вас какой-нибудь социально-философский трактат о любви? — спросил я продавщицу.

Продавщица задумчиво приложила указательный палец к губам, насупила брови и, окинув взглядом стеллажи, сказала:

— Посоветую, пожалуй, вам прочесть «Искусство любви» Эриха Фромма. Доступно и содержательно о главном земном чувстве. Познавательнее, чем самодовольный нарцисс Бегбедер.

— Доверюсь вашей рекомендации и куплю Фромма. Три года живет половое влечение, а любовь живет вечно, — сентенциозно заметил я, протягивая продавщице купюры за книжку «Искусство любви».

— В любви практический опыт гораздо важнее книжного знания. Вы это обязательно учтите, молодой человек. Ни один учебник не сможет рассказать вам, как обрести и сохранить это прекрасное чувство. Только методом проб и ошибок вам удастся взрастить в себе цветок страсти и нежности, чьи лепестки благоухают свежестью, а стебель прочен, как дамасская сталь.

— Спасибо за совет. Вы так красочно говорите, что вам впору вести вечерние семинары по семейному планированию для незамужних бухгалтерш, способных разве что на любовь к мучным изделиям в неограниченных количествах! — похихкивая, сказал я, получая из рук продавщицы книжку Эриха Фромма.

— Да я сама не замужем, если что, вы это имейте в виду! — гордо выпалила продавщица лет сорока.

— Оно и немудрено, что не замужем, — заметил я, покидая книжный магазин.

В новостных лентах социальных сетей преобладали розовые сердечки и пустоватые однообразные пожелания любви, а я одиноко коротал вечер с томиком Фромма. Мы оцениваем сотни человек по шкале личной привлекательности, просеиваем тысячи лиц через внутренний фильтр, отбирающий наиболее желанных партнеров и в глубине души надеемся, что объект наших воздыханий оправдает ожидания и непременно ответит взаимностью. Интернет помог сблизить людей, позволяя быстро находить интересные кандидатуры для отношений по месту проживания, полу, возрасту и культурным предпочтениям, но сеть одновременно и отдала человеческих особей, жаждущих любви, предложив виртуальное общение

взамен живой коммуникации. Можно найти в Интернете подходящую по параметрам персону, но при этом порой архисложно упрямить ее развиртуализироваться. Видишь на фотографиях искомую особь, переписываешься с ней, а контакт в реальном времени наладить не выходит. В итоге получаешь разочарование более горькое, чем будучи просто одиноким человеком без пары. Интернет превратил поиск вторых половинок в некое подобие лотереи. Каждый хочет вытянуть выигрышный билет, но призов на всех не хватает. Верховный наперсточник постоянно жульничает, заветный шарик все время оказывается не там, где мы ожидали. Не знаю, как кто, а я прохладно отношусь к азартным играм и мало верю в то, что в сети можно найти зазнобушку. Да и зачем мне кого-то искать, когда я уже нашел Лару Леонову!

5

— Алло, Веля, спешу обрадовать: ты прошел кастинг! — услышал я в трубке голос Нефедовой.

— Отличная новость!

— Сможешь прямо сейчас подойти на примерку? Завтра уже начинаются съемки!

— Ого, как у вас все быстро! А куда подойти? На киностудию?

— Нет, гостиница «Юность», Пионерская, угол Французского бульвара, там разместилась съемочная группа.

— Ну, раз такое дело, то, конечно же, немедленно приду. Жди меня через полчаса, я мигом.

— Договорились, как зайдешь внутрь гостиницы — сразу поднимайся на второй этаж, налево и по коридору до конца.

— Уже бегу! — закончил я телефонный разговор.

Звонок Тани стал для меня полной неожиданностью. Понимая, что на примерке мне придется переодеваться, я облачился в старый спортивный костюм, который не грешно запачкать, и легкой трусцой по февральским сумеркам побежал на Французский бульвар.

Оказалось, что торопился я зря. В очереди на примерку передо мной было пять человек. Две ассистентки по костюмам работали очень медленно. Вызывали в комнату по одному, уточняли антропометрические данные, указанные в анкете на кастинге, и лично обмеряли грудь и талию будущих участников массовых сцен.

— Таня, а Леонова прошла кастинг? — спросил я Нефедову.

— Прошла.

— А она будет сегодня на примерке?

— Она позавчера была на примерке.

— А мы с ней в один день будем сниматься?

— Не знаю! Чего это она тебя так резко вдруг взволновала? На кастинге, когда я произнесла ее имя и фамилию, ты даже не повел носом! Безразличие сменилось нескрываемым интересом.

— А может, я влюбился? Откуда ты знаешь?

— Станный ты, Недопекин, очень странный.

Нефедова удалилась на ресепшн, оставив без присмотра свой ноутбук. Я воспользовался моментом и полазил в ее портативном компьютере. В папке «Кастинг» сохранились фотографии, сделанные Таней на киностудии для отбора режиссером массовиков. Снимок, где я держу в руках лист бумаги с нарисованной единицей, оказался весьма удачным. Моя похмельная улыбка стараниями Нефедовой смотрелась презентабельно. Я порылся в папке и обнаружил снимок Лары,

семнадцатой участницы кастинга. Лицо Леоновой было немного стеснительное, но милое. Выходит, что мы разминулись на киностудии где-то на час, сделал я вывод, выяснив нажатием на опцию «Свойства», когда была сделана фотография. Встреться мы тогда на кастинге, то влюбился бы я в Лару? Скорей всего, нет, так как моя чувственность притупляется после злоупотребления спиртным.

— Сигаретки не найдется? — обратился ко мне мужичок, следующий в очереди на примерку прямо за мной.

— Увы, не курю. Рад бы угостить, но нечем, — ответил я, переводя взгляд на вопрошавшего.

Мужичок был одет в серую драную куртку и поношенные брюки еще советских времен, красноватая морда выдавала в нем сильно пьющего человека.

— Вам и примерка-то особо не нужна, прямо так снимайтесь, у вас как раз одежда восьмидесят девятого года, — сказал я мужичку.

— Не, ну пусть девочки оденут, как положено, им виднее, — смеясь над своим жалким видом, произнес мужичок.

— Чего ты взял без спросу мой ноутбук? Кто тебе разрешил? Что там тебе надо? — вернулась Таня и застучала меня со своим портативным компьютером.

— Не удержался и захотел на свое фото с кастинга взглянуть, — ответил я, возвращая ноутбук владелице.

— Ага, на свое фото, так я и поверила. Наверняка на Леонову поглазеть захотел!

— Есть малехо, — сознался я.

— Как дать бы тебе по дурной башке ноутбуком, да жалко мне свою технику ломать о твой череп! — гневилась Нефедова.

Таня забрала портативный компьютер и скрылась в примерочной.

— Что-то она на тебя слишком жестко наезжает. Тебя как звать-то? — обратился ко мне мужичок.

— Веля, полное — Велимир.

— А я Сергей, можно просто Серж.

— Будем тогда знакомы.

Даже нищенствующие пьяницы хотят, чтобы на Французском бульваре их имена произносили с прононсом на французский лад.

— Ты в первый раз участвуешь в съемках? — спросил Серж.

— В первый.

— А я во второй. Увидел как-то объявление по областному телевидению и пришел на кастинг. В первый раз я в «Ликвидации» снимался, сидел статистом на лавочке во дворе и семечки щелкал. Потом себя в фильме пять секунд увидел, фамилию в титрах показали. После этого меня даже жена зауважала! Правда, всего на несколько дней, — с грустью сообщил мужичок.

— А денег хоть дали?

— Десять долларов за съемочный день. Нормально.

— Ерунда полная эта «Ликвидация». Надо проводить ликвидацию последствий «Ликвидации» для культурной Одессы. Вымученный говор, которого давно уже нет. Надуманная блатная романтика. Высосанный из пальца сюжет, — скептически высказался я о популярном сериале.

— Недопекин, на примерку! — зычно гаркнула костюмерша из примерочной.

Вторая костюмерша в это время покидала примерочную, спеша отужинать в столовой на первом этаже.

— Я Недопекин. Что делать?

— Раздевайся! — командирским голосом ответила костюмерша.

— Донага? — уточнил я.

— До трусов! Твой рост?
— Сто семьдесят семь.
— Размер обуви?
— Сорок второй.
— Ширина грудной клетки?
— Понятия не имею.
— А талия сколько сантиметров?
— Не знаю, не измерял.
— Да что вы вообще о себе знаете, молодой человек? — возмутилась костюмерша, явно вымотавшаяся за рабочий день.

— У вас тут прямо как на комиссии в военкомате, — сказал я.

Костюмерша обмерила мою грудь и талию, записала цифры карандашом в блокноте и принялась перебирать на вешалке десятки курток и демисезонных пальто.

— Завтра обещают температуру минус два. Вы уж найдите мне потеплее курточку, — попросил я костюмершу, ходившую по примерочной в домашних шлепках и вязаных носочках, протершихся на пятках.

— Попрыгаешь на одной ноге и согреешься, если что! — саркастически ответила она на просьбу.

Предложенное светло-серое пальтецо пришлось кстати. О дырках в карманах и оборванной верхней пуговице я предпочел тактично умолчать. В потертых джинсах-«варенках» заедала змейка на ширинке. Костюмерша вручила мне тупоносые черные лакированные туфли без шнурков.

— Но они мне жмут, и шнурков нет, каблук на правом совсем на соплях держится — как я буду в них ходить весь день?! Мне нужна обувь, как минимум, на размер больше, а то и на два! — негодовал я.

— Снимай, сейчас другие найду. Совсем побуревшая молодежь пошла, сплошь неженки и недотроги, — бурчала себе под нос костюмерша.

Брошенные мне под ноги голубые синтетические полусапожки — предшественники «Uggy» — подошли по размеру, но смотрелись несколько странновато.

— А это случайно не женская модель? — поинтересовался я.

— Это модель — унисекс! — смеясь, сказала костюмерша.

— Вырядили меня, как пугало, — выразил я недовольство своим прикидом.

— Давай вставай, дай я на тебя посмотрю со стороны, обернись кругом, — говорила довольная собой костюмерша.

Я выполнил команды костюмерши без всяких реплик.

— Выглядишь на пять с плюсом. Пойдет. Раздевайся, — сказала костюмерша, махнув правой рукой.

Я разделся и вернул пальтецо, джинсы и полусапожки костюмерше. К моей сценической одежде и обуви она булавкой прикрепила бумажку с моей фамилией. Джинсы и пальтецо были немедленно запакованы в прозрачный целлофан.

— Вещи завтра с утра будут в нашей машине — костюмерной. Приходи не к девяти, а чуть заранее, чтобы успеть переодеться. Советую утеплиться, свитер под низ и шерстяные носки на ноги, — напутствовала она.

— Учту.

В коридоре Нефедова инструктировала Сержа.

— Ты уже все? Нашли одежду для тебя? — поинтересовалась Таня.

— Нашли, терпимо.

— Мне обязательно надо тебя сфотографировать в сценической одежде, так положено регламентом.

- Давай уже завтра утром, а? Я устал и утомился с примеркой.
- Вообще полагается фотографировать сразу после примерки, но для тебя по знакомству я сделаю исключение, — менторским тоном сообщила Нефедова.
- Вот и славно. Серж, а ты тоже завтра будешь на съемочной площадке?
- Да, завтра снимаюсь, — ответил мужичок.
- А куда приходиться, кстати? На киностудию? — обратился я к Тане.
- Нет, какая киностудия. В девять утра следует прийти на Гоголя, четыре. Самое начало улицы, рядом с Тещиным мостом.
- Найду без проблем этот дом. До завтра, — сказал я, покидая Нефедову и Сержа.

Следующим утром, солнечным и одновременно морозным, я шел с воодушевлением на съемочную площадку. Первостепенным был вопрос: будем ли мы в один день сниматься с Ларой? Если мы все-таки пересечемся, то наберусь ли я храбрости признаться в любви? Проходя по улице Гоголя, я, конечно же, посмотрел на кованую ограду возле доходного дома Заблудовского и на парадный вход дома Фон-Деши. Вспомнились встречи с Динарой и как я впервые увидел Леонову. Студия «Саботаж» переехала в новое, более просторное помещение на Большой Арнаутской, юнипаркеры возле опустевшего дома Фон-Деши бронировали стояночные места непонятно для кого. Мускулистые атланты доходного дома по-прежнему стически терпели балконную нагрузку на могучих плечах.

В квартал от переулка Некрасова до начала улицы Гоголя сотрудники дорожного патруля впускали только транспорт кинематографистов. На всех окрестных домах рабочие, взобравшиеся на вышки, заклеивали пластиковые стеклопакеты на окнах и маскировали кондиционеры. Подготовительный процесс шел полным ходом. Специальные машины киностудии заняли всю проезжую часть. На лицах дядек в робах, постоянно связывавшихся между собой по рации, читалась нервная суматоха. На стене заброшенного дома, выбранного для съемок, висело объявление следующего содержания: «Уважаемые одесситы и гости города! **ВНИМАНИЕ!** Будьте осторожны — возможно падение элементов лепки и обрушение карнизов!» Я предусмотрительно заглянул в туалет на колесах, изучил обстановку в передвижной кухне и только потом объявился в машине — костюмерной. Внутреннее убранство всего киношного автотранспорта напоминало о железнодорожных вагонах люксовой категории и откровенно удивило меня идеальной чистотой и порядком. Выспавшаяся костюмерша была добрее, чем вечером. Я облачился в потертые джинсы, светло-серое пальто и полусапожки. На стене в гардеробной висел распорядок дня съемочной группы, где с точностью до минуты указывалось время подъема, завтрака, восхода и захода солнца, начала и окончания рабочего процесса непосредственно на улице Гоголя. Серж появился вслед за мной и выглядел повеселевшим.

- Ну что, готов к съемке? — спросил я мужичка.
- Да я уже с утра обстоятельно подготовился, — ответил, хитро прищуриваясь, Серж, намекая на выпитый для бодрости алкоголь.
- Молодец, что не опаздываешь, — на бегу сказала мне Нефедова вместо приветствия.
- Таня, постой, так Леонова сегодня будет на съемках?
- Не хотела тебя вчера огорчать, но ее не будет. Нецарское это дело — в массовке сниматься, она себя только главной героиней видит. Короче, отказалась от участия.
- Понятно, — с нескрываемым разочарованием сказал я.

Поскольку встречи с Ларой не предвиделось, то мое воодушевление резко иссякло.

— Серж, идем разомнемся перед съемкой, — подмигивая, сказал я мужичку.

— Да с удовольствием! — ответил понявший мой намек Серж.

Я предусмотрительно взял с собой фляжку с коньяком. Невозможно проторчать в одесском феврале белый день на открытом воздухе и не околеть без соответствующей подпитки. Мы уединились в дальнем углу двора. Я достал припрятанную фляжку.

— Давай, старик, дерни для согреву, — сказал я, отвинчивая крышку на фляжке.

— Благодарю, мой друг, — сказал Серж и сделал три маленьких глотка, запрокидывая голову назад.

— Два бедняка, а пьем коньяк поутру, словно буржуа! — сказал я, выпив прилизительно пятьдесят грамм.

Мы покинули закуток и встали посередине двора. Из подворотни появился главный режиссер фильма Алексей Герман-младший. Он шагал воистину с наполеоновской важностью. Будто сейчас ему предстоит руководить сражением у Ватерлоо, от которого зависит будущее целой нации. Потомственный киношник, Герман внимательно, с ног до головы оглядел меня и Сержа, после чего молча скрылся в подъезде заброшенного дома, где проходили съемки.

— Ишь, какой фраер! — восклицал Серж.

— Так, вы оба будете стоять прямо здесь во дворе и по команде «Мотор!» изображать разговаривающих местных жителей. Когда услышите: «Стоп! Снято», прекращаете играть и расслабляетесь, — сообщила Нефедова.

— Ясно, будем добросовестно выполнять команды, — ответил я за себя и за Сержа.

За четыре часа было снято двенадцать дублей. Выяснилось, что тарелку на фарт по кинематографической традиции разбили еще в Санкт-Петербурге, где и начинались съемки. Во время пауз Серж перекуривал, а я бегал на передвижную кухню, принося для нас обоих бутерброды с сыром и вареной колбасой. Мы с мужичком говорили на отвлеченные темы, переминаясь от холода с ноги на ногу. Я послушался совета костюмерши, надев под низ свитер и на ноги шерстяные носки, но это не спасало от февральского ветра. Выпитый коньяк развязал языки паре озябших и продрогших массовиков.

— Как думаешь, чем нас на обед кормить будут? — спросил я.

— В кино хорошо кормят, почти как на флоте, не переживай. Когда в «Ликвидации» снимался, то их харчами брюхо под завязку заполнял, — успокоил меня Серж.

Обед был прямо во дворе. На двух столах поставили кастрюли со свежеприготовленными первыми и вторыми блюдами. От емкости с горячим борщом шел ароматный пар, не дававший покоя проголодавшимся мне и Сержу.

— Актерам массовых сцен положено только первое блюдо, не вздумайте брать второе! — строго предупредила нас Таня.

— А что будет, если мы все-таки обдулим раздатчика и возьмем второе? — спросил я.

— Тогда стоимость этого блюда потом вычтут из моей зарплаты! Вы ничего не понимаете — есть четкая смета расходов, где все расписано, копеечка к копеечке. Во всем нужен порядок! — ворчала Нефедова.

— Хорошо, не волнуйтесь, мы лишнего не возьмем, — успокоил Серж Таню.

У столов не было контроля над тем, кто и сколько чего ест. Раздатчиками использовалась только одноразовая пластиковая посуда. Мы с Сержем съели два первых и два вторых блюда. После красного борща со сметаной и котлеты с гречкой на втором заходе я отведал шей и жареной рыбы с картофельным пюре. Смею

заверить, что киношников кормят сытно и вкусно. Я быстро расправился со съестным и захотел проникнуть непосредственно в дом, где шли съемки. Нас с Сержем во дворе снимала камера из окна третьего этажа. Воспользовавшись обеденной расслабленностью, я незаметно проскочил в подъезд и поднялся на третий этаж, где специально была воссоздана обстановка квартиры образца конца восьмидесятых годов. Декораторы выбрали для создания атмосферы позднего советского быта такие предметы, как трельяж с треснувшим стеклом, торшер с тусклой мало-мощной лампочкой и круглый стол, накрытый клеенкой с изображением полевых цветов. Фарфоровая статуэтка девицы, заплетающей косу, стояла на коричневом пианино «Заря-2», отделанном под дерево. Посреди коридора квартиры были установлены рельсы, по которым ездила тележка с камерой. Я остановился у книжных полок в форме параллелепипеда, уставленных произведениями классиков социалистического реализма Юрия Трифонова и Леонида Соболева, а также прочих мертвых корифеев дубово-конъюнктурного пера. Среди сотен запылившихся и, скорей всего, никем не читанных томиков я заметил книгу, изданную уже после развала СССР и ставшую откровением для бывших советских граждан, мечтавших побывать в столице Франции. Белые буквы на темной обложке гласили: «Edward Limonow „Укрощение тигра в Париже“». Я ранее читал с монитора компьютера это произведение об отношениях скандально известного писателя и певицы Натальи Медведевой, не надеясь встретить бумажный вариант, и вот в совершенно неожиданном месте случилась приятная находка! Я оглянулся по сторонам: никого не было, выдернул книжку с полки и быстро сунул себе под пальтецо. Конечно, знаю, что красть нехорошо, но захотелось оставить себе что-то на память о съемках. Книжка о парижской жизни Эдички заняла достойное место в моей скромной домашней библиотеке. На лестнице послышались шаги, и я поспешил покинуть третий этаж, где мне не разрешалось находиться.

— Знаешь фильм «Три тополя на Плющихе»? Так вот мы с тобой два тополя на Гоголя! Стоим, изображаем разговор, создаем видимость участия в творческом процессе, — сказал я Сержу.

— Ты прав, именно что два тополя на Гоголя! — согласился он.

За оставшееся до конца съемочного дня время сняли еще семь дублей. После плотного обеда стоять было тяжело, сильно хотелось присесть или прилечь. Последние два часа мы с Сержем провели в будке передвижной кухни, где закончились бутерброды, но оставались чайные пакетики и кипяток. В шесть вечера сообщили, что мы свободны. В гардеробе Таня вручила нам по сто двадцать гривен (эквивалент пятнадцати долларов) и попросила расписаться в договорах, что мы и выполнили.

— Я забыла вас сфотографировать в этой суете. Надеюсь, что никто не заметит отсутствия ваших снимков в базе данных о фильме, — сообщила Нефедова.

— Таня, нельзя быть такой дотошной педанткой! — сказал я.

— Если я — дотошная педантка, то кто тогда твоя Леонова? — дерзко ответила она.

— Ну она пока еще не моя, — уточнил я.

— Твои замечания всегда не к месту! — пожурела меня Таня.

— Возможно, — уклончиво сказал я.

Я сдал пальтецо, джинсы и полусапожки, вернувшись к родным кроссовкам и спортивной двойке.

— Вы не обижайтесь, если я вам вчера нагрубила. Работа ненормированная и утомительная, бывают срывы. Я одна в семье тружусь, мать и младшая сестра в Киеве остались, на себе всех тяну, — сказала костюмерша.

— Я все понимаю и не в обиде, — ответил я.

— Да и с реквизитом напряженка, не все от меня зависит, — оправдывалась костюмерша.

— Серж, ты что будешь делать с только что полученными деньгами? Пропьешь? — спросил я.

— Нет, хватит пить, для здоровья вредно. Жене отдам, пусть она распорядится суммой по своему усмотрению, — ответил мужичок.

— Да на эту сумму ничего серьезного не купишь, — констатировал я.

— Но все равно, как ни крути, это деньги, а не фантики!

— Удачи в кинематографической карьере актера массовых сцен! — сказал я Сержу на прощание.

— И тебе всего самого-самого! — сказал мужичок.

Побывать на съемочной площадке и окунуться в процесс кинопроизводства, пускай сыграв даже ничего не значащую бессловесную роль в массовке, все равно неизмеримо интересно. Все участники съемок, слепо верящие в режиссерский гений и мечтающие со временем занять директорское кресло и, крича в мегафон, давать руководящие указания, — это фанатичные люди, чья преданность кино сродни навязчивой мании. Я парень увлекающийся, но второй раз оказаться на съемочной площадке вряд ли захочу. Мне хватило одного раза. Со ста двадцатью гривнами, полученными за съемки, я расстался на следующее утро в кабинете стоматолога. Врач засверлил мне дырки в зубах и на их месте поставил пломбы. «Вдруг я таки встречаюсь с Леоновой, она разрешит себя поцеловать, а у меня гнилостный запах изо рта — непорядок», — думалось мне. Любовь не только окрыляет и вдохновляет на новые подвиги, но также заставляет мобилизовать скрытые внутренние резервы и стать более ответственным и внимательным по отношению к самому себе.

6

— Ты так и собираешься всю жизнь работать журналистом? Стоило ли тогда пять лет учиться в Экономическом университете? Тебе нужно более денежное занятие, — сказала мне дома мать.

— На что ты намекаешь? — спросил я.

— Я хочу, чтобы ты устроился инспектором в районное управление финансового контроля, — безапелляционно заявила мать.

— Какая прелесть! — выразил я недовольство услышанным.

— Пойдешь сегодня после обеда в три часа на собеседование к начальнику, я записала тебя на прием. На проходной скажешь, что по личному вопросу. Французский бульвар, семь, если забыл, где управление находится, — категорично произнесла мать.

— Я прекрасно знаю, где это. Ты уже договорилась обо всем с начальником?

— Нет. Сориентируешься на месте.

— Тогда пойду схожу и разведу обстановку, — безропотно согласился я.

На третьем курсе университета тучная преподавательница финансового менеджмента говорила нам, студентам, на лекции: «Вы выбрали экономическую специальность, будучи совсем несмышленными семнадцатилетними птенцами. Когда вы закончите обучение, попадете на рабочие места и с головой окунетесь во всевозможные расчеты, то тогда вы возненавидите вашу профессию. Большинство из вас обречено мучиться на работе всю жизнь». Мне запали в память эти слова преподавательницы. В них есть немалая доля правды. Стать чопорным бюрократам, при-

дирчивым чинушей, конторской крысой — это полнейший крах жизненных идеалов. На собеседование я шел в безрадостном настроении. Приободрял только мартовский бульвар, наполненный солнцем больше, чем в летний период. Не расцвели еще зеленые насаждения, и лучи могли спокойно проникать на тротуары, не теряясь в густой листве, курчавящейся над бульваром в курортные месяцы.

В седьмом доме по Французскому бульвару после революции находились губернский отдел милиции, сыскная контора и питомник собак-ищеек, а во время фашистской оккупации ментовское помещение занял радиоузел группы армий «А». Оригинальный седьмой дом не пережил частой смены агрессивных хозяев, и сегодня на его месте стоят уродливые блочные корпуса управления финансового контроля, не имеющие никакой исторической и архитектурной ценности.

Возле входа в управление столпилось немало измотанных бухгалтеров, спешащих сдать годовые отчеты до конца первого квартала. Мордастые теткли, держащие в могучих руках толстенные папки с отчетностью, громко переругивались между собой, выясняя, кто за кем стоит в очереди к инспекторам. Заботливые матери, преданные жены бранились и сквернословили, как необразованные портовые грузчики, для которых матерный язык является единственно возможным средством общения. Всяческие офисные клерки быстро снимали наличность из банкомата, вмонтированного в стену седьмого дома, и, сунув, не считая, купюры во внутренний карман пиджака, спешно удалялись, с опаской озираясь по сторонам. Напряженная суэта и визгливые склоки у входа в управление столь сильно фокусировали внимание всех присутствующих, что никто и не заметил шедшего со стороны Театра музыкальной комедии седого коротышку с авоськой, чье лицо сияло горделивым самодовольством. В спокойной обстановке счетоводы, конечно же, обступили бы исполнителя роли Швондера в фильме Владимира Бортко и попросили бы оставить автограф на увесистых гроссбухах, а так Роман Андреевич Карцев, закупивший съестного, был опознан только мной. Из любопытства я хотел подойти к актеру и спросить, есть ли раки в его авоське и почему он их брал на Привозе, по три или по пять, но в итоге я решил не беспокоить старика. Во внешнем облике Карцева не угадывалась знаменитость: простая одежда — ни золотых цепей, ни дорогих часов. Обычный одесский пенсионер, но всерьез поощренный местной властью. В 2009 году решением Городского совета ему в честь семидесятилетия были проданы за символическую плату в размере одной гривны двадцати копеек (сумма включает в себя налог на добавленную стоимость) двухкомнатные апартаменты в новостройке по адресу: Французский бульвар, дом девять, квартира шестьдесят три. Депутаты вознаградили сценического декламатора, сына футбольного судьи Аншеля Иосифовича Каца, за популяризацию Одессы в мире, несмотря на то что Карцев является гражданином Российской Федерации. Мама всегда с радостью принимает назад своих детей, принесших городу славу и поскитавшихся по полям и весям, но понявших, что лучше Одессы нет места на Земле. Ваш рассказчик тоже надеется, что его литературные старания не останутся незамеченными и с подачи мэра мне будет предоставлено жилье на Французском бульваре за смехотворные пятнадцать центов.

Отдельно стоит рассказать и о новостройке под номером девять, где поселился Карцев. Жилой комплекс «Марсель», названный в честь города-побратима Одессы, не вписывается в архитектурный ансамбль Французского бульвара, своей компоновкой повторяя конструктивистское здание в Монтевидео 1937 года постройки. На Думской площади установлен указатель расстояний до побратимов Одессы, где на табличке с надписью «Marseille» значится «2014 км». В честь крупнейшего средиземноморского порта назвали и улицу, но если Французский бульвар — место

проживания элиты, то Марсельская пролегла в окраинном спальном микрорайоне, застроенном панельными шестнадцатизэтажками. Объемно-пространственная композиция углового с улицей Вице-адмирала Азарова дома не сочетается с окружающими его объектами. Мне доводилось бывать внутри «Марселя», подбирая приедем друзьям подходящее жилье для аренды на лето. Хотя в доме толстые стены и установлены современные стеклопакеты, но звукоизоляция, мягко говоря, оставляет желать лучшего. Скрип и скрежет проезжающих по бульвару трамваев проникает даже в квартиры на самом верхнем, одиннадцатом, этаже. Смее предположить, что Роману Андреевичу плохо спится в дневное время в новой квартире, поэтому он частенько прогуливается к морю. Карцев, правда, ходит не на близлежащий пляж «Отрада» по Вице-адмирала Азарова, а идет к двум шарам на Ланжерон через улицу Белинского и Лидерсовский бульвар.

Морщинистый охранник в сползших на кончик носа очках записывал мои данные в книге учета прибывших, подозрительно посматривая на мою юношескую фотографию, вклеенную на первой странице паспорта. В тесной камерке, оклеенной агитационными плакатами, призывающими предприятия вовремя платить все положенные сборы и подати, гулко дребезжал телефон с циферблатом, но охранник демонстративно не поднимал трубку, дотошно выводя каракули в учетной книге.

— Пройдете через турникет во двор, дальше в открытые двери по центру, потом по вестибюлю и свернете налево. По лестнице поднимитесь на второй этаж и дальше в конец коридора. Справа будет приемная начальника, — возвращая паспорт, сказал охранник.

Выполнив все маршрутные рекомендации, я оказался в приемной.

— Я к начальнику на три часа по личному вопросу, Недопекин моя фамилия, — обратился я к вульгарно накрашенной секретарше, копошащейся в ворохе бумаг.

— Садитесь и ждите, Виктор Михайлович пока занят, — не поднимая на меня глаз, ответила секретарша, брезгливо прикасавшаяся к документам длинными накладными ногтями.

В пятнадцать минут четвертого после звонка начальника секретарша разрешила мне войти на прием. Просторный кабинет, широкий шкаф с виднеющимися корешками кодексов и нормативно-правовых актов, Т-образный стол, фотопортрет президента страны и национальный флаг на стене прямо над креслом начальника — стилистика интерьеров руководителей государственных учреждений неизменна с советских времен. Бритоголовая нахмуренная глыба неопределенного возраста с тремя подбородками скорее напоминала зажавшегося тюремного надзирателя, нежели начальника районного управления финансового контроля.

— Я так розумию, що вы маєте намир працювати у управлінні з финансового контролю? Звидки у вас выныкло це бажання? — потенциальный начальник неожиданно спросил у меня на украинском языке.

Я не очень-то хорошо устно изъясняюсь на мове, поэтому, включив мороз, я принялся отвечать по-русски:

— Всю сознательную жизнь я мечтал трудиться для процветания Украины и приносить пользу нации, которая меня вскормила, выучила и дала ощущение гордости за принадлежность к великой державе. Для меня огромная честь работать на благо общества, выполняя фискальную функцию и неустанно следя за соблюдением финансовой дисциплины субъектами предпринимательской деятельности. Недобросовестные дельцы всеми силами стремятся обойти закон, сокрыв от зорких глаз общественности доходы, полученные преступным путем. Я сделаю все от меня зависящее, чтобы в бюджеты всех уровней поступали платежи от физических и юридических лиц в максимально возможном объеме. Я прекрасно понимаю, что

наполнение казны — это почетная обязанность, священный долг и великая миссия, и клянусь, что ради этого дела готов пожертвовать всем своим временем, здоровьем и личными амбициями. Обещаю вам, что нигде, никогда и ни при каких условиях не буду брать взятку, сколь баснословные суммы ни предлагали бы нечестные на руку хитрецы, старающиеся обмануть хлебосольную мать Украину и не заботящиеся о закромах Родины! Наша житница в скором времени должна обязательно стать ведущей европейской державой, далеко обогнав всех континентальных конкурентов по показателям экономического роста, динамике увеличения внутреннего валового продукта и среднему доходу на душу населения! Примите меня в штат высококлассных профессионалов, трудящихся в управлении финансового контроля Приморского района, и вы ни разу не пожалеете о выборе в мою пользу! — нес я восхитительную ахинею, наполненную пафосом и рассчитанную на то, что недалекий начальник-ураинофил, выходец из глухой периферии, проникнется моими витиеватыми патриотическими пассажами.

— Добре, буду маты на увази вашу кандидатуру. В мене поки немаэ вильных посад, треба трошки пидиджаты. Пидидыть до виддиду кадрил та оставте там ваши контактни дани, — сведя густые брови, ответил начальник, переплетя пальцы в замок.

Я все моментально понял и ушел без слов, естественно, не заходя в отдел кадров. Начальник рассчитывал на то, что я ему предложу сумму за должность финансового контролера. В мои планы не входило платить за место в государственном учреждении, хотя оно и сулило перспективы получения неофициальной денежной благодарности от клиентов помимо заработной платы. Для занятия чиновничьим бизнесом предварительно необходимо окончательно скурвиться, позабыть о наличии совести, мутировать в беспринципную сволочь, а я хотел оставаться человеком, несмотря ни на что.

Но все неприятные эмоции от беседы с начальником финансового управления исчезли, как только я вернулся на Французский бульвар, протиснувшись сквозь дюжину гомонящих бухгалтеров. Французский бульвар — это мой персональный антидепрессант, эффективнейшее средство для снятия стресса и сильнейший наркотик, с которого я никак не могу соскочить. Минута ходьбы — и я, зачарованный, стою перед фасадом дома одиннадцать-б в стиле «рациональный модерн», построенного в 1910 году по проекту Моисея Линецкого. Рассматриваемое здание строилось как доходный дом для зажиточных граждан. На каждом этаже всего по две квартиры. В квартирах по шесть-семь комнат, включая комнату для прислуги, ванную и туалет. Дом был оснащен электричеством, водоснабжением, центральным отоплением. В подвале находилась котельная. На каждой кухне был черный ход. Центральная лестница имела выходы на бульвар и во двор. Пол в парадной выложен метлахской плиткой. Столетие назад дом Линецкого считался местом обитания для особо важных персон, а сегодня это добротное, хорошо сохранившееся строение для любителей жить в ретрозданиях, чей экстерьер, правда, обезображен некоторыми квартирными владельцами.

Возводимый рядом с домом Линецкого восьмизэтажный офисно-жилой комплекс «Крит» получит номер тринадцать-а. Пока территория огорожена серым забором, на котором с помощью трафарета изображены морды овчарок с высунутыми языками и надписи: «Внимание! Объект охраняется служебными собаками». Слышен шум бетономешалок и башенного крана. На синем контейнере отдела продаж висит постер с визуализацией проекта, не отличающегося особой изысканностью. Хотя я человек суеверный и не жалею новые объекты, но не отказался бы от возможности переселиться в «Крит» после окончания строительно-отделочных работ.

Мавританская арка конца девятнадцатого века, выполненная в восточном орна-

ментальном стиле и стоящая напротив трамвайной остановки «Пироговская», — это вход в мир моего юношества. Одна из колонн разбита небрежным водителем, не рассчитавшим габариты своего грузовика. Тротуар рядом с аркой permanently запорошен облупившейся побелкой. Чугуннолитые ворота давно украдены охотниками за металлами. Несмотря на упадок (власти всё обещают изыскать средства для реконструкции, но дальше обещаний дело не доходит), арка все равно смотрится величественно. В конце девяностых справа сразу за аркой, если идти к пляжу Отрада, летом всегда находился торговый лоток с фруктами. Продавщица так неудачно раскладывала реализуемую продукцию, ограничивая себе обзор, что мне и приятелям не составляло большого труда стащить пару яблок, груш или лимонов. Мы крали фрукты не из-за голода и жажды наживы, а ради спортивного интереса и азарта самого процесса воровства. Выражаясь научно, мы были «юными клептоманами». Продавщица ни разу не заметила наших шалостей, хотя следовало присмотреться к сорванцам, постоянно подходившим к лотку, но ничего не покупавшим.

Набив карманы шорт дарами прилавка, мы шустро спускались по лестнице вниз и расстилали полотенца на бесплатном участке пляжа, ближнем к яхт-клубу из тех, доступ к которым был свободным. Загорая, мы жевали украденные фрукты, лузгали семечки и играли в карты. Я часто наблюдал в Отраде забавную картину, как заезжий гражданин отлучался на минутку искупнуться в море, а в этот момент неприметный тип в мятой кепочке и темных очках забирал его вещи и удирал в кусты. Пляжные воры всегда метко вычисляют жертв, но нас, бессребреническую шпану, они никогда не трогали, поэтому я не переживал за сохранность своей одежды и шел купаться безо всякой опаски. Порой, запасшись макушатником, мы садились на ближайшем пирсе ловить бычков, но я в рыбалке не преуспевал. Мне тяжело было управляться с леской, крючком и удочкой, наживка постоянно соскакивала. Две пойманные рыбешки — мой максимальный улов за раз. Товарищи приносили домой бычков своим мамам, которые немедленно жарили их на нерафинированном подсолнечном масле, привезенном из сельской местности. Бычки на раскаленных сковородках скворчали и покрывались золотистой хрустящей корочкой. Собственноручно пойманный в море и поджаренный мамой бычок всегда будет гораздо вкуснее любой ресторанной «семги по-царски». Самые мастеровитые приятели строили на пляжах замки из песка, мня себя талантливыми зодчими и умельцами прорабами, но мне не хватало выдержки, терпения и ловкости рук для создания геометрически правильных форм. Я всегда отказывался быть закопанным в горячем песке, оставив только голову на поверхности. Этот давнишний пляжный ритуал у меня всегда ассоциировался с погребением заживо и пугал тем, что я буду беспомощен и обездвижен.

По лестнице в «Отраде» я также сбегал вниз на поля футбольной школы «Черноморец», где постигал азы великой игры с двенадцати до пятнадцати лет. Ближнее к лестнице поле было гаревым, дальнее состояло из черных и розовых резиновых плит. Напротив тренерских комнат и раздевалок была также бордовая искусственная мини-футбольная площадка с асфальтовыми проплешинами. Сетки на всех воротах были дырявые и ненадежные. Из-за низких непродуманных ограждений мяч частенько вылетал с территории школы вниз на трассу здоровья. Учебный процесс состоял в основном из матерных тирад красноносого алкоголика-тренера и тихих вдумчивых рекомендаций завуча — божьего одуванчика. Мы самостоятельно оттачивали мастерство жонглирования мячом, порой грешили индивидуальными действиями, заигрываясь в обводках и плотными ударами не щадя ладони вратарей. После тренировок мы пили воду прямо из крана, не заду-

мываясь о возможных последствиях. Жажда затмевала подростковый разум. По лестнице мы ускорялись вверх на обязательном после игровых упражнений кроссе. Меня частенько покидали силы на верхних ступеньках, но тренерский нагоняй заставлял бежать, несмотря на усталость. Поскольку в дублирующий состав «Черноморца» после выпуска из спортивной школы брали по очень большому блату, то я забросил занятия футболом, не дожидаясь окончания обучения. Сейчас на месте резинового поля постелен зеленый ковер с искусственной травой, гаревое поле заменили бассейном под открытым небом и теннисными кортами с синтетическим покрытием. Массовый футбол частично уступил пространство дорогим забавам новой буржуазии, тем самым возвращая окрестностям Французского бульвара славу мест досуга для избранных.

Когда водились карманные деньжата, то мы частенько поднимались с пляжа наверх не по лестнице, а по канатной дороге. Шестидесят две движущиеся кабинки за пять минут преодолевают расстояние в четыреста двадцать пять метров и перепад высот в тридцать семь метров. С кабинок открывался живописный вид на футбольную школу, играющую солнечными бликами морскую гладь и прибрежные склоны, густо оккупированные цветистыми акациями и пахучими платанами. Особым шиком считалось справить малую нужду, стоя в распахнутых створках кабинки. Мы отливали на головы ничего не подозревающих курортников, спускавшихся и поднимающихся по лестнице, не зная, что наши действия можно квалифицировать как хулиганство. Нам было наплевать на правила безопасности, установленные на канатной дороге. Из озорства мы прыгали в кабинках что есть мочи. Вибрация передавалась по канату, и вся дорога ходила ходуном. Естественно, наши шалости не оставались незамеченными. Наверху нас с вениками и мокрыми тряпками в руках поджидали сварливые старухи диспетчеры. Мы выскакивали из кабинок, стараясь увернуться от старушечьего возмездия. Только самым неуклюжим и неповоротливым доставалось веником по заднице. Я лично никогда не получал диспетчерских тумаков.

Помимо канатной дороги, на Французском бульваре, спуск-подъем к зоне купания можно еще осуществить на подземном лифте в санатории «Магнолия». Ведущий к лифту от территории загара двухсотметровый тоннель, стены которого украшены лепными изображениями былинных героев русских народных сказок и цитатами классиков о море, называют «Метро без поездов». Стоимость услуги не превышает одного доллара. Сев в лифт наверху, в седьмом санаторном корпусе, вы в итоге спуститесь к пляжу «Дельфин».

Из оцепенения, связанного с нахлынувшими воспоминаниями, меня вывел сигнал автомобилиста, собравшегося проехать сквозь Мавританскую арку. Я отошел в сторону и снова оцепенел. По другой стороне бульвара грациозной поступью шла Лара, разговаривая по мобильному телефону. Черные солнцезащитные очки, легкая черная куртка с капюшоном, узкие черные джинсы, черные чешки. Горел зеленый сигнал светофора, и я мигом очутился за спиной Леоновой.

— Здравсьте, — обратился я к Ларе, слегка коснувшись ее плеча.

— О, привет, подожди минутку, — обернувшись, сказала она, явно не обрадовавшись встрече.

— Хорошо, — согласился я.

— Тебе Наташа Март привет передает.

— Ей тоже передай привет, — сообразил я.

Лара закончила телефонный разговор, сняла черные очки «кошачий глаз» с заостренными верхними внешними углами и строго сказала:

— Велимир, что это ты себе возомнил? Оставляешь скабрзные комментарии и дерзкие шуточки на моей странице. Пишешь посты в мой адрес, наполненные фа-

миллярностью и амикошонством. Между нами ничего нет и быть не может!

От холодного взгляда и ледящего голоса Леоновой меня словно парализовало. Во рту пересохло, я замороженно смотрел прямо в глаза Лары и не мог вымолвить ни слова. Ее лицо выражало жесткость и неприязнь, настоящая железная леди. Пощады и жалости от таких серьезных особ ждать не приходится.

— Ну пока, — сказала Леонова, надевая черные очки и уходя от меня.

Я стоял как вкопанный, глядя на то, как Лара мягким кошачьим шагом удаляется от меня по Французскому бульвару в сторону Театра музыкальной комедии. Бесчувственная Снежная королева за секунду опять стала безобидной кошкой, которая гуляет сама по себе. Другой бы парень на моем месте трактовал слова Леоновой как категорический отказ и оставил затею завоевать сердце возлюбленной, но я не таков. Я брел домой по бульвару, прокручивая в голове сцену неожиданной встречи, и, как раз поворачивая у киностудии, понял, что Лара мне напоминает главную героиню фильма Киры Муратовой «Короткие встречи». Властная, имеющая свое независимое мнение, внимательно осматривающая не сданные в эксплуатацию строительные объекты, имеющая немного мужской внешний облик сильной женщины-руководителя. И при этом одинокая и несчастная в душе. Я решил, что не сдамся просто так, и, придя домой, отправил Ларе короткое сообщение «Вконтакте»: «Я люблю тебя!»

7

Я живу в пятнадцати минутах ходьбы от Французского бульвара. Полтора километра по проспекту Гагарина от киностудии до Среднефонтанской площади — и вы попадете в железнодорожное гетто на Транспортной улице. Всего четверть часа пешком — и божественный бульвар сменится для вас страшнейшим рабочим микрорайоном. Но сначала о местах, близких к киностудии.

Между нынешними Семинарской и проспектом Гагарина раньше были земли Первого городского ботанического сада, поэтому неудивительно, что улица называлась Ботанической. Сад был основан в 1820 году специально приглашенным из Сен-Дени садовником Яковом Десметом, а первое дерево посадил лично генерал-губернатор Новороссийского края граф Ланжерон. В саду проводились резвые скачки, смертоубийственные дуэли, развеселые народные гулянья, выступления пластичных шпагоглотателей и ловких жонглеров факелами, а также запускали в небо диковинный в ту пору аэростатический воздушный шар. Территория сада постоянно уменьшалась, земли распродавались под дачи. Сад исчез еще до революции, а Ботаническая улица сохранила свое название до шестидесятых и была переименована в честь первого человека, полетевшего в космос.

В сотне метров от бульвара по адресу проспект Гагарина, дом три находится специализированная школа № 35 с углубленным изучением английского языка. Эта школа всегда считалась самой престижной в Приморском районе, туда пристраивали своих детей номенклатурные партийные работники и капитаны дальнего плавания, дабы отпрыски «научились спикать». Английский обязательно должен был помочь сделать карьеру разбалованным мажорам, родители которых и так всеми силами составляли протекцию своим чадам. Детям простых смертных в тридцать пятую было не попасть, нужны были связи. Правда, самому известному выпускнику школы № 35, политтехнологу Глебу Павловскому, целое десятилетие сотрудничавшему с Владимиром Путиным, добиться успеха в большей мере помог русский язык, нежели английский. Сегодня в тридцать пятую за определенную таксу возьмут любого ребенка, даже не имеющего способности к изучению ино-

странных языков. Лучшие выпускники после окончания школы зачастую выбирают лингвистическую стезю и поступают в Одесский национальный университет, один из корпусов которого находится в квартале от тридцать пятой по адресу: Французский бульвар, дом двадцать четыре дробь двадцать шесть.

Чуть дальше тридцать пятой школы стоит заброшенный бывший пивной завод № 1, основанный в 1883 году купцом второй гильдии Вильгельмом Санценбахером. Пиво производилось по классической технологии с двухмесячной выдержкой и разливалось в дубовые бочки емкостью девяносто и сто восемьдесят литров. После национализации завода качество продукции существенно снизилось. Я еще застал времена, когда обанкроченный и сгоревший пивной завод работал вовсю. Мы, четырнадцатилетние мальчишки, забегали в заводской бар пропустить по кружке свежего пенного напитка, а по праздникам неспешно пили пиво с раками. Пускай вкус разливного пива не соответствовал высоким международным стандартам, но оно было живым и беспримесным, в отличие от баночного и бутылочного, массово импортируемого в девяностые годы. Сам церемониал питья в заводском баре был степенным, медлительным и важным. Грудастая тетушка в синем фартуке наливала нам пиво, невзирая на наш несовершеннолетний возраст. Сначала она ополаскивала кружку под краном, открывала вентиль, и тонкая струйка пенного напитка начинала капать. Когда пенное облачко возвышалось над кружкой, то тетушка смахивала его тряпицей и потом доливала пиво. Звук соприкосновения кружки с массивным дубовым столом величествен, и поэтому в баре не было ныне повсеместно распространенных картонных подставок под пиво. Мы сидели на облагороженных пеньках и дотошно препарировали вареных раков, высасывая из-под панциря солоноватый сок и выгрызая из клешней нежнейшее белое мясо. Искусство виртуозно обглодать раков в Одессе передается от отцов к сыновьям одновременно с навыками чтения и письма. Лица завсегдатаев бара, выпивавших минимум четыре пол-литровые кружки за вечер, были гораздо краснее, чем туловища вареных раков. Толстяки-пивохлебы мирно и неторопливо болтали, до драк дело не доходило.

Из окна моей комнаты отлично просматривается пассажирское вагонное депо, крупнейшее предприятие микрорайона. Старые гэдээровские темно-зеленые вагоны моют, чинят и периодически подкрашивают. В цех вагоны загоняют для капитального ремонта или смены колесных пар. Большинство вагонов ждет своего часа в отстойнике на множественных путях, соседствующих с ремонтным цехом. По территории депо постоянно ездит электрокар с тележкой, забирающий из вагонов грязное белье в стирку и взамен привозящий проводникам чистые простыни и наволочки в полиэтиленовой упаковке. Уголь для отопления составов дальнего следования в зимнее время доставляют самосвалами советских времен с ревущими моторами, давно выработавшими свой ресурс. Собачий лай, простецкая ругань и промышленный шум порой доносятся с территории депо глубоко за полночь. Труд в ремонтном цехе — тяжелый физический, непрестижный и низкооплачиваемый, поэтому после окончания рабочего дня слесари и мастеровые частенько начинают пьянствовать и дебоширить, сразу выйдя за ворота предприятия. Железнодорожники пьют все что попало, лишь бы «вставило». Паленая водка, одеколон, технический спирт выпиваются на скамейках около подъездов близлежащих к депо жилых домов. Вагонники писают и какают прямо на цветочные клумбы без всяких стеснений, подтираясь опавшими листьями и повсюду расклеенными агитационными материалами политических партий. Сидящие на лавочках старушки боятся сделать замечания железнодорожным пьяницам и пожаловаться на них участковому милиционеру, давно закрывающему глаза на мелкие проделки деповской публи-

ки. Районный отдел вышлет экипаж быстрого реагирования, если только будет обнаружен труп «с признаками насильственной смерти» и по горячим следам необходимо найти убийцу. Все остальные происшествия правоохранители трактуют как обыкновенные бытовые инциденты, требующие мирного, полюбовного решения при оплачиваемом посредничестве участкового, которые не стоит протоколировать, дабы потом не ухудшились показатели раскрываемости преступлений. Участковый, кормящийся с подаяний жителей Транспортной, давно уже купил себе просторную квартиру на Французском бульваре.

Микрорайон на Транспортной возвели пятьдесят лет назад как раз для расселения тружеников вагонного депо, застроив бывшие поля однотипными пятиэтажными хрущевками. Моя семьдесят седьмая школа, затерявшаяся в глубине микрорайона, подведомственна железной дороге. Нам часто приходилось ходить за оконными стеклами в вагонное депо, взявшее шефство над нашей школой. Вечерами, гоня в футбол на асфальтовой площадке, мы порой промахивались мимо ворот и разбивали стекла в кабинетах, где часами ранее набирались знаний. Центральной сигнализации в школе не было, на вахте сидела оглохшая подслеповатая бабушка, неспособная к поимке сорванцов, поэтому наши футбольные осечки оставались безнаказанными. На следующий день трудовик вынимал осколки из оконной рамы, определял с помощью метражной рулетки необходимый размер стекла для вставки и посылал в депо гонца с заявкой. Тамошние стеклорезы работали быстро и профессионально. Через час после отсылки гонца трудовик уже отправлял бригаду с целью забрать стекло и доставить его в школу в целостности и сохранности. Мы бережно приносили стекло, боясь разбить его и порезаться, а вот закрывал оконную брешь уже непосредственно трудовик, не доверявший нам, школярам, столь ответственную и тонкую работенку. Трудовик, судя по суровому взгляду, подозревал в битве стекол главных футболистов класса, и меня в том числе, но вслух свои претензии никогда не высказывал. После неполного среднего образования, полученного в семьдесят седьмой школе, многие парни микрорайона шли учиться в Железнодорожный техникум на Алексеевскую площадь, а потом устраивались в вагонное депо, тем самым тесно сужая свое жизненное пространство до границ Транспортной и преодолевая за минуту путь от дома до работы. Меня никогда не прельщали широкие, дочерна промасленные робы с торчащими из карманов гаечными ключами, и поэтому, в отличие от районных оболтусов, я налегал на учебу, дабы избежать незавидной участи поступления в Железнодорожный техникум с последующим трудоустройством по распределению на стальной магистрали.

Пацаны микрорайона всегда стояли друг за друга горой и вместе ходили выяснять отношения с обидчиками. Девчонка ушла от местного к чужаку, не возвращают карточный долг, гости по-хамски себя вели на Транспортной — самые частые поводы для разборок. Полсотни бойцов, вооруженных заточками, отцовскими ремнями с латунными бляхами, раскладными ножами и велосипедными цепями, выстраивались в колонну по два и маршировали на вражескую территорию. Дети вагонников закаляли характер в драках стенку на стенку в глубинах дворов, вдали от посторонних глаз. Передовых бойцов, не боявшихся ран и синяков, знал в лицо и уважал весь микрорайон. Получившим травмы и увечья в массовых уличных сражениях с представителями других кварталов вожаки скидывались на бинты и йод. Раненых никогда не бросали на месте битвы и несли назад на руках. Я порой защищал честь района на столкновениях с агрессорами, но чаще всего довольствовался ролью стороннего наблюдателя. Однажды транспортники ходили на стрелку с «мажорами» из тридцать пятой школы. Повздорили два парня на баскетбольном первенстве района. Их наглый центровой специально после свистка арбитра уда-

рил локтем по лицу и сломал нос нашему коротышке — разыгрывающему. Забили стрелку и сполна отомстили за коротышку, отдубасив ногами обидчика и сорвав баскетбольные щиты на спортивной площадке тридцать пятой. Экспроприированные трофейные кольца были проданы скупщикам барахла, ошивающимся возле Привоза на Новощепном ряду, и вырученные деньги вручили коротышке, надолго оказавшемуся вне игры из-за травмы. Особый бедняцкий шик — развешивать отслужившие свое фирменные кроссовки дорогих марок на электропроводах, прямо над спортивными площадками. Баскетбольная обувь с протертыми подошвами, по форме напоминающая прабабушкины утюги, служит единственным элементом декора, используемым районными дизайнерами-аматорами для украшения места игры в стритбол.

Больше всего пацаны сплотились в 1997 году, когда в школу пришли учиться борзые дети чеченских беженцев и принялись устанавливать свои горские порядки. Русланы, Магомеды и Сулейманы поначалу чувствовали себя вольготно, порой без стеснения плюясь на пол в столовой, обирая беспомощных первоклашек и прямо на уроках беря за грудки педагогов в случае выставления им неудовлетворительных отметок. Уроженцы Гудермеса заплатились за иллюзорную вседозволенность. Сначала дети вагонников боялись драться с чеченцами, но после нескольких стычек, закончившихся нокаутами невоспитанных аульных бузотеров, у аборигенов появилась уверенность в собственных силах. А потом закончилась первая чеченская военная кампания, в Одессе сменилась власть, и разнузданные кавказцы отправились восвояси. Конфликтовать стало не с кем.

Самым устрашающим персонажем и представительным лицом района был Лёха, по кличке Марэн. Свое прозвище он получил, потому что в детстве любил напевать мелодии из репертуара некогда популярного вокально-инструментального трио «Маренич», исполнявшего народные песни на украинском языке. Лёха родился в семьдесят седьмом и в семь лет пошел в семьдесят седьмую школу, открывшуюся также в семьдесят седьмом году, но не дотянул даже до седьмого класса. Марэн в третьем классе был освидетельствован врачами и официально признан умственно отсталым инвалидом детства, после чего перестал посещать школу. К семнадцати годам «инвалид детства» вымахал до ста девяноста пяти сантиметров и набрал сто тридцать килограммов живого веса. Разумеется, столь внушительные габариты не могли остаться незамеченными в лихие годы кровавого передела частной собственности, и Лёху рекрутировали в рядовые бойцы одной из преступных группировок. Физиономия у Марэна была настолько устрашающая и brutальная, что торгаши и коммерсанты безо всяких слов отдавали ему долги и отстегивали за крышу. Несмотря на то, что Лёха обладал внешностью безжалостного киллера и маргинального головореза, в душе он оставался сентиментальным ребенком, ощущающим дискомфорт в жестоком взрослом мире. После успешных коллекторских мероприятий по изъятию наличности у мелких предпринимателей он частенько заходил в кафе «Сегед», где до отвала объедался шоколадными эклерами и заварными пирожными, угощая вкусностями за свой счет безденежных малышей, в том числе и меня. Запомнилось, что Марэн в кафе никогда не пользовался салфетками и не мыл руки, тщательно слизывая языком попавший на пальцы крем. По району Лёха чаще всего ходил с оголенным внушительным пузом, держа в руке бейсбольную битку как весомый аргумент при возникавших межличностных спорах. Участковый никогда не придирался к мощному толстяку, так как знал, что Марэн сдержан, справедлив и не будет никого трогать по беспределу. После заката бандитизма Лёха стал настоящим рабовладельцем, заставляя бездомных работать на него за еду и кров. Он кормил бомжей горячей похлебкой и предоставлял им ночлег в

своем отапливаемом гараже, взамен требуя тягать тачки с металлоломом, разгружать вагоны на продовольственных складах возле станции Одесса-Малая и таскать на горбу увесистые тюки на ночном оптовом рынке. Свои незаконные действия Марэн объяснял желанием пробудить искру жизни у ленивых тунеядцев, привыкших весь день лежать, прося милостыню и не проявлять какой-либо активности, дабы выпутаться из незавидного положения. Отлынивающих от рабского труда бездомных, бесцельно слонявшихся по району и присматривавших, где бы чего стырить, он неоднократно воспитывал бейсбольной битой. Бомжи долго терпели унижения и тяготы, пока наконец не решились устранить своего сурового хозяина. Лёха потерял бдительность и ответил согласием на предложение отметить день рождения одного из бичей. Изрядно выпившего рабовладельца избили и зарезали, виновных никто даже и не пытался искать. Умер противоречивый Марэн, и сбежали с Транспортной бомжи-убийцы, но память о них живет в устных историях, рассказываемых на скамейках по вечерам обитателями микрорайона вагонников.

Самой легендарной личностью на Транспортной был грузинский иллюзионист и фокусник Артур Ратиани, снявший квартиру в пролетарском районе двадцать лет назад по неосторожности и незнанию одесской топонимики. К богемному тусовщику постоянно приезжали в гости разные знаменитости. По округе ходит байка, что, увидев живьем телевизионщика Леонида Якубовича, одна набожная женщина трижды перекрестилась, бросилась в ноги ведущему капитал-шоу «Поле чудес» и принялась целовать его ботинки из крокодильей кожи, причитая: «Спасибо тебе, Всевышний, за услышанные мольбы! Чудеса-таки бывают!» Якубович удивился религиозной фанатичке и предложил сдать ее живым экспонатом в популярный музей ведомой им народной телепередачи. Фокусник жил этажом выше, и мне доводилось наблюдать популярных актеров Армена Джигарханяна и Михаила Светина, курящих на лестничной клетке. Усатый армянин степенно дымил трубкой, а придурковатый лицедей затягивался коричневой сигарой, небрежно сбивая пепел в жестяную банку, прикрепленную к заградительной решетке. Артур был любимцем детворы, ждавшей с нетерпением каждого его появления во дворе. Когда Ратиани возвращался с гастролей на своем «опеле-рекорде» цвета спелой вишни, то малышня подхватывала и тащила в его квартиру оклеенные заморскими стикерами чемоданы и саквояжи, выступая в роли самозванных носильщиков. Иллюзионист благодарил за помощь блоками жевательной резинки и показывал мудреные трюки, поражая ловкостью рук. Порой из кармана его пиджака выпархивали белые голуби, а из-под широкополой шляпы выскакивал зубастый кролик. Фокусник эмигрировал в Германию, желая быть поближе к месту производства полюбившегося ему «опеля», но о его маститых визитерах и щедрой доброжелательности я не забуду никогда.

На Транспортной никто и не слыхивал о художественных фотографиях Лары Леоновой и авторской мебели Арса. Деповские трудяги — люди простые и совершенно далекие от высоких материй. Главный праздник микрорайона — День железнодорожника — торжественно отмечается в первое воскресенье августа. За единым столом собираются порой соседи — непримиримые враги — и толкают косноязычные речи о процветании зализницы — всеобщей кормилицы. Вагонники крепко обнимаются, дружески лобызуются в щеки и, расплескивая горилку, вытанцовывают с наполненными гранеными стаканами в руках под шлягеры Верки Сердючки, доносящиеся из рычащих колонок кассетных магнитофонов. После пятого тоста бабоньки, покачиваясь в сторону, *спивают* хором народные песни, слов-

но они расселись в деревне у реки, и, заплетая густые косы, хвастаются, у кого лучше вокальные данные и голосистее душа. Когда дворовое караоке заканчивается, то дородные бабоньки поднимаются в загаженных лифтах по давно не отремонтированным квартирам, предварительно наставляя своих мужей не напиваться, как последняя скотина.

Поддатые вагонники клятвенно обещают раздавшимся в талии женам, что не будут глушить водяру до состояния невменяемости, но слова так и остаются словами. Разгулявшиеся слесаря пьют и пьют, одновременно играя в домино. Черные костяшки с белыми точками звучно приставляются одна к другой, и порой раздаётся сакраментальный вопль: «Рыба!» На День железнодорожника не считается зазорным прокутить все скудное месячное жалованье и в добавку занять денег на пропой. Давно на Транспортной существует традиция отмечать всем двором пополнение в семье. Если новоявленный дед или папаша не накрыл поляну для соседей внизу, у подъезда, то ребенок считается незаконнорожденным, и бытует поверье, что малыша или малышку ждет тяжелая судьба, с хворями и несчастьями. Я далек от языческих нравов вагонников, но дернуть рюмку за здоровье грудничка никогда не отказываюсь. Обвешиваться с ног до головы золотыми украшениями, при этом выкручивать лампочки в подъезде и жалеть деньги на установку новых осветителей вместо украденных — суть ментальности железнодорожного люда.

Порой случаются истории, когда сын вагонников не выказывает желания идти по стопам предков и не связывает свою судьбу с чугушкой. Так поступил мой друг детства Саня, с младых ногтей читавший книги о ратных подвигах отважных мореплавателей, дотошно изучавший особенности пользования секстантами и всегда мечтательно смотревший вдаль, когда мы вместе отдыхали летом на пляже. После восьмого класса он поступил в мореходное училище и ушел в рейс матросом при первой же возможности. Саня влюбился в горячую темнокожую танцовщицу на карнавале в Рио-де-Жанейро и остался в Бразилии. Вскоре у него родился сын Марио. Родители Сани, обычные потомки селян, общающиеся на мове, увидев присланную фотографию внука-мулата, поначалу восприняли случившееся как катастрофу, но со временем одумались, отказавшись от своих первоначальных расистских предубеждений. Саня нынче ходит на балкерах по Карибскому бассейну и не наведывается в отчий дом, а его родители поставили себе цель скопить денег на авиабилеты в страну диких обезьян и обратно, чтобы воочию увидеть внука Марио. Старики надеются, что из маленького латиноамериканского украинца, гонящего детский мячик на Копакабана, вырастет в будущем профессиональный футболист или на крайний случай железнодорожник, но точно не моряк, как Саня.

Мне катастрофически не везет с соседями по лестничной клетке. Однокомнатную квартиру получил комсомольский проныра и перепродал бессемейному шоферу, водившему длинные свадебные лимузины. Шофер десятилетие перманентно пил от тоски и одиночества, периодически водил к себе раскованных девок, пока его не обнаружили повешенным на собственном брючном ремне на проселочной дороге в отдаленном Савранском районе. По просьбе участкового я выступал понятым при вскрытии квартиры шофера и описи вещей. Холостяцкое жилище было скромным и чистым, но неуютным. До похорон найти координаты родственников самоубийцы не удалось. Лишь через месяц объявилась мать преставившегося, которую, правда, волновала не память о сыне, а унаследование его недвижимого имущества. Сейчас в однокомнатной квартире поселился хрестоматийный гопник. Жилистый, худощавый, выгуливающий на поводке вонючего пекинеса. В закутке у мусоропровода он прячет пластиковую бутылочку с прожженным сигаретой боко-

вым отверстием и продырявленным наперстком, вмонтированным в крышечку. Гопник покуривает марихуану тайком от сожительницы и закапывает глаза нафтизином, дабы расширенные зрачки и покрасневшие белки не выдавали состояние наркотического опьянения. Он курит порой по три раза на день — утром, днем и вечером, приоткрыв оконце в закутке и заглатывая гадкий воздух железнодорожной гари. Источник доходов каннабиозного ценителя мне доподлинно не известен.

В двухкомнатной квартире долгое время жил с семьей плиточник Толик, страдавший настоящей белой горячкой. Он имел золотые руки и луженое горло, постоянно требовавшее «огненной воды». Обрусевший немец неоднократно кодировался, зашивался, но никакие методы лечения алкоголизма не помогали. В пьяной ярости он избивал жену и дочь, выходил босиком, в одних семейных трусах на этаж и принимался мастурбировать так, чтобы сперма летела вниз между лестницами и попадала на людей, входящих в подъезд. Толик не прекращал публично заниматься онанизмом, даже если ему устные замечания делали престарелые женщины. Уборщица подъезда шваброй пару раз огревала по голове плиточника-дебошира, но и эта мера не действовала на неизлечимого ханыгу. Мне приходилось заставить бухаря соседа тарашившимся на холеного рыжего кота Петровича и одновременно эякулировавшим в трубу мусоропровода. Жена Толика долго терпела проделки супруга, но в конце концов не выдержала, подала в суд на развод и удачно разменяла квартиру. Вместо распавшейся семьи ныне живет пришибленная пенсионерка, маниакально подсматривающая за мной в дверной глазок, когда я выбрасываю мусор. Стоит мне нечаянно уронить яблочный огрызок или апельсиновую корку, как старуха выскакивает из своей квартиры, словно черт из табакерки, и начинает осыпать меня злобными проклятиями, как будто я посмел нарушить вековой покой в гробнице фараона. Орать на гопника, часто сморкающегося на стены, она почему-то побаивается. Раз в месяц пенсионерка затевает уборку на лестничной клетке, высыпая полведра хлорки для дезинфекции. Грязь не исчезает, но появляется едкий и неприятный запах.

В другой двухкомнатной квартире жила более-менее нормальная семья с двумя детьми, но у хозяйки порой случались психические обострения, и она в беспамятстве сбегала куда глаза глядят, прихватив с собой все имеющиеся сбережения. Ее находили спящей под скамьей на автовокзале в Днепропетровске, нагишом купающейся зимой в киевском Гидропарке и выкрикивающей революционные лозунги посреди площади Свободы в Харькове. Порой соседка стучала кулаками мне в дверь с требованием вколоть ей десятикубовым шприцом в вену сильнодействующий препарат, стимулирующий потенцию у быков-осеменителей, но я не открывал дверь, не желая брать на себя ответственность за жизнь нездорового человека. Из-за частых исчезновений супруги семья рухнула, квартиру продали, и теперь моими соседями стали заносчивая немолодая торговка и ее муж, тихий подкаблучник, любящий пить горькую, стоя на лоджии, и смотреть в театральный бинокль на проходящие рядом с вагонным депо пассажирские поезда. Новый пьяница своими нырками на дно бутылки хотя бы не доставляет проблем окружающим, в отличие от плиточника Толика.

Соседи сверху — семья молдаван из пяти человек, сто двадцать килограммов весом каждый. Я понятия не имею, чем они питаются, но во время их хмельных плясок люстра в моей комнате дребезжит и раскачивается, как маятник. Порой становится страшно при мысли, что вся эта толстенная мамалыжная братия вдруг проломит межэтажное перекрытие и провалится прямо ко мне в постель. Молдаване недавно решили извести у себя на кухне тараканов, воспользовавшись специальным высокотоксичным средством, но забыли забрать овчарку с территории

распыления отравы. Итог печален: собака умерла, а тараканы остались. Сосед снизу — окультуренный алкоголик, помешанный на песне «Hotel California». Нетленный хит группы «Eagles» он может слушать пятнадцать раз подряд, включив стереосистему на полную громкость. Разбуди меня посреди ночи, и я без запинки скажу слова гимна всех шестидесятилетних лузеров. Калифорниец выдал дочь замуж, и сельский женишок перебрался жить к ним. Фанат заокеанского отеля теперь постоянно жалуется всему подъезду на нового члена семьи: «За пять минут опустошает холодильник, дармоед хренов, жратвы на него не напасешься!»

В подвале моего дома одно время обитали дворники, получившие бесплатное социальное жилье от жилищно-эксплуатационного кооператива, в котором они работали. Пара «тружеников метлы» минувшей зимой согривалась поддельной водкой, переборщила с количеством и откинула лапы прямо в подвале, запертом изнутри. Два покойника гнили больше месяца из-за новогодней неразберихи, в подъезд было невозможно зайти, пока не нашлись ответственные чиновники, распорядившиеся отворить запертую подвальную дверь и захоронить мертвецов. Времени уже прошло предостаточно, но в подъезде до сих пор остался ужасающий запах разложившегося человеческого тела.

Надеюсь, теперь вы понимаете, почему я так люблю бесцельно бродить по Французскому бульвару? Живя рядом с неврастениками, безумцами, психопатами, маразматиками, наркоманами, тяжело сохранять душевное спокойствие. Атмосфера тотального сумасшествия, царящая на Транспортной, шокирует случайно оказавшихся в микрорайоне людей, но я к ней уже давно привык и не обращаю внимания на очередные выходы невменяемых соседей. Французский бульвар — это надежное успокоительное лекарство, способное уgomонить самую взбудораженную натуру и привести ее в благостное состояние полного душевного равновесия.

8

Я нигде специально не учился художественному письму и литературному мастерству, получив волею случая приглашение работать журнальным колумнистом и обозревателем. Только уроки русского языка и зарубежной литературы (именно зарубежной, увы, я не ошибся: произведения русских классиков мы изучали как творчество иностранных авторов) в семьдесят седьмой школе стали фундаментом моей нынешней профессии. Каково же было удивление, когда меня попросили прочесть лекцию по созданию креативных текстов второкурсникам журналистского факультета Одесского национального университета имени Мечникова. Моя ровесница — университетский преподаватель, с которой я иногда пересекался на поэтических вечерах, — предложила мне поделиться опытом освещения культурных событий и дать практические советы молодым борзописцам, у которых она числилась куратором группы. Бывший Новороссийский университет всегда был самым значимым и престижным учебным заведением региона, куда я даже не пытался поступить, трезво оценивая свои способности. Меня не позвали быть студентом национального университета и восседать на широких лавках просторных аудиторий с панорамным остеклением, откуда можно на лекциях посматривать на Французский бульвар, но разово привлекли к педагогическому процессу на второсортном факультете.

Войдя в университетский корпус, сразу задумываешься: а туда ли ты попал? У входа — столики кафе быстрого обслуживания и автоматы с горячими напитками. Улыбчивые студенты жуют сладкие маффины с изюмом и пьют фруктовые чаи, одновременно набирая сообщения на сенсорных планшетах. Расслабленная

болтливая обстановка скорее напоминает развлекательный сектор торгового центра, но никак не вестибюль храма наук. Самому трудно сориентироваться, как попасть на искомый журфак. Доска объявлений пестрит дискотечными плакатами и постерами туристических фирм, зазывающих студентов посетить на выходных давно всем надоевший дендрологический парк «Софиевка» в Умани. После коридорных расспросов я таки попал в писчую кузницу, поднявшись на третий этаж. В тесном кабинете с дюжиной узких школьных парт сидели двадцать девиц средней степени внешней привлекательности и два застенчивых очкарика, забившихся в самый дальний угол.

— Знакомьтесь, это Велимир Недопекин, светский хроникер журнала «Luxury». Он расскажет вам о специфических особенностях журналистской работы и объяснит свое видение репортерской кухни, — сухо представила меня куратор группы.

— Привет семье и детям, — по-хозяйски начал я общение в бесцеремонном стиле, видя сонную инертность присутствующих.

— Очень приятно, это группа Ж-22, я староста группы, — чопорно ответила зазнайка с нарисованными бровями и пестрым макияжем, сидевшая прямо передо мной на первой парте.

Мне непривычно было сидеть за учительским столом и наблюдать, кто и чем из студенток занимается на лекции, но я без проблем справился с дрожью в коленках, оставив волнение за дверями кабинета.

— Почему вы выбрали профессию журналиста? Что заставило вас пойти учиться именно сюда? Почему вам захотелось посвятить жизнь писанине, а не, например, лечению людей, рисованию картин или хлебопечению? Вы уверены в том, что сделали правильный выбор? Или за вас выбор сделали родители, отправив вас обучаться в приказном порядке? Не будет ли вас в будущем тошнить от залипающей клавиатуры и белого листа, требующего осмысленного заполнения буквами? Кто-то может из вас внятно ответить на эти вопросы? — начал я свой монолог с резкой атаки, чем привлек внимание девиц, которым пришлось отложить в сторонку зеркальца с румянами.

— Кажется, я сделала правильный выбор. Мне хотелось найти призвание, сопряженное с культурой. Думаю, что журналистская работа даст мне духовную пищу для размышлений, — нехотя, с долгими паузами, ответила староста.

— А о пище насущной вы задумывались? Думаете, вас ждут в редакциях с распростертыми объятиями и сразу предложат баснословные гонорары за статьи и материалы? Платят прессе мало, так и знайте, это неденежное занятие. И еще порой приходится выполнять идиотские установки самодуров начальников. Средства массовой информации ныне тотально ангажированы, так что вам придется свое личное «я» засунуть себе глубоко в задницу! — крепко выразился я, не постеснявшись университетских стен.

Куратор группы стояла у двери и безмолвно слушала. Девицы заметно оживились от моей резкости. Затюканные ботаники в углу очнулись и расшевелились, начав поправлять очки и всматриваться в мои контуры. Двое парней с девственным пушком под носом явно чем-то хотели поинтересоваться у меня, но, наверное, робели или не могли правильно сформулировать вопрос.

— Я летом после первого курса стажировалась в газете «Вестник Причерноморья» и писала колонки о проблемах молодежи и студенческих буднях. Мне потом было приятно увидеть в газете свою фамилию, но немного разочаровало то, что сорок процентов моего текста сократил главный редактор, — с грустью сообщила староста, видимо, решившая отдуваться и говорить за всю группу.

— А пару копеек тебе за материал хоть выплатили? — любопытствовал я.

— Стажировка была неоплачиваемая.

— То-то и оно! Всем редакторам подавай хорошо написанный актуальный текст, нестандартно преподнесенный материал, польку-бабочку с выходом станций им прямо на бумаге, потом самые смачные моменты они безалаберно вырежут, ужмут информацию до минимума и воткнут на газетную полосу, а взамен тебе: «Спасибо, мальчик!», которое на хлеб не намажешь! — по-простонародному выражался я, пытаюсь достучаться до всех присутствующих.

— И как бороться с редакторской тиранией? Что вы посоветуете как профи? — спросила староста.

— Надо прежде всего поставить себя как профессионала с большой буквы, а не как трусливое подмастерье, боязливо смотрящее снизу вверх на главного редактора, как кролик на удава! Добейтесь уважения, научитесь отстаивать свою позицию, не отступайте ни на сантиметр от своей точки зрения, если вы в ней, конечно, уверены на все сто процентов. Боритесь за каждую запятую, не молчите в тряпочку, когда кромсают ваш текст. Корректоры и редакторы в изданиях, эти суровые литературные хирурги, кастрирующие материалы, обычно пристально следят за грамотностью написанного текста, но совсем не акцентируют внимание на содержании прочитанного и сокращенного. Учите великий и могучий русский язык — это мой главный вам совет!

— А тяжело писать заказные материалы на неинтересные для вас темы? — поборов робость, спросил очкарик, предварительно подняв вверх руку.

— Я пытаюсь абстрагироваться от того факта, что мне безразлична тема, которую порой приходится освещать. Концентрируюсь на том, что необходимо не ударить в грязь лицом, описывая чуждые мне вещи и явления. Постоянно держу в уме сумму, которую получу за неинтересный, но сданный материал. Тяжелее всего, конечно, в политической публицистике, где нет как таковой авторской позиции, постоянно приходится прогибаться и артикулировать только ту точку зрения, которая выгодна владельцу издания или заказчику. Неужели кто-то из вас все-таки питает иллюзии, считая журналистику творчеством? — обратился я к аудитории.

— Журналистика — это не творчество, а призвание, — философски заметил очкарик.

— Для вас, молодой человек, журналистика, возможно, и станет призванием, а вот для большинства девушек вряд ли. Окончат университет, выскочат по-быстрому замуж, родят слезливых детей, с головой окупнутся в пеленки-распашонки, закинут дипломы на пыльные полки и никогда не удосужатся даже дня поработать по полученной специальности. На журналистике учат всему понемножку, но ничему конкретно. Дают минимальные познания в экономике, политике и культуре. Выходят с факультета несмышлениши, поверхностно наслышанные о многом, но досконально не знающие ни одного предмета. Вот вы о чем именно собираетесь писать, когда закончите университет?

— Мне хочется устроиться работать в какой-нибудь ежедневный новостной портал, освещающий самые горячие происшествия, происходящие в городе. Интересно, наверное, быть непосредственно на месте событий, видеть своими глазами участников случившегося и потом делиться своими впечатлениями с читателями. Аварии, пожары, громкие судебные процессы — это ведь все людские драмы, — мечтательно произнес очкарик.

— Вас привлекает чернуха? Хотите ежедневно видеть несчастных людей, у которых порой по чужой вине рушатся судьбы? Вас не смущают лужи крови, валяющиеся на тротуарах оторванные конечности и обугленные трупы, некогда бывшие чьими-то любящими женами, мужьями и матерями? Я вам скажу, что эта работа

неблагодарная и не доставляющая положительных эмоций, не говоря уже о материальном достатке. Приносить плохие вести в чужие дома — это удел проклятых людей, обиженных жизнью. Быть стервятником, фиксирующим человеческие несчастья, — это негативная энергетика, а надобно притягивать к себе добро и тепло, независимо от того, чем вы занимаетесь, — вещал я, словно церковный пастырь на проповеди.

— А вы гордитесь профессией журналиста? — неожиданно спросила полноватая девица в вязаном свитере под горло, до этого не проявлявшая интереса к беседе.

— Нет, не горжусь. Да и вообще, чтобы официально считаться журналистом в нашей стране, необходимо вступить в соответствующий союз, предварительно принеся определенное количество публикаций, изучить устав организации, заплатить членские взносы и получить благословение от верхушки областного правления. Пройдя этот обряд посвящения, вы получите красную корочку журналиста, которая не дает вам никаких привилегий. По этому удостоверению даже бесплатно проехать в троллейбусе или трамвае не получится, кондукторы заставят приобрести талон или выйти из транспортного средства. При трудоустройстве в журналистике прежде всего нужны навыки письма и наблюдательность, а не ксива. Поэтому я и не стремлюсь получить бесполезную корочку журналистского союза. Гордиться современному журналисту особенно нечем. Это при СССР профессия журналиста была престижной, потому что нация была читающей, тиражи у газет миллионные и годовые подписки через почту, соответственно, в отрасли крутились немалые деньги, что и отражалось на зарплате авторов. Доходы главных редакторов были сопоставимы с заработками начальников отделов крупных предприятий. И работали в профессии действительно лучшие люди, образованные, начитанные, интеллигентные, готовые отвечать за свое печатное слово. А потом страна рухнула, и наполнились редакции болтунами-проходимцами, готовыми ради красного словца и хозяйской прихоти донельзя исказить правдивые факты. Новые шелкоперы совсем читать перестали, средний уровень владения словом ниже уровня городской канализации. Перлы и ляпы в любых журналах, даже в самых пафосных, издающихся по зарубежной франшизе. Чем гордиться современному журналисту? Собственной вопиющей безграмотностью, продажной беспринципностью и полным отсутствием нравственности? Я горжусь только тем, что посвящаю себя тому занятию, которое у меня лучше всего получается.

— А что бы вы посоветовали начинающим журналистам? — спросила староста группы.

— Да вы, девушка, прямо интервьюируете уже меня. Чувствуются задатки профессионала, талант не скроешь под макияжем. Советую расширять свой кругозор. Посещайте театры и выставки. Читайте как можно больше свежих публикаций на самые разные темы — от особенностей стрижек гладкошерстных ретриверов парикмахерской машинкой в домашних условиях и до профилактики заболеваний мочеполовой системы питьем целебных отваров из трав по народным рецептам. Ходите в читальные залы библиотек, хотя это может вам показаться старомодным. Чтение стоя в шумной маршрутке с экрана айпада и чтение сидя за старым лакированным столом в тихом библиотечном зале с высокими сводами — это две большие разницы. Книгу с инвентарным номером и карандашными пометками строгих библиотекарей можно потрогать на ощупь. Соприкоснувшись с отпечатками пальцев прежних читателей и выцветшими буквами на пожелтевших страницах, вы приобретаетесь к многовековой культуре изучения книгопечатной продукции. Если у читателя бумажных книг есть надежда на озарение и последующее познание сокровенных тайн мироздания, скрытых от невежественных взглядов по-

требителей товаров и услуг, то единственное озарение читателей электронных книг — это появление мигающего значка, сигнализирующего о том, что батарея разряжена и без энергетической подпитки экран айпада скоро погаснет.

— А если нет денег на бумажные книги, как тогда быть? Когда произведения есть в Интернете в свободном доступе, то руки чешутся скачать, хотя это, по сути, воровство, — спросил меня очкарик.

— Если вы много времени проводите в Интернете, то должны были наткнуться на группы по книгообмену, где есть свои четкие правила и нормы. Также существуют библиотеки нового формата для продвинутой публики, где, зарегистрировавшись и внося залог в сумме стоимости книги, вы можете получить во временное пользование все актуальные новинки издательского рынка, не говоря уже о том-кахах классических произведений. В Интернете сегодня почти все люди лазят, да только не каждый находит то, что ему действительно необходимо.

Время учебной пары прошло незаметно. В коридоре началось оживление. Из-за двери послышались беспечный студенческий говор и быстрый топот ног. Раздался дребезжащий звонок, возвещающий окончание лекции и начало перемены. Куратор группы поблагодарила меня за визит и наставления молодым журналистам.

— Будьте людьми прежде всего, а остальное обязательно приложится. Спасибо за внимание! — обратился я к группе Ж-22 на прощание.

— Удачи вам, господин Недопекин! — добро произнесла староста от имени всей группы.

Спустившись в вестибюль, я не удержался от соблазна и остановился возле кассы кафе быстрого обслуживания. Маффины мне завернули в бумажную упаковку, и на Французский бульвар я вышел почти счастливым. Я ничуть не жалел о том, что не отучился в университете имени Мечникова, студенты и обстановка которого меня откровенно разочаровали. Корочка о высшем образовании важна, но грош ей цена без полученных знаний и умений, успешно применяемых на практике. Я порой не чужд человеческих слабостей. Жевать свежеспекавшиеся маффины, гуляя по дышащему весной и пробуждающемуся от зимней спячки Французскому бульвару, — это эстетическое удовольствие высшего порядка, сопоставимое с созерцанием монументальных полотен классиков в Лувре и слиянием с вечностью на узких улочках Иерусалима. Только обязательно выбрасывайте в мусорную урну бумажные упаковки от сладостей — бульвар следует бережно сохранять в чистоте и порядке для потомков и будущих туристов, собирающихся посетить неповторимую Одессу и прогуляться к морю по благодатному аррондисману виноделов и кинематографистов.

9

Лара Леонова имела привычку фотографировать все предметы своего домашнего быта и выкладывать снимки в Интернете. Нельзя сказать, что она обделена вкусом, но явно питала слабость к вещам, продававшимся с впечатляющими суммами на ценниках. Кухня нашей героини заставлена самой дорогой бытовой техникой последних моделей, но я уверен только в том, что регулярно она пользуется лишь посудомоечной машиной, дабы не сохла холеная кожа рук от частого соприкосновения с водой и вредными химическими средствами, избавляющими тарелки от жира. Лара практически еженедельно фотографировала себя веб-камерой с единственным мужчиной в квартире — откормленным рыжим котяткой Сдохманом. Леонова постоянно обнимала и гладила вялого домашнего питомца цвета коррозийной ржавчины, неспособного к поимке мышей и сражениям около помоек за хар-

чи, выносимые сердобольными старушенциями. Многие одинокие молодые женщины заводят себе котов для оживления обстановки в квартире. На самом деле вместо мурлыки им хочется завести себе ребенка, но по разным причинам они себе не могут позволить разродиться потомством. Одни не могут заарканить достойного самца, другие берегут фигуру, третьи не способны воспитывать в одиночку зачатое от суррогатного отца дите. Поэтому мяукающие ленивцы так популярны у незамужних дамочек и вынуждены создавать иллюзию домашнего очага в бессемейных жилищах.

Все знакомые мне выпускницы архитектурного факультета Строительной академии преисполнены высокомерного снобизма, грандиозного чувства собственной значимости, и Лара не исключение. Факт проектирования сантехнического узла в дешевой забегаловке поднимает самооценку исполнительницы до неслыханных размеров. Корпящим над расстановкой белоснежных унитазов и журчащих биде в программах «Autocad» и «3D max» кажется, что они заняты делом общенациональной важности, без выполнения которого решительно невозможно поступательное развитие человечества во вселенских масштабах. Тысячелетиями дремучие дикари с опаской оправлялись в продуваемых всеми ветрами кустах и гадили в сырых деревянных будках над смердящими выгребными ямами, пока не возникла Одесская государственная академия строительства и архитектуры, лучшие женские умы которой сподобились сварганить чертежи комфортных теплых сортиров! Один реализованный проект ватерклозета — и художественная неумеха гордо начинает презентовать себя всем окружающим как архитектора.

Леонова открыто не кичилась своей профессиональной деятельностью, но и не могла скрыть презрения к простым людям, чья работа никак не связана с творчеством. Фрилансер, как Леонова, самостоятельно ищущий клиентов и не привязанный местом трудового производства к какой-либо конторе, является авангардным членом креативного класса. Креативный класс — это не класс прогрессивных создателей, а когорта продвинутых потребителей, ориентированных на помпезный отдых в дорогих европейских отелях, посещение самых обсуждаемых ресторанов, покупку броской одежды, необязательно качественной и долговечной, зато от распиаренного дизайнера, чье имя на слуху у модной публики. Креативный класс даже и мысли не допускает о построении сильной державы, о крепкой семье и фамильном доме на века, предпочитая сосредоточиться на удовлетворении своих сиюминутных интересов. Специалисты по стартапу и соучредители студий интернет-маркетинга не планируют долгосрочных отношений, живя в гражданских браках на съемных квартирах и откладывая деньги не на собственное жилье, а на отпускные развлечения вроде кайтсерфинга или подводной охоты, расхваленные манипуляторами общественного сознания опять же посредством всемирной паутины. Айфон, звонящий, фотографирующий калькулятор с миллионом бесполезных опций — это опознавательный знак креативного класса, служащий для идентификации своих среди морлоков, владеющих компьютером на уровне обычного пользователя. У меня нет айфона, потому что я терпеть не могу показное потребление, да и производить впечатление в современной Одессе совсем не на кого. Будучи глубоко русским человеком по духу, я лучше пропью и спущу в кабаке тысячу долларов, чем приобрету ненужную игрушку с изображением надкусанного яблока на корпусе.

У Лары Леоновой есть айфон. В апреле она улетела в Милан на дизайнерский симпозиум и разрекламированным гаджетом фотографировала надкусанные клинья шоколадных пирожных, немедленно выкладывая на фэйсбуке сделанные снимки. Архитектурная снегурочка шаталась по выставочным павильонам, пальпируя неровные поверхности высокопрочных строительных материалов, и проха-

живалась по бутикам на центральных улицах одной из столиц мировой высокой моды. Противоречивое существо, в которое меня угораздило влюбиться, примеряло нарядные платья от актуальных кутюрье, фиксируя образы фотокамерой айфона в зеркалах примерочных кабинок. Девичьи снимки самих себя в зеркале, давно заполонившие виртуальное пространство — это высшая степень эгоцентричного нарциссизма, мастурбация на собственный лик, вызванная опустошающим одиночеством: ведь некому нажать кнопку на цифровом фотоаппарате или айфоне, дабы запечатлеть жаждушую мужского внимания особь.

Конец апреля выдался самым жарким за последнее столетие. Тридцатого числа температура морской воды на одесских пляжах достигала отметки двадцать один градус, но я все-таки не решился открыть купальный сезон в четвертом месяце от начала года, опасаясь простыть из-за ослабленной весенним авитаминозом иммунной системы. Последним апрельским вечером вернувшись из Милана Леонова разместила на фэйсбуке фото, на котором обнимала Сдохмана, прижав грузного кошару к своей голой груди. Виртуальные друзья поставили пятьсот лайков, а я в комментариях приглашал Лару на романтическое свидание.

«Лара, пошли кататься на лодках в парк „Победа“, там замечательный пруд со свисающими плакучими ивами, тебе обязательно понравится», — пригласил я возлюбленную.

«Не пойду с тобой гулять, даже не мечтай», — ответила Леонова.

— Да встретитесь наконец и найдите общий язык, — поддержал меня в комментариях Арс.

«Арс правду говорит, ему виднее в силу возраста. Лара, не упрямясь, идем целоваться в парк», — написал я.

«Я сказала „нет“ — значит „нет“!» — категорично обозначила свою позицию Леонова.

Я сильно расстроился из-за отказа, слезы наворачивались, но вовремя успокоился. Наступающий Первомай и неожиданная теплынь отвлекли от волнений.

1 мая в девять утра Французский бульвар был солнечным и безлюдным. Милиция пресекает все кострища на территории прибрежных склонов, поэтому приверженцы жаренных на мангале шашлыков отправились расслабляться за город. На бульваре не было ни демонстраций с красными флагами и броскими транспарантами, призывающими трудящихся всего мира быть солидарными, ни громких речей профсоюзных лидеров, ни торжественных поздравлений партийных бонз, но каждый раскаленный булыжник на мостовой и каждый блестящий рельс казался мне преисполненным праздностью. Алебастровые львы на воротах киностудии наблюдали за зеленеющим бульваром, отдохавшим от гудящих автомобилей, дребезжащих трамваев и суетных пешеходов. «Бульвар Французский был в цвету», — пел давненько Утесов, и я могу повторить эти слова за предводителем веселых ребят. Цветущий в мае Французский бульвар — это диалог матушки-природы с человеком. Природа всеми средствами говорит, что жизнь прекрасна и провести ее следует непременно в Одессе. Человек отвечает загорающимися ладонями, желающими созидательного действия, но порой калечащими творения природы.

Я, влюбленный, шел не по тротуару, а по бордюру, представляя себя отважным канатоходцем, выступающим с рискованным номером под куполом цирка. На трамвайной остановке напротив дома Макареско, в месте, где в бульвар упирается Кирпичный переулок, одиноко сидела причудливая бабка, о которой непременно стоит рассказать. Серые дырявые чулки, черные стоптанные калоши и бордовый халат с несколькими оторванными пуговицами вполне обыденны для пенсионе-

рок, но крашенные в пурпурный цвет волосы с химической завивкой, ярко напмаженные губы, подведенные глаза и чернейшие нарисованные брови делали горбоносую бабушку городской сумасшедшей. Хоть бабушка и передвигалась на костылях, но всячески пыталась подчеркнуть давно увядшую женскую красоту, укутывая шею десятком дешевых бус и украшая уши крупными серьгами, похожими по форме на дореволюционные военные ордена. Я часто видел на улице Довженко эту выжившую из ума рухлядь, возомнившую себя манекенщицей, и всегда поражался ее стойкости к насмешкам и скептическим взглядам. Древняя морщинистая старуха преподносила себя окружающим с гордым достоинством хорошенькой баронессы, обладающей внушительным приданым в имущественной и денежной форме, упругой попкой и проглядывающими из-под прозрачного платица стоячими сосками, просящими нежных прикосновений подушечками пальцев. Прохожие смотрели на бабушку так, будто она стоящая на коленях нищенка в истрепавшихся лохмотьях, просящая милостыню на кормление грудного ребенка, валяющегося рядом на куске картона. Мне всегда хотелось разузнать, что движет бабушкой в нелепом стремлении казаться эстрадной дивой и какие превратности судьбы сделали ее живой достопримечательностью Французского бульвара, но никто достоверно не мог объяснить, почему бабушка ежедневно эпатирует социум. Долгие годы я боялся эту сумасшедшую с костылями, обходя ее стороной, пока однажды не наткнулся на клип Lady Gaga, чей имидж еще более нелепый и шокирующий. Для меня нет разницы в девиациях американской певицы и пенсионерки с трамвайной остановки «Улица Довженко». Отличие между ними — в монетизации тараканов, водящихся в их головах. Заокеанская звезда получает миллионы купюр с портретом президента за трансляцию своей неменяемости, а престарелая одесситка прозябает в нищете, довольствуясь лишь созерцанием визуального великолепия Французского бульвара, которое невозможно оценить ни в одной мировой валюте.

Отрезок от Пионерской улицы до трассы здоровья — самая неприглядная часть Французского бульвара. По четной стороне — заброшенные санаторные строения, обезображенные граффитчиками, и непролазные джунгли, заросшие дикими кустарниками. Дорога разбита грузовиками и самосвалами, подвозящими материалы для строительства элитного коттеджного поселка на краю обрыва. Тяжелая техника разносит пыль по округе. Обойдя шлагбаум, я оказался на крутом спуске, ведущем к трассе здоровья. Фигура, шедшая впереди меня, поначалу показалась миражом и плодом моего воображения, но, присмотревшись, я понял, что это Лара Леонова отправляется на морские процедуры. Она была в цветастой тунике, с бежевой пляжной сумкой на плече. Берег сверкал лазурью, возвещая о начале мая, а от моей возлюбленной веяло легкостью, свежестью и расслабленностью. Я воодушевился неожиданной встречей, но не знал, как поступить. Снова без подготовки подойти к Ларе и получить от ворот поворот или продумать свою речь и попытаться вежливо найти подход к Снежной королеве? Леонова пробралась на пляж «Молодежный» и разлеглась загорать на полотенце в метре от места, где морские волны заканчивают свой путь, утыкаясь в сушу. Я боялся приблизиться к Ларе и наблюдал за ней с расстояния в сотню метров. Во рту пересохло от волнения. Купив на лотке пол-литровую бутылку газированной минеральной воды и выпив ее залпом, я решил подойти к Леоновой, оголившей грудь перед солнечными лучами, предварительно сняв с себя футболку.

— Привет, вот мы и встретились на узкой дорожке, — обратился я к Ларе.

Она обернулась и разозленно ответила, не прикрывая голую грудь:

— Велимир, ты что, следишь за мной? Психопат с манией преследования? Помоему, я ясно дала понять, что не хочу никаких контактов с тобой!

— Но послушай, дай же мне хоть шанс быть понятым...

— Не желаю ничего слушать!

Леонова развернулась ко мне спиной, легла на живот, демонстративно достала из сумки айпад и принялась читать электронную версию журнала для продвинутых барышень. Я без спросу сел рядом прямо на песок и, посматривая на горизонт, оккупированный стоящими на рейде кораблями, предпринял попытку достучаться до ледяного сердца Лары.

— Почему ты дерзишь мне? Возомнила себя пупом Земли? Привыкла общаться только со смазливymi мажорными слюнтяями? Уделяешь внимание только глянцевым мальчикам? Простой пацан с Транспортной для тебя вообще не человек? По-твоему, я даже не имею права обратиться к тебе? Все встречи предварительно должен согласовать твой личный пресс-секретарь?

— Отстань! — не глядя в мою сторону, рывкнула Леонова.

— Так ты еще борзая?! А с заказчиками-то ты небось строишь из себя вежливую паиньку, готовую исполнить любой причудливый каприз. Двойные стандарты в общении? Притворство и лицемерие с кругом избранным, демонстрация истинного лица со всеми остальными?

— Иди на ...! — гаркнула Лара.

— Ну ладно. Я смотрю, что ты не в духе...

Я удалился от Леоновой и принялся любоваться ею, забравшись на высокие камни с краю пляжа. Лара изящно пробовала воду ступней, словно балерина, оттачивающая у станка двигательную пластику. После омовения лица она улыбнулась солнцу, щедро одаривавшему положительной энергией первомайскую Одессу. Я целый час пристально наблюдал за возлюбленной и не мог оторвать взгляд. Все в Леоновой казалось мне безупречным и утонченным.

Я преградил путь Ларе, поднимавшейся с пляжа на трассу здоровья, стоя с оголенным торсом и засунув ладони в карманы джинсовых бриджей. Леонова, видимо, ожидала, что я так просто от нее не отстану, и не удивилась мне, стоящему посреди спуска из бетонных плит.

— Чего ты такая необщительная? Надо быть добрее и благожелательнее к людям, я лично тебе ничего плохого не сделал.

— И хорошего тоже ничего не сделал, — скептически произнесла она.

Мы шли рядом по трассе здоровья, поочередно наступая на белые прерывистые линии, служащие для дорожной разметки. Мимо нас пронеслась группа атлетов на шоссейных велосипедах с низкопрофильными колесами. Шлемы велосипедистов каплевидной формы делали их похожими на инопланетян. От встречных спортивных ходоков с искривлением ног и одышкой несло потом и нескрываемым утомлением.

— Лара, будь снисходительней ко мне. С момента знакомства с тобой в прошлом году у Наташи Март я существенно изменился. Поменял род деятельности и мировоззрение. Ты, наверное, самая загадочная девушка, которую я когда-либо встречал. Мне очень хочется поближе познакомиться с тобой...

— Да, конец Французского бульвара, к шлагбауму, буду через пару минут, спасибо, — коротко ответила Леонова на раздавшийся телефонный звонок.

— Ты даже банила меня на фэйсбуке, еще не познакомившись лично.

— Разве было такое? Что-то не припомню.

— Мне нахваливали твои фотографии, я зашел на твою страничку и сразу наткнулся на снимки малолетки Нелли, живущей в соседнем подъезде. Нелли весь микрорайон не переваривает, ходит вся зазнавшаяся на сложных шах, даже не здороваются с бабками на лавках, что по меркам Транспортной совсем дурной тон. Вот

и написал тогда резкие комментарии, не стесняясь в выражениях. Тебе это не понравилось, и ты кинула меня в черный список.

— Может, и было. Я сразу отправляю в стоп-лист хамов, — строго сказала Лара.

— Не обращай внимания на то, что обо мне говорят за спиной недоброжелатели. Да, у меня характер не сахар, но я не такой подлец и негодяй, как кажусь многим людям, незнакомым со мной близко.

— Будешь опять перегибать палку в комментариях — снова окажешься в черном списке. Всяк сверчок знай свой шесток — слышал такую поговорку? — предупредила Леонова.

— Слышал, конечно.

— Вот и мотай себе на ус!

Мы дошли до шлагбаума. Лару поджидало на ладан дышащее малолитражное такси балканской сборки с уголовного вида шофером, бубнившем в рацию нечто нечленораздельное. Она отворила дверцу и хотела уже разместиться на переднем сиденье, как я, набравшись смелости, сподобился подытожить все ранее сказанное в ее адрес:

— В общем, я люблю тебя. Да, люблю, как бы нелепо это ни звучало. Люблю, люблю, люблю!

Лара лишь улыбнулась и, ничего не сказав мне, захлопнула дверцу такси, приказав водителю: «Трогай!» Машинка с шашечками на крыше быстро повезла Лару домой, оставив после себя пыльный шлейф. Я признался в любви на первомайском Французском бульваре, но в ответ не услышал ни «да», ни «нет».

Открывшись перед Ларой, я почувствовал существенное облегчение на душе, но до полного спокойствия было еще далеко. Я открыл электронную почту и наткнулся на письмо от Арса с прикрепленной черно-белой фотографией, на которой щетинистый молодой человек целовал в щеку маленькую девочку грудничкового возраста, с весельем на лице открывшую беззубый ротик. «Впервые увидев это в ленте, подумал про тебя и про Леонову в детстве. Так похоже. Я просто художник и доверяю глазу. Дитя похоже на Лару, а целовальник на тебя» — написал Арс. Фотография была очень трогательной, меня всего проняло до слез. «Спасибо, Арс! Ты ведь ощущаешь, когда настоящая любовь, а когда флирт, фальшь или притворство», — отписался я. «Бейся за свою любовь! Счастье приходит к борцам, но не к трусам, пасующим перед трудностями!» — написал мне Арс.

Во второй майский день я снова отправился по Французскому бульвару на пляж «Молодежный», но Лары там на этот раз не было. На месте, где сутками ранее предавалась релаксации Леонова, принимали солнечные ванны дизайнеры — красотки Таня и Саша. Их медно-бронзовые тела с пикантными изгибами, умощненные кремами для загара, были, несомненно, прекраснее худощавой фигуры Лары со снежно-белой кожей. Я не был лично знаком с Таней и Сашей, но пообщаться с ними мне как-то рекомендовал Арс. Вспомнив о том, что я все-таки влюблен в Лару, я не решился подойти к дизайнерскому дуэту в бикини и пошел на край пляжа для осуществления своей романтической задумки. Я обычно не склонен к проявлениям сентиментальности, но палящее майское солнце раздобрило меня, заставив одноразово отойти от своих принципов. Я нашел кусок пляжа с относительно чистым песком, не загаженным сигаретными бычками и палочками от мороженого. Разровняв землю, я собрал в пакет полтысячи мелких камешков и промыл их в морской воде. На расчищенном ровном песке за полчаса из камешков я выложил сердечко с надписью LARA LEONOVA внутри. Созданную инсталляцию я запечатлел на цифровой фотоаппарат и выложил снимок на фэйсбуке по возвращении домой. Леонова никак не прокомментировала снимок, но поставила лайк. Представи-

тельницы креативного класса в ответ на признание в любви не могут ничего внятно вымолвить, ограничиваясь в социальной сети значком с поднятым вверх большим пальцем.

10

Прогулка по современному торговому центру — весьма занятное времяпрепровождение. Любопытно наблюдать за расстающимися со своими зарплатами потребителями, одурманенными рекламными чарами. Субботний майский вечер аккурат посередине между праздником трудящихся и Днем Победы. Я бесцельно брожу по крупнейшему районному гипермаркету, подсматривая за обывателями, совершающими священный в условиях рыночной экономики акт купли-продажи. Гнусавые студентки бесцеремонно суют мне в руку листовку, описывающую функциональные возможности новой соковыжималки, появившейся в ближайшем отделе бытовой техники, но я отказываюсь взять ненужную бумаженцию. Я не целевая аудитория и не фокус-группа, а человек мыслящий. Вся громоздкая рекламная индустрия пытается принудить меня к потреблению ненужных товаров и услуг, но я успешно сопротивляюсь навязчивым маркетинговым акциям.

Среднестатистический покупатель, семьянин лет тридцати пяти, имеющий одного ребенка дошкольного возраста, двухкомнатную квартиру на окраине и взятый в рассрочку на пять лет автомобиль, рыскает взглядом по ярко подсвеченным магазинным витринам, чьи стекла заманчиво блестят. Красочные плакаты приглашают зайти. Едва обыватель переступает магазинный порог, как к нему с воплем «Здравствуйте!» подскакивает обезличенный продавец, излучающий улыбчивый идиотизм. Покупатель придирчиво оглядывает манекены, прилавки, стеллажи и вешалки, присматриваясь к биркам и прицениваясь в уме. Продавец повсюду следует за потенциальной жертвой, периодически произнося: «Вам что-то подсказать?» и «Все размеры имеются в наличии». Покупатель находит убогий серый свитер с оленями и начинает его ошупывать, тщательно проверяя швы. Хотя на дворе май и в ближайшие полгода свитер покупателю вряд ли понадобится, но наклейка «Скидка 30%!» делает свое дело, жертва заглотнула наживку. Свитер создали на фабрике в Шанхае, где роботизированные человекоподобные существа трудятся за восемь долларов по двенадцать часов в день, потом бросили в двадцатифутовый контейнер с десятком тысяч подобных свитеров. Контейнер погрузили в порт Далянь на длиннющее судно, и поплыл свитер через весь земной шар в порт Одесса, где контейнер вновь поставили на сушу и растаможили за фиксированную таксу, уплачиваемую в карман чиновника. После легализации на территории Украины свитер попал на оптовый склад, а уже оттуда после установления розничной наценки отправился в торговую сеть, специализирующуюся на повседневной одежде. У покупателя есть в гардеробе три теплых джемпера — вполне достаточное количество для южных широт с краткосрочной зимой, но обходительная услужливость продавца притупляет обывательскую бдительность. «Примерочная — слева в углу зала», — ненавязчиво однократно произносит продавец. Покупатель снимает свитер с вешалки. Продавец прикидывает, что свитер с вешалки маловат покупателю, и поэтому шустро приносит со склада нужный размер. Покупатель возвращает снятый свитер на вешалку и берет у продавца вещь подходящего размера. В примерочной покупатель крутится перед зеркалом так и сяк, пытаясь понять, как он будет смотреться в свитере. Покупатель выходит из примерочной, продавец сразу атакует: «Вам очень к лицу! Свитер стройнит вас!» Покупатель пребывает в тягостных раздумьях, и продавец метким вопросом: «Будете брать?», словно конт-

рольным выстрелом, добывает жертву. Покупатель идет к кассе, продавец довольно потирает руки, мысленно суммируя все месячные бонусы. Обыватель приобрел лишнюю вещь, не являющуюся необходимой, вознаградив своей копеечкой и шанхайского фабричного труженика, и даляньского докера, и греческого владельца контейнеровоза, и коррумпированного одесского таможенника, и логиста оптового склада, и продавца в супермаркете. У обывателя есть супруга, и будь она чуточку прозорливее и ловчее, то могла бы сама связать спицами свитер мужу, который был бы оригинален и обошелся бы гораздо дешевле, чем покупной китайский, но супруга ленива и озабочена лишь своей тушкой, а обыватель морально оргазмирует от самого факта приобретения товара, поэтому и вынужден носить ширпотреб. А мне не хочется крутить гигантский маховик глобальной экономики, кормя своим рублем чужеземцев, поэтому я стараюсь поддерживать отечественного товаропроизводителя и быть аскетичным в своих нуждах.

Я провожал взглядом обывателя, которому ловко всучили китайский свитер. В поле зрения, к полнейшей неожиданности, попала Лара Леонова, держащая в руках клатч. То ли большой кошелек, то ли маленькая сумочка ныне стала атрибутом свободных от предрассудков девиц, любящих фривольную жизнь и не имеющих никаких забот, кроме шопинга. Я мгновенно принял решение не робеть и сделал шаг к Ларе:

— Привет, мой свет, судьба опять нас сводит вместе, от любви не скроешься, — сказал я.

— Здравствуй, бывают совпадения, мир тесен, ну я пошла, — быстро сказала Леонова и примкнула к толпе входящих в лабиринты большого магазина домашних товаров.

Я не стал преследовать Лару, а стал дожидаться ее на входе. Прошло полчаса. Леонова вышла без покупок и не обрадовалась, снова меня увидев.

— Опять ты меня дожидаешься?

— А что мне делать прикажешь? Провалиться сквозь землю? С глаз долой — из сердца вон? Люблю я тебя, ледяное создание! — сказал я.

— Блин, вот ты приставучий! Что ты прилип ко мне как банный лист? Мало девок вокруг? Ты же понимаешь, что мы не можем быть вместе! — негодовала Лара.

— А чего ты так упрямо не хочешь меня замечать и не хочешь признавать, что я люблю тебя? Разве я виноват, что втюрился в Снежную королеву? Меня будто сглазили!

— Я в туалет! — громко и недовольно сказала мне Леонова, кладя пятидесятикопеечную монету на стол бабуле, взимающей плату за пользование уборной.

— Смотри не урони в унитаз клатч! Девушки ведь вдвоем ходят в туалет, чтобы было кому сумочку подержать! — пошутил я.

Вышедшая из уборной Лара по моему хитрому лицу сообразила, что я от нее не отстану, и, смирившись с этим фактом, со вздохом сказала:

— Ладно, идем.

— Вот так бы и сразу! — довольно сказал я.

Мы заглянули в маленькую лавочку, торгующую кухонной утварью. Лара внимательно рассматривала корзинки, лукошки, хлебницы и доски для резки овощей. Ее выбор пал на отличную скатерть, расшитую изображениями умильных кошечек.

— Сколько стоит? — спросила Леонова у продавщицы.

— Восемьсот гривен.

— Ого, у меня столько при себе нет, надо пойти с карточки снять, — сказала Лара, мельком заглянув в клатч.

— Решила Сдохману сделать подарок? Пусть тащится, поглядывая на кошечек? — спросил я.

— Тебе надо в клуб веселых и находчивых, такой юмористический талант пропадает! Ты постой тут, а я пойду к банкомату наличность сниму, мне не хватает на скатерть.

— Это ты придумала финт, чтобы избавиться от меня? Думаешь, что я поведу на столь дешевый трюк? Я пойду с тобой, но подглядывать ПИН-код не буду.

— Ну ты и типчик, Недопекин! Тебя ведь ни одна баба больше дня не выдержит!

— Мать уже двадцать семь лет терпит, и ничего, живая!

Лара достала из клатча платиновую банковскую карточку «VISA», и я сопроводил ее до аппарата, проглатывающего совпадающие по размерам со студенческими билетами пластиковые прямоугольники и взамен выплевывающего купюры в случае правильного набора четырехзначного кода.

— Я вот на общественных началах роль твоего охранника выполняю! Вдруг какой-нибудь злоумышленник подсмотрит, что ты сняла немалую сумму денег, и решит тебя ограбить, напав на выходе из торгового центра! Ты ведь слабая и беспомощная, а я могу защитить тебя от нежелательных посягательств преступных элементов! Радуйся, что сопровождаю тебя в клоаке общества потребления! — весело сказал я.

— Хоть целоваться не лезешь — одно радует, — сдерживая смех, произнесла Леонова.

Лара приобрела скатерть. Продавщица завернула покупку в красивый пакет с логотипом лавочки, предусмотрительно положив внутрь визитку и скидочную карту.

— Давай понесу? — обратился я к Леоновой.

— Не надо, я сама, — гордо ответила Лара, взяв пакет у продавщицы.

— Из тебя хорошая жена выйдет. Ты вся такая хозяйственная, прямо как мыло!

— Я знаю, — с достоинством сказала она.

— Я хочу твоим муженьком быть. Деток настрогаем, заживем по-людски, семью дружную создадим, — иронично сказал я.

— Не буду я твоей женой, даже и не рассчитывай, — категорично сообщила Леонова.

— Ты себе просто цену набиваешь! Знаю я эти ваши бабские штучки!

— Тоже мне, знаток женских душ нашелся! — посмеиваясь, сказала Лара.

— Меня так просто вокруг пальца не проведешь! Ты где-то возле Юридической академии живешь, на четвертой станции Большого Фонтана? — поинтересовался я.

— Тебе не надо знать, где я живу! — с гневным лицом ответила она.

— Надо будет — выведу, не беспокойся. Опыт журналистских расследований, контакты с участковыми милиционерами и знакомства с паспортистками — это серьезное подспорье. Да чего ты угрюмишься? Я тебе разве зла желаю?

— За что мне такое наказание? Чем я провинилась перед Богом и людьми, что ты меня преследуешь? — нервно восклицала Лара.

— Да успокойся ты! Во всем только негатив ищешь!

Мы молчаливо шли по обувному залу. Глядя на вьетнамки и шлепанцы, в изобилии завезенные перед началом курортного сезона, я попытался перевести разговор.

— Ты свои босоножки, привезенные из Милана и оказавшиеся слишком маленькими, уже продала?

— Нет.

— Эх, Лара-Лара. Разве можно покупать обувь за триста пятьдесят евро, руководствуясь сиюминутными покупательскими инстинктами и зная, что босоножки

не удастся возратить из-за удаленности бутика? Порой в Снежной королеве просыпается обыкновенная женщина, которой срывает крышу от модной новинки на прилавке! — ехидно произнес я.

— Хватит! Не напоминай мне об этом! Дала промашку, с кем не бывает!

— Дай объявление в группе «Барахолка», комиссионные магазины — это позавчерашний день, а писать просто у себя на страничке — это малоэффективно. Я так избавился от своих бутс, тоже напутал с размером.

— Спасибо за совет, Велимир мудрый! — с иронией произнесла она, будто обращаясь к киевскому князю.

— О прекрасная Лара, царица пленочных черно-белых фотографий костлявых, худосочных школьниц и богиня усадебных интерьеров с помпезными хрустальными люстрами. Позволь рабу твоему Велимиру, скромному бытописателю малороссийского жития, быть полезным всегда и везде! Клянусь быть верным и честным, как положено всякому современному журналисту! — хохмил я.

— Достал ты меня уже! Вообще, к твоему сведению, у меня есть молодой человек!

— Не верю!

— И я люблю его!

— Тем более не верю! — парировал я.

— Ты так и будешь все время следовать за мной по пятам каждый раз, когда мы где-нибудь случайно встретимся? — спросила Лара.

— Представь себе, что да!

— Так вот знай, что скоро я переезжаю жить в другой город к любимому человеку!

— Эх, Лара, врать-то ты совсем не умеешь! Никудышная из тебя актриса! Станет ли нормальный человек покупать скатерть перед переездом на новое место? Совсем у тебя логика отключилась!

— Ты, Недопекин, энергетический вампир! Нравится мою кровушку пить? Любишь исполнять соло на чужих нервных струнах?

— Я балдею от истерики высокомерных девушек вроде тебя! Мне доставляет удовольствие твой панический вид. Привыкла, что все под тебя подстраиваются? Хором поют дифирамбы и моментально выполняют любую твою прихоть? Ан нет, я не таков!

— Ты слишком хорошего мнения о себе!

— А ты слишком жестокая! Может, я сейчас пойду в Отраду и сброшусь с высокого пирса в море от неразделенной любви к тебе, а тебя это нисколько не задевает!

— Чем больше самоубийц, тем меньше самоубийц!

— Старая, затертая до дыр шутка! Нехватка остроумия, Лара? Мой суицид был бы слишком шикарным подарком для тебя, как говорится, «не дождетесь!»

Леонова резко свернула направо и пошла по коридору, подумав, что он ведет к выходу из торгового центра. Я остался стоять на месте, так как лучше ориентируюсь в лабиринтах гипермаркета и знаю, что этот коридор ведет на хозяйственный двор, куда Лара не пройдет из-за отсутствия у нее чипа, вставляемого в пропускное устройство. Леонова уткнулась в дверь, заметила пропускное устройство и сообразила, что дальше для нее путь закрыт. Со злобы она разово ударила ладонью по двери и направилась обратно ко мне.

— От тебя так просто не убежишь! Все предусмотрел, гад! — шутливо сказала Лара.

— Смекалка работает, дай Бог такую каждому!

— Назойливый пустобрех — вот кто ты на самом деле!

— А ты таки умеешь пожурить! Хорошая из тебя женушка получится, это точно.

— Я ведь умывальников начальник и мочалок командир, — самодовольно сказала Леонова.

— А ты вообще в любовь веришь? — спросил в лоб я.

— А то!

— А в мою любовь веришь?

— Знаешь, нам абсолютно плевать, что нас кто-то любит, если нам неинтересно.

— А что тебе интересно? Порой кажется, что у тебя еще студенческий набор интересов и мировоззрение до сих пор девичье, а не женское.

— Да, так и есть, вот и подыщи себе другую кандидатуру на место любимой! — смеясь, ответила она.

— Да люблю я тебя, дурачина грешный, и искренне верю, что ты небезнадежная. Краль красивых хватает — это понятно, но меня ведь человек во всех аспектах интересует, а не только смазливая мордашка!

— А на сердце опять горячо, горячо. И опять, и опять без ответа, — Леонова произнесла незнакомые мне стихотворные строчки.

Мы покинули ангар торгового центра и дошли до улицы Семинарской. Лара принялась голосовать в надежде немедленно поймать частного извозчика. Моментально остановился дедок на хорошо сохранившихся «Жигулях» третьей модели. Леонова, не торгуясь, села в автомобиль и сказала водителю: «Поехали!» Я немного опешил от того факта, что она не попрощалась со мной. «Жигули» быстро скрылись за поворотом, оставив меня в одиноких раздумьях. Хоть мне и не удалось достучаться до Лары, но нервишки я ей изрядно потрепал. Мне ничего больше не оставалось, как выбрать тактику длительной осады, периодически напоминая о своем существовании дерзкими, кричащими обращениями к Леоновой в Интернете.

Я разузнал номер мобильного телефона Лары от общих знакомых, но долго не решался позвонить. Что говорить? Куда пригласить? Я не мог найти повод для звонка, но вмешался случай. В кинозале «U-Cinema», находящемся прямо в здании киностудии на Французском бульваре, начали демонстрировать фильм «Любовь живет три года», снятый Фредериком Бегбедером по собственному роману. Я сразу вспомнил, что как только дарил эту книгу своим девушкам, то мы вскоре расставались. Может, визуальная версия данного произведения обладает обратной силой воздействия на женские души? Мне захотелось посмотреть режиссерский дебют Бегбедера вместе с Леоновой, и я набрал ее номер.

— Лара, здравствуйте! Это беспокоит Велимир Недопекин, ваш главный поклонник. Имею честь пригласить вас в кино на фильм «Любовь живет три года», Бегбедер сам экранизировал свой литературный бестселлер. Французский бульвар, ночной сеанс, последний ряд, места для поцелуев, — обратился я на «вы» в шутливо-ироничной манере.

— Спасибо за приглашение, но я откажусь от похода с тобой в кино. С меня хватило совместной прогулки по торговому центру. Ты показал себя во всей красе, — сухо ответила Лара.

— Извини, пожалуйста, я местами перегибал палку, но это все от переизбытка чувств. Я ведь люблю тебя.

— Прости, но мне больше нечего добавить к ранее сказанным тебе словам. Больше никогда мне не звони и не пиши, очень тебя прошу.

— Ну как знаешь, дело хозяйское. Моя задача предложить, твое право отказаться. Смотри не умри со скуки в другом городе с любимым человеком! — крикнул я в трубку и нажатием кнопки «Сброс» закончил звонок.

Несмотря на столь категоричный отказ, я не расстроился и сподобился пойти сам на показ романтического фильма, рассчитанного на просмотр вдвоем. Тяжело

в одесском мае, опьяняющем ароматом расцветшей сирени, сидеть в кинозале на Французском бульваре среди лижущихся похотливых парней и доступных девиц в коротких юбочках, смотря заснятые на видео зарисовки из жизни европейской буржуазии. Я был единственным зрителем, кто пришел на сеанс один, без пары. Чтобы не раздражаться слюнявыми стонами и эротичными вздохами, я сел в первом ряду, подальше от тинейджеров, наслаждающихся счастливыми мгновениями влюбленности. При виде первых кадров я вспомнил, как двумя годами ранее мы сидели в этом кинозале на показе короткометражных работ выпускников режиссерской школы вместе с Арсом и он произнес странный монолог:

— Мне порой кажется, что фильм «Монпарнас, девятнадцать» снят как будто про меня. По сюжету Амедео Модильяни не может справиться со всеми напастьми, топит боль в стакане и в конце концов умирает, становясь легендой на следующий день после смерти. Жерар Филип, исполнитель главной роли, умер через год после съемок в фильме. Судьба настоящего художника — это всегда драма.

Я ничего тогда не ответил, но эти слова запали мне в память. Бегбедер выбрал основной музыкальной темой фильма кавер-версию песни Элтона Джона «Your song» в исполнении Элли Голдинг. Исповедальные слова под грустную мелодию пробрали меня до слез. Французский скандалист снял отличную ленту, заставив аплодировать всех зрителей и подтвердив тезис, что талантливый человек талантлив во всем. Человек, обладающий отменным художественным вкусом, прочитавший тысячи книг, отлично ориентирующийся в музыке и вдумчиво просмотревший все классические фильмы, способен мастерски дирижировать всем процессом съемок, специально не обучаясь в режиссерской школе или институте кинематографии. Творческий дар, если он, конечно, имеется, обязательно проявится в любых ипостасях и жанрах, будь то поэзия, живопись или театр.

В октябре 2008 года Бегбедер играл диджейский сет в киевском клубе «Heaven», и Арс воспользовался возможностью выразить свое уважение мировой литературной суперзвезде. Хранитель одесского духа подарил Фредерику собственноручно написанный портрет, на котором Бегбедер изображен в темно-зеленом гольфе с кулоном на шее, напоминающим сургучную печать. Лицо Фредерика, скрестившего руки, на портрете выглядит напуганным и чудаковатым. На заднем, фиолетовом фоне намалеваны три покосившихся небоскреба, углом наклона напоминающие Пизанскую башню, и парочка низколетящих пассажирских самолетов, рискующих протаранить высотки и повторить трагедию 11 сентября. Арс, любивший носить многодневную щетину, к большому удивлению, изобразил другого приверженца бородатости гладковыбритым. От столь роскошного презента Бегбедер пришел в восторг и разразился благодарственной речью на смеси английского, французского, русского и украинского языков. Радостный писатель носился со своим портретом по всему клубу, словно ребенок, получивший на день рождения давно желаемую игрушечную железную дорогу и вертящий в руках миниатюрный паровозик. Арс в свою очередь получил удовольствие от увиденного эмоционального взрыва и от факта, что ему удалось поразить человека, которого мало чем можно удивить.

Полуночный майский бульвар — это освещенная лунным светом дорога, готовая приютить всех одиноких мечтателей под сенью платанов. Парочки с бурлящими гормонами после киносеанса разбрелись по любовным отелям с почасовой оплатой койко-мест, а я растворился в кромешной тьме. Французский бульвар — это открытый клуб одиноких сердец, где никто не требует письменных заявлений о вступлении и своевременной уплаты членских взносов.

В конце мая Арс угодил в больницу с двусторонним воспалением легких. Рыжебородый художник долго отказывался от госпитализации, говоря всем: «Я в порядке», но сдался под напором друзей и близких. Лежа под капельницей, двадцать пятого числа он оставил на фэйсбуке пост следующего содержания: *«Восемь лет назад, в такой же день, была сильная гроза, шел град. Я подъехал к бульвару имени Жванецкого и смотрел на залив. Молнии уничтожали поселок Котовского, это было страшно и интересно. А в первом роддоме моя жена, которой только исполнилось девятнадцать лет, рожала нам дожку. Так появилась на свет Анфиса»*. Арс был силен духом, и все надеялись, что он выкарабкается ради дочери, победив хворь.

Меня пригласили на встречу одесских олимпийских чемпионов с прессой. Миллицейское спортивное общество чествовало своих прославленных атлетов на стадионе «Динамо», что находится по адресу Французский бульвар, двадцать семь. Возле стадионных ворот я встретил фотографа Наташу Март, познакомившую меня с Ларой Леоновой.

— Мать, ох и насоветовала ты мне свою подружку Лару! Каждый день думаю о ней, никакого житья нет! Она, правда, пока меня в грош не ставит, но я сдаваться не собираюсь!

— Неординарная, но сложная. Борись за нее, дружочек!

— У нее имеется фаворит среди потенциальных ухажеров? — спросил я.

— Есть трахарь, но я, если что, тебе этого не говорила.

— Вижу по тебе необычную приподнятость, прямо дышишь счастьем. Что произошло? Вновь влюбилась в мужа? Рассказывай, что случилось.

— Я вчера гуляла одна в одиннадцать вечера по Французскому бульвару и недоумевала, почему сейчас у тысяч людей есть возможность просто выйти, выйти к морю, выйти в город, но все меняют это на ящики, которые создают иллюзию жизни, хотя жизнь — вот она. В листьях, в улице, в воздухе, в дыхании друг друга, во взглядах прохожих, в улыбках. Почему улицы не заполнены народом? Почему для этого должна быть какая-то трэш-алкопопойка в честь дня Одессы? Почему вместо любви мы выбираем ящики с надуманными событиями и уничтожающей агрессией? Вся медиа — это одна сплошная мулька, люди должны это понимать! И нет причин не выйти на улицу здесь, в нашем городе — погода, режим работы, безопасность. Но вдоль дорог лишь груды железа носят души. Души, которые уже давно не чувствовали этого дыхания любви природы.

Я так далеко зашла, что идти уже не было сил. И не было намеков на трамвай.

Но тут он идет — в депо! И трамвай меня вез, и эта доброта кондуктора и водителя, которые везут меня через весь Французский бульвар. Это VIP-такси — трамвай — взорвало все у меня внутри. Это ЖИЗНЬ, вот ОНА. Это любовь, это немного любви, которой мы подарили друг другу, несмотря на то что водитель и кондуктор были уже настолько уставшими, что по всем правилам жанра должны сто раз были меня послать, но нет. Сила любви! Когда я выходила, девочка попросила отвезти их на вокзал, и они ее повезли, вместо того чтобы поехать в депо. И это тоже была любовь. И я шла, шла, шла. И мне так хотелось зайти в гости в эти окна с огоньком, но я видела там ящики. И понимала, что я бы в их глазах выглядела сумасшедшей. Я не зашла, я побоялась. Но ты не бойся. Не бойся быть сумасшедшим в глазах тех, кому ты окажешь помощь или подаришь немного любви. Ты же все равно сдвинешь льдину или подточишь камень. Дари любовь каждому, всем!

— Я хочу дарить любовь только Ларе. Боюсь, что на всех моей любви не хватит. Поездка на вечернем пустом трамвае по Французскому бульвару — это и есть самый сок жизни, да только это понимаем лишь я и ты.

- Бывай, чудак! Я спешу за детьми! — бросила мне Наташа.
- Жги и дальше, мать!

Если стоять лицом к въезду на стадион «Динамо», то справа можно увидеть девятиэтажный дом брежневской эпохи с одним подъездом, облицованный бежевой плиткой, посеревшей со временем от действия въевшейся пыли и разрушительной влаги. Если в «Голубой мечте» селились генералы одесского военного округа, то в доме по Французскому бульвару, двадцать девять, получившем народное название «Дворянское гнездо», обитали самые орденоносные ветераны Великой Отечественной войны, о чем свидетельствуют мемориальные доски на фасаде. «Дворянское гнездо» скрывалось от бульвара за старинной оградой чугунного литья, в единственном подъезде жильцов дома встречала приветливая консьержка, что было весьма диковинно для эпохи застоя. За домом был дивный сад с виноградниками, яблонями и грушами, охраняемый солдатами срочной службы. Каждому владельцу квартиры полагался расположенный в саду личный сарай, где хранились надувные лодки, ведь до моря через стадион «Динамо» всего пять минут ходьбы. Ныне сад находится в упадке, солдатиков и след простыл, сараи разрушены, а в «Дворянском гнезде», ставшем одним из символов одесской вариации советского благополучия, плодят потомков внуки доблестных командиров, бесстрашно сражавшихся за Родину.

Примечательно, что до революции на ведомственной ментовской территории была дача некоего купца Рабиновича, которую впоследствии национализировали и разрушили. На месте бывших владений богача теперь правоохранители натужно сдают профессиональные нормативы, висят на турниках, словно сардельки в колбасном цехе, и судорожно подтягиваясь со сжатыми зубами, напряженными покрасневшими мордами и вздувшимися на лбу венами. Я в одиннадцать лет недолго занимался легкой атлетикой на стадионе «Динамо», еще до футбольной школы «Черноморца» в «Отраде». Однажды пошел на тренировку за компанию с приятелем и решил остаться. Акцент в занятиях делался на беговых упражнениях, предназначенных для развития спринтерских качеств, и прыжках в длину. Я через «не могу» совершал десятки ускорений, побеждая природную медлительность, и летал над прыжковым сектором, зачерпывая кедами песок. Мне нравилось тренироваться на сугубо легкоатлетическом стадионе «Динамо», не имеющем футбольных ворот, но все-таки я покинул беговую секцию после одного случая, травмировавшего мою тогда формировавшуюся детскую психику. Осечка копьеметателя стоила жизни милому песику Мартину, бывшему любимцем малышей. Снаряд пробил навывлет голову собачки, резвившейся на травке и не подозревавшей об опасности. Истекающий кровью Мартин скончался прямо на моих глазах и был похоронен дворником на цветочной клумбе. Я никогда ранее не наблюдал чью-либо смерть, и произошедшее стало для меня настоящим потрясением. Минуту назад песик брыкался, кувыркался, сигал между барьерами, пытался облизать тренерские кроссовки, и роковое стечение обстоятельств делает его бездыханной куклой, пригвожденной копьём к лужайке. Я глядел на туловище Мартина, покидаемое матушкой-жизнью и забираемое мачехой-смертью. Он жалостливо скулил и попискивал, прощаясь с подкармливавшими его юнцами и динамовскими функционерами. Мартин испустил последний вздох, поджал лапки и покинул склочный мир, где порой атлеты бросают копья неведомо куда, попадая в невинных стадионных дворняжек. Лишь посмотрев в навечно замершие глаза, можно понять всю прелесть жизни.

На стадионе «Динамо» заметны перемены, если сравнивать со временем, когда я посещал легкоатлетическую секцию. Прогнившие деревянные лавочки на трибунах демонтированы, и вместо них установлены пластиковые сиденья со спинками. Мини-футбольная площадка перепрофилирована под теннисный корт. От несколь-

ких некогда массивных платанов остались лишь пеньки. Неизменен лишь бюст Феликса Эдмундовича Дзержинского, круглосуточно бдящего за порядком на арене. У памятника первому народному комиссару путей сообщения всегда стоит наполненная водой литровая банка с хризантемами.

Я обычно дотошно пунктуален и педантичен, но на сей раз изрядно опоздал, прозевал основную часть мероприятия и попал как раз к началу неофициального общения, что называется, без галстуков. В тесном кабинете, два на четыре метра, из двух столов составили один, накрытый по всем неписаным законам гостеприимства. Дюжине собравшихся чемпионов и репортеров было предложено отведать красной и черной икорки, буженины и брауншвейгской колбасы, фаршированной рыбы и селедки под шубой. Развязать языки обладателям олимпийских наград высшей пробы и газетно-журнальным писакам должна была охлажденная водочка.

Золотых медалистов оказалось трое: Юрий Белоног, метание ядра, Афины — 2004; Яков Железняк, пулевая стрельба в винтовочных упражнениях, Мюнхен — 1972; Николай Авилов, десятиборье, Мюнхен — 1972. Белоног — высоченный, угрюмый, в комплектации боксера-супертяжеловеса. Железняк — большеглазый, низенький, пузатый, седоватый, по праву говорящий с апломбом одессита в пятом колене. Авилов — рослый, худощавый, чуточку сгорбленный, доброжелательно улыбчивый.

Я всматривался в лица прославленной троицы. Каждому из них довелось ступить на высшую ступень олимпийского пьедестала и ощутить свое превосходство над миром в одной из спортивных дисциплин. Они смогли перебороть сильнейших соперников и прежде всего превозмочь себя. Чемпионы не нацепили на шеи золотые медали, но уверенными, отточенными жестами, поставленными голосами и стальными взглядами показывали нам, немощным мученикам компьютерной клавиатуры, что они, самостоятельно сделавшие себя несгибаемыми из обычного людского материала, достойны статуса сверхчеловека, способного на подвиги, невозможные на первый взгляд.

Ледяная водка в третьей декаде жаркого одесского мая пьется на Французском бульваре легко и непринужденно. Рюмка за рюмкой, перемежаемые закуской из мясной нарезки, постепенно расслабляют организм, отвлекают от насущных забот и одаривают тело блаженной негой. Я злоупотребил милицейским хлебо-сольством и заметно превысил свою обычную алкогольную норму, поэтому запомнил некоторые любопытные подробности тостов, произносимых живыми легендами.

— Вы знаете, молодые люди, что свой самый сложный в жизни выстрел я сделал не на олимпийском стрельбище в Мюнхене, а в 1992 году в Черемушках. Время было беспокойное, разгул бандитизма, крали все, что могли. Ставил я машину в гараж, у меня тогда была «тойота-королла» с правым рулем, солидный автомобиль по меркам той эпохи. Смотрю: подозрительный тип ошивается у «девятки», стоящей рядом с моим гаражом. Хозяина «девятки» я знал лично, хирург высшей категории, порядочнейший человек. Лето, вечер, темень беспросветная. Я загнал машину в гараж и вижу, что тип внаглую начинает снимать колеса с «девятки». Я подошел и говорю ему: «Что вы делаете? Имейте совесть, в конце концов!», а он мне в ответ: «Заткнись, папаша, иначе прирежу!» Я не выдержал столь откровенного хамства, зарядил припрятанный в гараже дробовик и саданул ему в упор картечью по голени. Тип как заорал: «Что ж ты делаешь, дядя!», но от задумки украсть колеса все-таки отказался и немедленно укувылял прочь, громко матерясь. Может, после всего он попал на операционный стол к хирургу, у автомобиля которого пытался

снять диски и шины, но это мне доподлинно неизвестно. Меня всего трясло, когда нажимал на курок, целясь в человека, а ведь я всегда отличался выдержкой и спокойствием на стрельбище. Так давайте же выпьем за то, чтобы никому из нас никогда не пришлось палить в живых существ! — поделился опытом Яков Железняк.

— А у меня был случай на сборах в Конча-Заспе. Вышел вечерком прогуляться по округе и воздухом подышать. Местность глухая, вокруг ни души. Вдруг из ниоткуда появляется шкет метр с кепкой и борзо так говорит, направив на меня перочинный ножик: «Закурить не найдется?» Ну и накурился он у меня вдоволь! Я не люблю применять грубую физическую силу, но этого отдубасил по полной программе! Сначала выбил ножик из рук, потом треснул в лоб кулаком, взял за шкирку и припечатал мордой к фонарному столбу, а напоследок поволол по асфальту. Шкет щебетал воробышком: «Дяденька, не бейте меня, пожалуйста», и я сжалился над ним, не стал сдавать в участок, а то пиши заявление, разговаривай со следователем, прочая волокита, мне было не до возни. Но ножик я забрал себе на память и храню как и олимпийскую медаль. Тоже боевой трофеей как-никак! Выпьем за то, чтобы всегда было мирное, спокойное время и наша милиция нас берегла! — сказал тост Юрий Белоног.

— Из моих спортивных навыков в повседневной жизни приходилось применять лишь бег. Однажды догнал вора, вырвавшего сумки из рук и скрывавшегося на своих двоих. У Пантелеймоновской улицы возле вокзала, тогда еще называвшейся Чижикова, кадр воспользовался секундным замешательством дамочки, хватя ее сумочку и давай наутек. Я не стусевался и сразу же стартовал вслед за ним. Настиг его достаточно быстро, подножкой сзади повалил наземь, а тут как раз и патруль подоспел. Повязали и повели бегунка под белы ручки. А сумочку все-таки временно забрали в милицию как вещественное доказательство. Дамочка, естественно, возмущалась, но ничего с этим поделать не могла, обещала впредь быть более бдительной и не терять концентрацию. Мне за поимку вора вручили почетную грамоту. Мелочь, конечно, после золотой олимпийской медали, но все равно приятно. Выпьем за взаимопонимание между милицией, спортсменами и прессой! — торжественно произнес Николай Авилов.

Соревноваться в питейных дисциплинах с олимпийцами — дело бесполезное, поэтому, почувствовав, что силы оставляют меня, я тихо и незаметно покинул динамовский стадион, свернул налево и побрел по Французскому бульвару в сторону киностудии, где опять же увидел Таню Нефедову.

— И набрался ты сегодня, Недопекин! Морда красная, веселая! Ты все пытаешься приударить за Ларой?

— А куда ж я денусь с подводной лодки! Где мне вторую такую умопомрачительную женщину найти?

— А знаешь, что бывает с назойливыми кавалерами, не дающими покоя девушкам?

— На что это ты намекаешь? Что меня могу избить и физически изувечить? Я калач тертый, школа выживания на Транспортной даром не проходит!

— Ну смотри. Тебе, наверное, виднее. Я тебя предупредила. Если что — пеняй на себя, — менторским тоном сказала Нефедова.

— Разберусь как-нибудь. Чай, не первый год живу в Одессе.

Слова Тани не смогли мне испортить настроение, ведь когда ты молод и пьян на майском Французском бульваре, то никакие упреки и замечания не могут нагнать тоску, и порой кажется, что тебе любое дело по плечу и весь мир лежит у твоих ног. Майский Французский бульвар — это фонтан страстей и чувств, обдающий прохожих кипящими каплями благоденствия.

Когда у любимого человека день рождения, а ты не приглашен, в карманах голяк и на душе кошки скребут, то очень трудно найти в себе силы сопротивляться судьбе, но порой чудеса случаются, и само провидение помогает преодолеть все невзгоды. В первой летней декаде Арс впал в кому, и его подключили к аппарату искусственной вентиляции легких. Я иступленно листал прозаические сборники, хаотически переключал телевизионные каналы и машинально перескакивал с одного сайта на другой, не находя себе места. Ларе сегодня исполняется двадцать восемь лет, она никогда уже не вступит в клуб Курта, Джима и Эми, с чем мне очень хотелось ее лично поздравить, но я не знал, как это сделать. Где точно живет — не в курсе, место проведения торжества — строжайшая тайна, известная лишь самым близким ее друзьям. Да и денег на приличный подарок у меня нет, с чего и следовало начать свои размышления. Занимать в долг я стесняюсь, а красть ради наживы не позволяет воспитание.

Неведомая внутренняя сила подняла меня с продавленного дивана, излюбленного места философствований всех русских революционных вольнодумцев, и вытолкнула на Транспортную улицу. Я шел с затуманенным сознанием куда глаза глядят, пока не сообразил, что подбираюсь к торговому центру, где мы недавно пересекались с Леоновой. Я привык ходить, смотря себе под ноги, и замечать периферийным зрением мельчайшие предметы, лежащие на тротуарах, вплоть до пуговиц и канцелярских скрепок. Каково же было мое удивление, когда посередине проезжей части, аккуратно на двойной сплошной линии, я увидел бесхозный кошелек. Сразу же вспомнились времена дикого рэкета и аферы, когда бандиты бросали бумажники в проходах вещевого рынка. Наивный простофиля поднимал бумажник, и тут как тут появлялся угрожающего вида рэкетир, заявлявший, что является хозяином бумажника, в котором была большая сумма в валюте, и, дескать, простофиля присвоил чужие средства. Рэкетир немедленно требовал возврата суммы, устрашая простофилю возможным применением грубой физической силы. Если простофиля требовал вмешательства милиции, то рэкетир чаще всего отступал с валютными претензиями, но были и случаи, когда простофиль раздевали догола. Я молниеносно сообразил, что кошелек в качестве наживки посреди скоростной трассы никто использовать не будет и, скорей всего, его по неосторожности выронили, спешно перебегая дорогу.

Я поднял кошелек, огляделся по сторонам и сунул его себе за пазуху. Шустро проскочив автомобильную стоянку возле торгового центра, заставленную пустыми продовольственными тележками, я очутился в примерочной магазина одежды, где месяцем ранее подглядывал за обывателем, которому втюхивали серый китайский свитер с оленями. Для отвода глаз я взял со стеллажа розовое поло, которое никогда бы в жизни не осмелился надеть из-за откровенно педерастического цвета и покроя. Уединившись в примерочной и повесив поло на крючок, я принялся изучать содержимое найденного кошелька. Внутри я обнаружил девятьсот двадцать гривен (эквивалент ста пятнадцати американских долларов), скидочные карточки во множество мест, начиная от солярия и заканчивая химчисткой, а также зарплатную банковскую карточку. Переложив гривны в свой бумажник, я основательно распотрошил найденный кошелек, внимательно заглянув во все отделения, в одном из которых обнаружил четырехзначный ПИН-код к зарплатной банковской карточке.

— Вам подходит поло? Может, принести на размер больше или другого цвета? Еще есть сиреневое, фиолетовое и салатное, — поинтересовалась назойливая продавщица, ожидавшая моего покупательского вердикта возле примерочной.

— Ой, что вы, не перетруждайте себя. Я просто хотел посмотреть, идет ли мне розовый цвет. Песню вспомнил про розового фламинго, что дитя заката и танцевал когда-то, вот и решил примерить. Намерений купить что-либо у меня нет, так что не старайтесь применять на мне всякие методы нейролингвистического программирования, преподаваемые на тренингах по оглуплению и оболваниванию, — ответил я витиеватым пассажем, от которого, похоже, продавщица впала в ступор, потому что больше я ее не услышал.

Я оставил найденный кошелек на коврике в примерочной и, зажав в ладони зарплатную карточку, рванул к банкомату, с которого в мае снимала наличность Лара. Я воткнул карточку в узкую щелочку аппарата и ввел четырехзначный ПИН-код, надеясь еще обогатиться за чужой счет. К моему превеликому сожалению, на дисплее высветилась надпись следующего содержания: «Ваша карточка заблокирована. Все операции запрещены. Для получения более полной информации по восстановлению доступа обратитесь в сервисный центр по телефону 000-750-1000-500». Раздосадованный невозможностью забрать кэш с найденной карточки, я все равно быстро успокоился от мысли, что у меня теперь есть достаточная сумма на приличный подарок Леоновой. Деньги появились, но что именно подарить Ларе и как мне сегодня ее лично поздравить? Теперь следовало напрячь все усилия на поиск ее местожительства, а потом уже определиться с презентом.

Вернувшись домой, я принялся в очередной раз просматривать фотоальбомы Лары в фэйсбуке с утроенным вниманием. На одном из свежих снимков она в темное время суток стояла вместе с лучшей подругой Катей на фоне новостройки с весьма оригинальным, запоминающимся фасадом полукругом. Смекнув, что район четвертой станции Большого Фонтана, где предположительно обитает Лара, активно застраивается высотками и поздним вечером Леонова, скорей всего, гуляла возле своего дома, я начал поиск в Гугле по картинкам похожих одесских новостроек. Буквально через минуту мои опыты по сличению фотографий увенчались успехом. Сомнений не оставалось — Лара живет в новостройке на Кленовой, чей фасад полукругом невозможно спутать с каким-либо другим недавно введенным в эксплуатацию домом.

Приободренный находкой денег и обнаружением места жительства моей возлюбленной, я метнулся обратно в торговый центр, на сей раз для приобретения подарков Леоновой. Продавщица магазина одежды, завидев меня, резко отвернулась, как от прокаженного, видно вспомнив мои тезисы о тренингах и розовом фламинго. В первую очередь я зашел в гипермаркет детских товаров, где на полках, среди заводных говорящих попугаев и косматых толкиенистских страшилищ, выискал милейшего плюшевого мишку желточного цвета, в алой рубашонке. Не стоит бояться показаться сентиментальным и чувственным в глазах любимой, страшнее прослыть черствым сухарем, боящимся искренности и обнаженности души. У мишки, найденного на полке, была изрядно запачкана спинка, что делало его непригодным для дарения. Второго на полке не наблюдалось, и я было страшно расстроился, так как хотел подарить Ларе именно этого трогательного мультипликационного героя, но, на счастье, после двадцатиминутных поисков на складе в закромах гипермаркета нашелся абсолютно чистенький плюшевый любитель пчел и меда!

К мишке в алой рубашонке вскоре добавился пурпурный бумажный пакет с золотистыми звездами, гласящими «Happy birthday!». Возможно, я немного старомоден, но все равно согласен с утверждением, что книга — это лучший подарок. В букинистическом отделе я мило улыбнулся, завидев тоненькую книжицу Фредерика Бегбедера «Любовь живет три года», даримую бывшим девушкам на день святого

Валентина, и попросил завернуть мне «Искусство любви» Эриха Фромма, производящую на меня более сильное впечатление, чем окололитературные сопля французского циничного рекламиста. Прямо на кассе я взял шариковую ручку и своим корявым трудночитаемым почерком написал: «Ларе Леоновой от любящего Велимира Недопекина на двадцать восьмой день рождения. Учись искусству любви, люби и будь любимой! 08.06.2012». Труд Фромма в мягкой обложке удачно уместился в пурпурном пакете рядом с плюшевым мишкой, и я покинул торговый центр, торопясь приобрести последний подарочный элемент. Конечно же, необходимо было купить цветы, и только розы.

Я долго блуждал возле цветочных киосков на углу Армейской и проспекта Шевченко, называемых в журналистских материалах о коррупции «малыми архитектурными формами», почти всегда незаконно занимающими городскую землю и не приносящими дохода в казну. Хотелось выбрать самые красивые и яркие розы, но, увы, я не слишком разбираюсь в тонкостях лепестков и стеблей еще со школьных рассказней о пестиках и тычинках. Скорей всего, я поступил прямолинейно и тупо, купив самые дорогие розы после расспроса всех торговки о стоимости имеющихся в наличии цветов. Со стеблей срезали шипы, и три розы цвета загнивающей черешни, завернутые в прозрачную оберточную упаковку, перекочевали в мои руки, легко расставшиеся с купюрой номиналом в сто гривен.

Я шел на Кленовую с естественной радостной улыбкой и без всякого волнения. Не надо прятать свои чувства в чуланах души, и если вы приходите к человеку с добрыми намерениями, если это ваш человек по мировоззрению, он вам обязательно ответит взаимностью. Я сел на лавочку посередине двора, чтобы просматривались все пять входов в подъезды. Июньское безжалостное солнце нещадно палило мне в спину. Не прошло и получаса, как из третьего, центрального подъезда вышла Лара в сопровождении неизвестной мне подружки. Девушки несли в руках габаритные торбы, набитые провизией. Я мигом подскочил к Леоновой и протянул букет роз вместе с бумажным пакетом.

— Что это ты здесь забыл, Велимир? — неодобрительно спросила Лара.

— Да вот пришел поздравить тебя с днем рождения. Хотел было написать нечто большое и поэтическое по данному поводу, но решил ограничиться двустушием «В красавицу с Кленовой влюбляюсь я по новой». Желая тебе преодолеть все комплексы и предрассудки касаясь моей персоны и на двадцать девятом году жизни таки сподобиться познакомиться со мной поближе, — произнес я торжественный спич.

— Ну, спасибо. Мне, конечно, приятно, — с нескрываемым скепсисом сказала Леонова, поставив торбу на асфальт и прикрывая глаза от палящего в лицо солнца правой ладонью.

— Отлично, что ты пришел. Нам как раз нужен помощник, чтобы перенести продукты для пикника из квартиры в мою машину, — обратилась ко мне неизвестная подружка Лары, протягивая свои торбы.

— Да конечно, помогу, о чем вопрос, — сказал я, беря в руки торбы у неизвестной.

— Велимир не пойдет в мою квартиру! — истерически рявкнула Леонова.

— Тогда сами носите тяжести, раз ты, Лара, такая упрямая, — сказал я, поставив торбы в багажник синего «BMW» третьей серии, принадлежащего неизвестной.

— До свидания, Велимир! — сказала Леонова, помахав мне на прощание рукой.

— Удачно тебе отметить день рождения! — произнес я, покидая пределы двора Лары.

Пройдя парк «Победа» и устремившись на Французский бульвар, я очутился возле типового Дворца спорта, служившего раньше местом проведения домашних

матчей муниципального баскетбольного клуба «Одесса». Пятитысячная арена, где пятерка мастеров оранжевого мяча сражалась на паркете за престиж родного города, — главное место моей юности. В шестнадцать лет у меня порой не было денег на билет, и я пробирался на матчи через черный ход, говоря наивному вахтеру, что направляюсь на второй этаж в секцию карате, а сам проскакивал мимо раздевалок и выходил в игровой зал вместе с прыгучими великанами. Когда водилась мелочь, то я покупал двухлитровую бутылку колы, пару посыпанных кунжутом бубликов, складывал приобретения в рюкзачок, проносил их с собой и доставал, уже расположившись непосредственно на трибунах, оборудованных откидными деревянными сиденьями. Сектора были окрашены в сиреневый, розовый, красный, лимонный и салатный цвета. Внизу центральной трибуны находилась барная стойка в виде V-образного черного боевого самолета, ведь по ночам Дворец спорта перепрофилировался в ночной клуб «Stealth». На месте временно демонтируемого баскетбольного паркета расплодившиеся тогда рэйверы и кислотники дрыгались в своих наркоманских танцах, со стороны более похожих на эпилептический припадок. Хотя учредителем команды числились городские власти и клуб назывался муниципальным, но все болельщики скандировали: «Бипа!» — в честь первого названия коллектива — «Бипа-мода». Клуб основал павший от киллерской пули в 1997 году бизнесмен Аркадий Табачник, соучредитель совместной украинско-немецкой фирмы «Vira-moda». Перед началом сезона 2001/2002 годов я стал корреспондентом областной газеты «Одесса-спорт» и получил в клубном офисе официальную аккредитацию на матчи, позволяющую свободно проходить на все игры через центральный вход. Мне не нужно было ловчить перед вахтером, сторожащим черный ход, отчего я был счастлив, словно победитель розыгрыша, случайно угадавший нужную комбинацию цифр и ставший миллионером. На главной трибуне, в первом ряду, прямо напротив полосы, разделяющей баскетбольную площадку на две половины, сидел главный болельщик города Одессы дядя Гриша (по паспорту — Григорий Коновчук), с которым я почтительно здоровался в первую очередь. Дядя Гриша был весьма полным, носил очки с большими округлыми стеклами и всегда ходил с резной тростью, на латунном набалдашнике которой во время игр всегда держал ладони, татуированные с внешней стороны. Коновчук снялся в эпизодической роли в фильме «Берегите женщин», где сыграл харизматичного свистящего спортивного фаната, то есть самого себя. Все до единого болельщики «Бипы» знали место дяди Гриши в зале, и никто не осмеливался на него садиться, признавая неоспоримый авторитет грузного весельчака. 4 января 2002 года дяди Гриши не стало. На его похороны, отложив все насущные дела, приехал тогдашний мэр Одессы Руслан Боделан. Диабет забрал на небеса болельщицкого гуру в возрасте шестидесяти двух лет. А через месяц после смерти Коновчука наша баскетбольная дружина одержала самую главную победу в истории клуба, разгромив со счетом 102:76 именитый московский ЦСКА при полном аншлаге и горячей поддержке небезразличных к игре прыгучих, длинноруких дядек в дорогостоящих кроссовках с высокими пятками. В мае 2002 года мне было семнадцать лет. МБК «Одесса» в пятом матче финальной серии чемпионата Украины дома победил злейших столичных врагов БК — «Киев» и выиграл турнир. Наполненный радостью, я после триумфальной чемпионской игры выскочил из Дворца спорта и, минуя санаторий «Аркадия», очутился на Французском бульваре, не скрывая при этом слез грусти. В моем семнадцатилетнем мае, увы, не было любви, и я брел в королевском одиночестве по самому романтическому бульвару в мире. Утром я робко предложил встречаться милостивой Насте, учившейся на класс младше, но получил категорический отказ безо всяких объяснений. Когда тебе семнадцать и твое юношеское

это жаждет плотской любви, то лишь вечерний майский Французский бульвар сможет утешить ранимое сердце плаксивого ловеласа, готового пойти на все, чтобы дорваться до женского тела. Я вытирал слезы со щек скомканной программкой чемпионского матча, о чем сейчас очень сожалею. Программку решающей игры следовало сохранить в целостности и сохранности как память о моей чувственной юности.

От Дворца спорта к санаторию «Аркадия» убегает тропка, выложенная квадратной плиткой. Пройдя мимо пирамидальной кучи мусора, служащей лежбищем для вечно сонных санаторных псов, и обогнув одноэтажный бежевый урологический корпус со стоящим в палисаднике миниатюрным серебряным бюстом академика Павлова, вы окажетесь на дорожке, ведущей к самому потаенному и любимому выходу на Французский бульвар. Просунувшись бочком сквозь нишу в ограде, образовавшуюся из-за выломанного прута, вы ступите на тротуар великого бульвара, который никогда не забудет ни один человек, когда-либо гулявший по его расслабляющим душу аллеям.

Если выйти на бульвар из скрытого лаза в ограде санатория «Аркадия» — бывшей некогда дачи греческого выходца Матвея Федоровича Маврокордато, а ныне популярного места приема модницами душа Шарко, то справа можно увидеть зигзагообразный поворот дороги, именуемый знатоками гоночной серии «Формула-1» шиканой. В 1894 году инженер Василий Зуев, руководивший реконструкцией Малофонтанской дороги, существенно изменил облик нынешнего бульвара. По его предложению были выпрямлены многие участки, вместо постоянно перемалываемого в пыль колесами повозок и лошадиными копытами камня-дикаря проезжую часть покрыли гудроном. По бокам от проезжей части проложили рельсы конки (так называемая «Австро-Венгерская» или «Венская» схема компоновки улицы). В 1909 году гудроновое покрытие заменили стандартной гранитной мостовой, успешно служащей до сих пор, а в 1911 году конку электрифицировали и пустили трамвай по узкой колее шириной всего тысяча миллиметров. Для выкупа участков земли, понадобившихся при выпрямлении бульвара, владельцы урезаемых дач предоставили городу беспроцентную ссуду сроком на десять лет, а некоторые толстосумы, вроде владельца бань Исаковича, безвозмездно расстались с частью угодий. Лишь Григорий Маразли отказался отдавать под бульвар кусок своего легендарного сада, и власти пошли на уступки щедрому меценату, признав тем самым его заслуги в развитии Одессы. Так и появился зигзаг на бульваре возле бывшей дачи Маразли, от которой ныне сохранился лишь остов некогда выдающейся оранжереи, сейчас находящийся на территории санатория имени летчика Чкалова.

Я оказался на трассе здоровья, сбегав вниз возле Кирпичного переулка по разваливающемуся спуску, не сумевшему противостоять оползневому склону. Между ступенями внушительные трещины, можно ненароком оступиться и поскользнуться с травматическими последствиями, но я смог преодолеть все лестничные подвохи без потерь. По трассе здоровья расслабленно двигались роллеры в солнцезащитных очках, катившиеся коньковым ходом. Любители легкоатлетических кроссов пробегали по самому краешку асфальтового покрытия, боясь возможных столкновений с роллерами и велосипедистами. Я шел с чувством удовлетворения: Лару поздравил, торжественную речь хоть и короткую, но произнес, миссия выполнена. Проходя мимо футбольной базы в «Отраде» и покосившись на турники, я вспомнил, как мы после беговых упражнений, за неимением тренажерных залов, состязались в подтягиваниях, крепко вцепившись в шершавые железяки, обдирающие кожу на ладонях. Я редко когда дотягивался подбородком до перекладины больше шести раз, все время оставаясь среди аутсайдеров. Мы качали голень подъемом

тяжелых стальных колодок, походящих на кандалы. Я не стал физически крепким от занятий на турниках, но зато закалил несгибаемый характер, что, по моему личному мнению, гораздо важнее телесной мощи.

Отдалившись от «Отрады» на пару сотен метров, я погрузился в размышления о необходимости где-нибудь приятно скоротать вечерок, как вдруг мои слуховые рецепторы среагировали на радостный шум справа, со стороны моря. Природное любопытство заставило меня свернуть с трассы здоровья и спуститься в низину, заросшую уже выгоревшей на летнем солнце травой. Увиденная картина обрадовала и шокировала одновременно: в тени на полянке Лара и десяток девиц разложили пластиковые коробочки со снедью и бутылки вина, приготовившись праздновать день рождения Снежной королевы. Неожиданно Леонова привстала с расстеленной на траве клеенки и вместе с неизвестной мне подружкой, увиденной получасом ранее на Кленовой, направилась в мою сторону.

— Что ты здесь забыл, Велимир? — гневно спросила Лара, когда мы столкнулись на узкой тропинке.

— Просто мимо проходил и случайно услышал веселый гомон, — виновато ответил я.

— Я не верю ни единому твоему слову! Ты следишь за мной! — выплевывая слова, проорала Леонова.

Я ничего не ответил на упрек и направился к пикнику, надеясь застать там Наташу Март, дабы она, на правах познакомившей нас, урегулировала противоречия между мной и Ларой, удалившейся из низины вместе с неизвестной мне подружкой. Наташи среди рассеявшихся на клеенке не было, но я все равно решил остаться, чтобы, когда Лара вернется, произнести велеречивый тост за ее здоровье, а потом покинуть девичник.

— Оливье будешь? — доброжелательно обратилась ко мне Катя, числившаяся лучшей подругой Леоновой.

Сразу вспомнились слова из песни некогда популярной среди жлобов Транспортной улицы группы «Ленинград»: «Я пришел к тебе на день рожденья не из любви, а чтоб салата пожрать!» Хотя я появился на празднестве непреднамеренно и любил Лару, но от оливье решил не отказываться. Все-таки подарок и цветы вручил, напутственные слова сказал, можно и подкрепиться. Катя передала мне пластиковую тарелку с оливье и глиняный кувшин с белым вином. Подумалось, что Лара непременно бы захватила с собой и подсыпала мне мышьяк в оливье, зная, что я появлюсь на пикнике. Налив дамам и себе вина в стаканчики и отложив в сторонку тарелку с оливье, я бегло оглядел девять девиц, что по кругу расселись на клеенке. По моим приблизительным оценкам, шестеро из девяти были лесбиянками, включая Катю. Мужеподобные девицы привыкли держаться стайей в подвальных арт-кафе, и я научился легко их распознавать по асексуальной бесформенной одежде, коротким стрижкам и отсутствию косметики. Две из них создали настоящую семью и воспитывают трехлетнего мальчугана, зачатого от суррогатного отца. Версию о том, что Леонова тоже может предаваться однополю любви, я не рассматривал. Главного героя философско-эротического романа «Чок-Чок» Фридриха Горенштейна отшила чешская фотомодель, сославшись на увлеченность женщинами, но в моем случае этот трюк не пройдет. Лесбиянки никогда особо не раздражали меня, в отличие от педерастов. Мне искренне жаль девушек с врожденными гендерными проблемами, вынужденных мучиться всю жизнь, опасаясь общественного порицания и непонимания с материнской стороны. Гомосексуальный кагал радушно отнесся ко мне, и я не стал прикидываться шлангом, прекрасно понимая, какой любовью привыкли заниматься рядом сидящие дамы.

— Раз тут все свои, то можно я расскажу одну веселую историю, приключившуюся со мной в прошлом году и в которой речь идет о тебе, Катя? — громогласно спросил я.

— Да пожалуйста, — ответила Катя, бывшая ровно на два года старше Лары и отмечавшая в тот день свой тридцатилетний юбилей.

— Есть у меня дружбан закадычный. Надежный парень, всегда выручит, когда надо. Только нудный он очень. Любит, как заевшая пластинка, одно и то же предложение монотонно по десять раз повторять. В общем, завис у меня «Windows» на ноутбуке. Пятница, время позднее, все бухают, компьютерные мастерские до понедельника закрыты. Я звякнул ему, объяснил проблему. Он сказал, чтобы я немедленно приезжал к нему на Таирово. Я так и сделал. Полночи ходили по его корешам, выискивали нужные драйвера. Когда нашли, то он пива купил аж четыре литра, но я с ним квасить вежливо отказался. Лежу на его кровати, четыре часа утра, даже гомонящая дворовая шпана уже по домам разошлась. Программы на моем ноутбуке уже переустанавливаются, и он по пьяной лавочке начинает душу изливать на мои свежие уши. У тебя ведь отец в Пищевой академии преподает?

— Так точно, — ответила Катя.

— Ну и он начал мне твои фотографии «Вконтакте» показывать, нахваливая тебя на все лады. Такая вся божественная эта Катя. Все время в академии не мог мимо пройти, но не решался подойти поближе. Влюбился по уши и страдаю, мол.

— Это ты про Андрея Архангельского рассказываешь? — перебила меня Катя.

— Так точно! У него ведь тоже батя в пищевой лекции читает, — ответил я.

— Знаю-знаю про его неразделенную любовь, — посмеиваясь, сказала юбилярша.

— Так вот, скулил он полчаса и плакался. Вкратце суть его монолога сводилась к тому, что два года он тебя любил всем сердцем и лишь потом случайно узнал, что ты по девочкам ударяешь. Потом локти кусал от злости и абсурдности ситуации.

— Андрюша мастер накрутить себе голову всякой дребеденью, — знающе произнесла Катя.

— Так он еще взял свою гитару «Fender Stratocaster», воткнул провод в комбик и принялся брэнчать, когда уже начало светать. Пел мне «Angie» «роллингов», у него ведь Кит Ричардс — это образец для подражания. Как только программы загрузились, то я поблагодарил Андрюху за дружескую помощь и немедленно ретировался, хотя маршрутные автобусы еще не ходили. Пришлось битый час на остановке сидеть возле рынка «Южный» и дожидаться общественного транспорта. Зато ноутбук бесплатно починил, хотя пришлось слушать монолог о совершенно не интересующих меня вещах.

— Архангельский — добрый малый! — с улыбкой выпалила Катя.

— Ты до сих пор еще здесь? — прокричала в мой адрес Лара, вернувшаяся вместе с неизвестной подружкой.

— Хочу сказать тост за твое процветание, — тихо сказал я.

— Немедленно вон отсюда! — раздраженно гаркнула Леонова.

— Лара, ну разве так можно? Он ведь живой человек, и у него есть чувства, — Катя на правах старшей попыталась утихомирить Снежную королеву.

— Мне тоже неоднократно отказывали парни, но я стоически терпела! Смирись, Вея! — продолжала агрессивный спич Леонова.

— Ну ладно, я тогда вас покину, счастливо оставаться, — опустив голову, сказал я, поднимаясь с клеенки и проходя мимо Лары.

Я ревел белугой, и слезы стекали по скулам, замертво падая каплями на зеленую футболку. Я понимал, что после столь сильного унижения, больно бьющего по самому сердцу, мне не надо находиться в одиночестве и грузиться проблемами.

Я позвонил Джейн, одной из тех девушек, с кем брезгуешь спать, но всегда можно говорить часами напролет о чем угодно. Она из домашнего бара взяла бутылку виски «Jameson», и мы пили на пустынном ночном пляже, возле десятой станции Большого Фонтана, рядом с «Maristella-club», закусывая, словно дети, шоколадными конфетами с малиновой начинкой. Мы болтали пару часов о чем попало, ежась от холодного летнего ветра, распоясавшегося в темное время суток. Десятилетием ранее, тоже в июне, на данном пляже я встречал рассвет с одноклассниками после выпускного бала и гуляний в кафе «Боб». Появляющийся поутру из-за горизонта огненный солнечный круг не внушал мне светлых надежд. Будущее тогда казалось мне, семнадцатилетнему байроническому юнцу, печальным и безрадостным. Увы, но мои прогнозы оправдались. В свои двадцать семь меня явно не отнесешь к оптимистам, свято верящим, что что-либо в нашем мире может измениться к лучшему. Окончательно замерзнув, мы забрали с собой выпитую до дна бутылку и выбросили ее в урну, чтобы не загаживать пляжный песок, который приезжие туристы старательно удобряют своими пищевыми отходами. Виски и дружеская беседа облегчили мою душу, израненную ледяным безразличием Лары. Изрядно набравшись, я не мог самостоятельно добраться домой и упал замертво в квартире гостеприимной и сочувствующей Джейн. Проснулся я в тягучей луже собственной густой блевоты. Джейн принесла тазик и тряпочку, корректно попросив убрать за собой, на что я, естественно, ответил согласием, быстро ликвидировав следы своей желудочно-кишечной распущенности. Я вышагивал по утреннему Большому Фонтану, прокручивая в памяти предыдущий сумасшедший день. Гнетущая неизвестность, найденный кошелек, обнаруженный дом Леоновой, врученные розы, случайное появление на пикнике — было ли это все наяву, или это плоды моего воображения, отягощенного алкогольной интоксикацией? Окончательно протрезвев, я осознал, что все неожиданные события и вправду случились со мной. Я очень хотел поздравить возлюбленную с днем рождения и непопаданием в клуб Курта и Джима, что мне и удалось, хотя Ларе мои проделки, мягко говоря, не понравились. Поставленная на день задача выполнена. Я всерьез обозначил свои претензии на руку и сердце Лары. Пусть ей теперь будет стыдно перед подружками за публичное скотское отношение ко мне. Я ведь сильный, я все выдержу и перетерплю — закалка футбольной школы в «Отраде» не проходит даром!

13

Я не планировал свое повествование, но так получилось, что именно в тринадцатой главе придется рассказать об уходе в мир иной человека, бывшего сердцем и душой Одессы. Арс покинул нас 9 июля 2012 года, пролежав больше месяца в коме, не приходя в сознание. Рыжебородого художника, как и десятилетием ранее дядю Гришу Коновчука, забрал коварный диабет, осложненный двухсторонним воспалением легких. Все друзья и знакомые Арса до последнего верили, что он сумеет выстоять и победит все болячки, но судьбе было угодно избавить его от земных мучений. А я до сих пор не верю, что он умер. Мне кажется, что Арс уехал навсегда в Тибет, где медитирует в горной тиши, позабыв о шумихе мегаполисов и суетном людском мельтешении.

— Он научил нас замечать, ценить и понимать красоту, на которую мы порой не обращаем внимания, — метко заметила Мэри вечером рокового дня.

— Арс объяснил нам, что за город Одесса и какое счастье жить в нем, — ответил я.

«Такое ощущение, что только я вижу дно или тьму будущего через пестроту революции. Как будто только я вижу корневую модель прошлого, проектируемую на

будущее. Может, мне секту организовать?» — долго раздумывал я над одной из последних записей Арса на фэйсбуке. Он, безусловно, был одаренным, сверхчувствительным человеком, способным ощущать и обдумывать явления, незаметные для миллионов обывателей, привыкших смотреть только в свои фарфоровые тарелки с горячей похлебкой и не замечать творящиеся в мире чудовищные метаморфозы. Арс для меня прежде всего — это антиглобалистская персона общенационального масштаба, открывшая глаза сотням слепцов на чудесность Одессы, оставшейся нам, варварам, как разрушающийся памятник о некогда волшебном городе с неповторимой архитектурой и странными людьми, единственными в своем роде на весь земной шар. Раньше я был равнодушен к винтовым лестницам, лепным атлантам и кариатидам, резным деревянным дверям и литым чугунным ограждениям, кирпичным башенкам, фризам, эркерам и шатрам, но теперь всегда вижу малейшие детали, в совокупности составляющие великолепный архитектурный ансамбль обители мореплавателей и негоциантов. И на сто процентов заслуга в моем просвещении принадлежит только Арсу.

На церемонию прощания с Арсом я не смог облачиться в темную одежду и принести траурный венок. Люди вечности не умирают. Они просто отрекаются от физической оболочки, истерзанной мирскими страданиями, и превращаются в незримых ангелов, витающих над оставшимися жить существами и оберегающих их от невзгод и необдуманных поступков. К особняку родителей Арса в Аркадиевском переулке было не подступиться. Народ шел и шел, бросая автомобили где попало, создав серьезный дорожный затор во всей округе. Закрытый гроб стоял под навесом посередине двора, густо заросшего пахучей вербеной. Стояла невыносимая июльская жара, и пришедшим проститься было очень некомфортно в черных футболках и рубашках. Знавшие Арса обливались потом и плакали, еще до конца не осознав всю горечь утраты. Очередь к гробу тянулась очень медленно. Каждый хотел мысленно поблагодарить Арса за счастливые минуты общения и подаренные им мудрые наставления, пригодившиеся в повседневной жизни. Я прикоснулся к гробу, ничего не говоря, постоял десять секунд и удалился прочь, понимая, что перевернута еще одна страница в моей биографии и начинается совсем другой этап. Возле особняка вынужденно остановились ехавшие в разных направлениях владелец «Черноморца» народный депутат Украины Леонид Климов и обладатель «Золотого мяча» 1986 года Игорь Беланов, заседающий в городском совете. Климов вышел из черного «мерседеса» представительского класса, встав с заднего пассажирского сиденья, а Беланов вылез из-за руля черного джипа «BMW» X5 с именными номерами, на которых изображены два футбольных мяча и номер десять (под ним нападающий выступал за киевское «Динамо» и сборную СССР). Застрявшие в пробке знаменитости, увидев столпотворение, принялись расспрашивать о личности усопшего и выразили искренние соболезнования собравшимся, быстро сообразив, что хоронят достойного памяти сына Одессы-мамы. Климов и Беланов не посмели воспользоваться привилегиями депутатских мигалок и принялись наряду с обычными гражданами дожидаться того момента, когда иссякнет людской поток желающих проводить в последний путь Арса. Ехать на кладбище мне совсем не хотелось.

Рыжебородый провидец даже свои похороны спланировал по высшему классу. Только я зашел домой, как обжигающее солнце резко скрылось за серыми тучами, заполонившими весь небосвод. Невиданной силы ливень хлестал по оконным стеклам, смывая в сточные каналы пылинки и жучков, неспособных сопротивляться разбушевавшейся стихии. Балковская улица превратилась в маленькую Венецию. Водители взбирались на крыши своих транспортных средств, опасаясь

захлебнуться грязевыми потоками, затапливавшими салоны машин. Гром гремел, словно похоронный оркестр играл траурный марш по Арсу. Небо оплакивало творца, ушедшего в расцвете лет. За два часа ливень обрушил на город двухмесячную норму осадков и столь же внезапно прекратился, как и начался. Водители прыгивали с крыш авто на высыхающие дороги, замечали отсутствие государственных регистрационных знаков автомобильной инспекции и брались прошупывать оставшиеся лужи, надеясь найти заветные белые прямоугольники с черными цифрами, вывалившиеся из креплений под напором водных масс. Когда солнце снова взошло и высохли последние лужи, на небосводе появилась радуга — Арс красиво прощался навсегда с нами, непутевыми негодниками.

Конечно же, учитель прекрасного не мог не оставить частичку своего творческого наследия на Французском бульваре. Ресторан «Дача» по Французскому бульвару, дом восемьдесят пять — это один из самых известных авторских проектов Арса. Остановитесь возле круглой афишной тумбы, оклеенной плакатами советской эпохи, возвещающими о сезонном снижении цен на регулярные рейсы «Аэрофлота», и пройдите сквозь арку красного кирпича, увитую плющом. Вы попадете в утонченный мир Арса, пространство, созданное вне места и времени. Под сенью каштана притаился старинный, прабабушкин потертый сервант с выдвигаемыми ящичками, по-украински называемыми «шухлядками». Прижался к стволу клена послевоенный холодильник «ЗИЛ», напоминающий скорее мультипликационного Мойдодыра, хотя у него нет ни кранов, ни раковин. Из серого громкоговорителя доносятся фрагменты бравурных маршей тридцатых годов, вдохновлявших на трудовые подвиги комсомольских активистов. Белая лейка с длинным носиком, стоящая на клумбе, не воспринимается как неодушевленный предмет. Скульптурный писающий мальчик безо всякого стеснения справляет малую нужду в округлый фонтан. Бюст девицы, выполненный по канонам соцреализма, навеивает воспоминания о персонажах, сыгранных в кино Любовью Орловой. Плетеные корзинки с бегониями и деревянные бочки, засаженные гортензиями, придают территории сходство с семейным приусадебным участком. Белесая кровать с панцирной сеткой и качели, подвешенные к толстой дубовой ветви, ждут своих сидельцев. В кормушках и скворечниках всегда есть зернышки для пернатых гостей. Ложки и вилки привязаны к побегам кустарников, словно новогодние игрушки к хвойной красавице. Арс умел удивлять ландшафтным дизайном.

Дорожка из плитки, выложенной елочкой, приведет вас к особняку, бывшему до революции домом господина Меринга, а после национализации сменившему множество хозяев. После установления коммунистической власти тут по очереди располагались сотрудники трудовой школы союза советских работников, жилищно-строительный кооператив «Труд», Техникум виноградарства и садоводства, корпус подведомственного партийному комитету санатория имени Чубаря и детский дом для испанских ребятишек, бежавших от гражданской войны. Ресторан «Дача» в нынешнем виде — это плод усилий Арса, лично контролировавшего восстановление капителей колонн в первоизданном виде по архивным фотографиям и тщательно подбиравшего статуи и вазы для террасы.

Внутри ресторана «Дача» Арс мастерски воссоздал атмосферу быта пятидесятых–шестидесятых годов. Медная дверная ручка отполирована до блеска сотнями ежедневных прикосновений посетителей. Входная дверь изнутри обита серым дерматином. Ни одна кокетка, желающая подрумянить жаждущие лобызаний щечки, не пройдет мимо ветхозаветного овального зеркала в прихожей. Дошчатый пол разукрашен в черно-белые шахматные квадраты — фирменный знак маэстро. В печке-буржуйке зимой потрескивают поленья. Радиоприемники «Сакта» и

«Урал» покорно молчат, как наговорившиеся за долгую жизнь пенсионеры. Черный эбонитовый телефонный аппарат с крутящимся циферблатом солидарен с радиоприемниками в великовозрастном безмолвии. Часы с маятником и боем дают о себе знать каждые шестьдесят минут. Механическая швейная машинка «Pfaff» с нижним приводом-платформой скучает без внимания рукодельниц. Спрятавшееся в углу зала кресло-качалка мечтает о степенном бородатом хозяине в махровом халате, который медленно перечитывает томик Флобера, покуривая дымящуюся трубку. На подоконниках мирно уживаются палехские шкатулки, мотки ниток и расписной самовар, поющий горячим чаем дачников в морозные деньки. Старинные торшеры, бра, светильники и люстры успешно борются по вечерам с властью тьмы. Пустые бутылки из-под коньяка «Арагат» превращены Арсом в подсвечники. Комоды и трельяжи, специально лишенные новизны с помощью наждачной бумаги, приютили пузырьки духов и деревянные коробочки, некогда хранившие семейные драгоценности. Кусок джинсовой материи, прибитый с тыльной стороны посудного шкафа, служит местом демонстрации коллекции значков. Фалеристов могут заинтересовать следующие экспонаты: «50 лет заводу ПРОДМАШ», «Юбилейная научная конференция ОТИПП 1990», «Ессентуки-17», «Воир», «Всесоюзный студенческий отряд имени 40 лет Победы, 1985», «Праздник Севера Мурманск 77», «Фонтан–Семиструйки», «Юный осводовец», «Бастионы Севастополя 1854–1855», «Малая Земля. Колодец жизни», «Готов к труду и обороне СССР IV». Пол-литровые баночки с компотом, накрытые цветастыми тряпицами, зафиксированными тесемками, дожидаются своих покупателей, желающих утолить жажду вкусным питьем, сваренным из свежих фруктов. Большинство из описанных вещей, давно вышедших из широкого употребления, Арс нашел на стихийном базаре в окрестностях Староконного рынка и дал им вторую жизнь, удачно используя в своей оформительской работе. Волшебник мастерски реанимировал разложенный прямо на асфальте хлам, продававшийся хозяевами за гроши, делая из него настоящие произведения декоративного искусства.

Об Арсе восторженно отзывались все, кто его знал. Не было лиц среди пересекавшихся с ним, кого бы он не покорила колоссальной харизмой. Через день после похорон я встретил в торговом центре Аню, вдову Арса. Когда я подошел, она крепко обнимала их восьмилетнюю дочь Анфису.

— Я только что сообщила Анфисе о смерти папы. Не хотела утомлять ее церемонией прощания. Пусть она навсегда запомнит отца рыжим и веселым, — едва сдерживая слезы, сказала Аня.

— Ты правильно поступила. Ребенку ни к чему вся эта мрачная возня, — согласился я.

— На кладбище было прямо прощальное шоу. Жаль, что ты не наблюдал эту симфонию неба на погребении. Ливень начался в ту же секунду, когда Арса после отпевания вынесли из церкви. Он стихал и снова набирал силу — четко в ритме процесса захоронения. Ливень затих ровно в тот момент, когда на могилу упал последний ком земли. Я не сильно суеверная, но думаю, что это был знак свыше. Последний перформанс Арса.

— Не было моральных сил для присутствия на кладбищенском ритуале. Да и вообще я не люблю прощание на публике. Человека ведь все равно уже не вернешь, — с грустью сказал я.

— Да говорила ему: «Следи за собой!», когда пару лет назад у него обнаружили недопустимо высокий уровень содержания сахара в крови, а он поначалу отмахивался: «А, пустяк!» Мужчины часто пренебрежительно относятся к своему здоровью. Потом, конечно, одумался, начал соблюдать диету, исключил сладкое из рациона, но было уже поздно.

— Но с тобой осталась частичка Арса — Анфиса. Она — его лучшее творение! Я помню, с какой радостью он мне рассказывал о том, как Анфиса выучила наизусть стишок про брошенного зайку и объясняла значение нескольких китайских иероглифов. Одной, безусловно, тяжело поднимать ребенка, но я верю, что ты сможешь вырастить дочь, которой, надеюсь, передались гены от талантливейшего отца, — приободрил я Аню.

— Конечно, буду стараться. Я воспитаю ее такой, чтобы Арс, будь он жив, гордился дочерью!

Мы забрели в гипермаркет детских товаров, где в июне я брал алого плюшевого мишку в подарок Ларе. Аня решила отвлечь дочь от утраты, приобретя ей много новых игрушек.

— Анфиса, что тебе купить? — спросила Аня.

— Книжку про Гарри Поттера, набор фломастеров и альбом для рисования, — ответила озорная Анфиса, шустро взявшая с полок желаемые товары.

— Правильно, пусть малюет. Глядишь, и проявится наследственная живописная одаренность, — заметил я.

— Вся в папу, вся в папу, — медленно произнесла Аня с отрешенным взглядом человека, не оправившегося от тяжелого жизненного удара.

Леонова скупо отреагировала на известие о кончине Арса. Лара находилась в Москве и не смогла присутствовать на похоронах. Она лишь выложила на фэйсбуке свою фотоработу, где маэстро прислонился лицом к запотевшему стеклу, и подписала ее «Прощай!». Вряд ли можно было ожидать большего от девушки, у которой айсберг вместо сердца.

14

Музей современного искусства Одессы, изначально находившийся в Сабанском переулке, был перемещен на Французский бульвар, восемь летом 2012 года. Управляющего крупного регионального банка, спонсировавшего создание экспозиции из собрания картин коллекционера Михаила Кнобеля, сместили с занимаемой должности, посему музею пришлось перебраться в меньшее пространство с более низкой арендной платой. Помимо глянцевого журнала, я согласился сотрудничать с городским новостным порталом, подающим информацию посетителям сайта безо всякого понятия о корректности. Мои дерзкие материалы о выставках, изобилующие уничижительными эпитетами, вызывали бурю негодования среди сервильной публики, брэнно шатающейся по галереям от одного фуршетного стола к другому. Я издевался над бездарностями, не стесняясь в выражениях и не опасаясь возможного возмездия. На очередную сборную выставку одесских художников я, как обычно, пришел в игривом настроении, заранее зная, какого рода творения мне предстоит увидеть. Проходимцы от искусства, как всегда, будут пытаться преподнести спичечные коробки и пачки от сигарет за откровение с авангардным месседжем, сакральный смысл которого понятен только узкому кругу избранных.

Я бегло просмотрел коллажи, поделки и прочую самодеятельность уровня кружка «Умелые ручки» для детей младшего дошкольного возраста, пока не остановился перед холстом размером два на три метра, на котором на сером, дымчатом фоне в белом скафандре космонавта, с флагом Великобритании на рукаве была изображена певица Эми Уайнхаус.

— Это так неожиданно, оригинально и завораживающе, — обратился я к автору работы художнику Игорю Гусеву.

— Я рад, что тебе понравилось, — ответил он с добродушной улыбкой.

— Но почему именно Эми Уайнхаус, а не Мадонна? Почему в скафандре космонавта, а не, например, в тюремной робе? — поинтересовался я.

— Это моя первая работа из цикла «Клуб 27». Буду рисовать звезд, умерших в возрасте двадцати семи лет. Почему в образе космонавта? Все просто. Метафора звезд, улетевших на небо, — сказал высокий добряк, внешне сильно напоминающий Элвиса Пресли.

— «Клуб 27», как бы мне не вступить в него! Неразделенная любовь, отсутствие дружбы, бестолковая журналистская работа, приносящая в последнее время больше раздражения, нежели удовольствия, — от такого комплекта неприятностей вполне можно наложить на себя руки! Мне еще целых полгода до двадцати восьми лет прожить надо! — поделился я мыслями вслух со старшим товарищем.

— Малыш, не переживай и не нервничай, все обязательно наладится. За черной полосой в жизни обычно следует белая полоса, — приободрил меня Игорь, похлопывая по плечу.

— Но если со мной все-таки случится что-нибудь нехорошее и я, к великому сожалению, вступлю в «Клуб 27», то ты нарисуешь мой посмертный портрет в скафандре для своей серии? — шутливо спросил я Гусева.

— Конечно, нарисую! — смеясь, ответил Игорь.

— Фуух, хоть один есть приятный момент при возможном попадании в «Клуб 27» — ваш портрет нарисует сам Игорь Гусев! — весело выпалил я.

— Это вы Велимир Недопекин? — гнусавым голосом, недружелюбно обратился ко мне неприятный типчик с серьгой в правом ухе.

— Он самый, — спокойно ответил я.

— Пройдемте в сторонку, долой от людских глаз. Хочу поговорить как мужчина с мужчиной о вашей публицистической разнузданности, — предложил типчик.

— Хорошо, давайте поговорим, — без малейших колебаний согласился я.

Неприятным типчиком оказался Абрам Соломонович Райберг, достигший общеевропейской известности и финансового успеха на ниве современного искусства. Райберг слыл настолько крупной, трудолюбивой и разносторонне развитой личностью, что от одного лишь перечисления всех его ипостасей кругом шла голова у обычного гражданина: художник, скульптор, арт-критик, куратор, галерист, теоретик искусства, поэт, философ, кинообозреватель, график-концептуалист, культуролог, фотограф-документалист, автор инсталляций, перформансист, создатель короткометражных психоделических видеофильмов, эксперт-оценщик антикварной мебели, музыкант-мультиинструменталист, университетский лектор и обладатель самого большого в Украине собрания еврейской прозы на идиш. Еще при коммунистах Райберг, не знавший, к какой из веток неконформистского искусства выгодней примкнуть, основал свое направление — «трансгипермодернизм», быстро растолковав его необходимость десятком собственноручно написанных научных трактатов толщиной, как Большая советская энциклопедия. Своей бурной деятельностью он опровергал старую одесскую присказку о невозможности сидеть одной ж... на два базара, успевая одновременно принимать важное участие в художественной жизни Киева, Минска, Москвы, Санкт-Петербурга, Стамбула, Амстердама и даже Нью-Йорка, не говоря уже о родном городе у Черного моря! На средства, присвоенные в результате мастерского управления национальным филиалом фонда американского филантропа Джорджа Сороса, он часто летал отдыхать на курорты Карибского бассейна и прожигал будни в кокаиновом угаре. Райберг создал настолько противоречивый образ самого себя в глазах общественности, что о нем ходили слухи и как о яром бабнике, таскающемся за каждой юбкой, и как об активном гомосексуалисте, неспособном пропустить ни одной мальчишеской вертлявой зад-

ницы. Поговаривают, что он рьяно растлевал творческих подмастерьев обоих полов, руководствуясь анекдотическим принципом «Мальчик, девочка — да какая в попу разница?!». К пятидесяти годам он обзавелся тремя квартирами, пятью детьми, появившимися на свет вне официальных браков, и слыл живым классиком местечкового современного искусства недоразвитой страны, на полвека отставшей от современных культурных тенденций.

Мы вышли на Французский бульвар, и Райберг, нахмутив морщинистый лоб, начал предъявлять мне претензии:

— Молодой человек, почему вы такой невоспитанный и борзый? Почему вы нагло хамите старшим людям, которым вы во внуки годитесь? Почему в своих омерзительных пасквилях вы устроили травлю поэта Бебы Херусалимского? Он ведь уважаемый человек! Профессор неврологии! Медицинское светило континентальной значимости, автор ста тридцати семи исследований по проблемам заболеваний нервной системы у людей и животных! Беба недавно перенес обширный инфаркт, ему нужны тишина и покой, а вы его стараетесь в гроб загнать своими погаными статейками! Я ведь влиятельная персона! Могу испортить вам карьеру раз и навсегда! Вы хотите, чтобы к вам в гости нежданно нагрянули представители какой-либо преступной группировки и растолковали, как следует себя вести в нормальном обществе?

— Так если ваш дружок Беба Херусалимский уже болен и стар, то пусть уходит на поэтическую пенсию, и никто его не будет обижать в прессе заметками, задевающими честь и достоинство! А то строчит по три вирша в день за целое литературное объединение, а потом обижается, что его, видите ли, посмели критиковать. Я разве виноват, что его огромное стихоплетское количество никогда не переходит в качество?! — вопросом на вопрос парировал я.

— А откуда вы вообще такой красивый взялись?! Кто дал вам право критиковать людей, чьего ногтя на мизинце ноги вы даже не стоите?! Вы вообще изучали академически теорию стихосложения? Читали ли вдумчиво древнегреческих мыслителей? Платона, Софокла, Еврипида, Аристотеля? Вы беретесь профессионально судить о вещах, в которых ни бельмеса не понимаете! — гневно говорил человек-оркестр.

— Я сужу об искусстве и поэзии в частности в меру своей компетентности, не претендуя на истину в последней инстанции. Для того чтобы заявить о том, что чей-либо стих плох, совсем необязательно прочитывать тонны рифмованной ерунды, пылящейся на библиотечных полках. Если мой внутренний цензор подсказывает, что поэт неискренен и фальшивит в своих творческих потугах, то я считаю своим долгом заявить об этом во всеуслышание. При этом автор плохого столбика может быть замечательным человеком, компанейским парнем, надежным товарищем, отличным семьянином, большим специалистом в своем ремесле. И если я написал, что его стих паршивый, то это совсем не значит, что я хочу оскорбить поэта как личность! Может, вы меня еще обвините в антисемитизме? — предугадывая претензию, спросил я.

— Да, вы образцовый антисемит! — строго отчеканил Райберг.

— Я так и знал! Вот Игорь Потоцкий тоже старый еврейский поэт, как и Херусалимский, только он аккуратно пишет один стих раз в три недели, а не три вирша в день, как Беба! И я уважаю Потоцкого и как человека, и как поэта, потому что в случае негативных отзывов на его литературные экзерсисы он не тычет критикам в лицо звезду Давида, маниакально усматривая во всем антисемитские происки! А Леонид Войцехов, так же как и вы, старый еврейский художник, да только я с ним всегда почтительно здороваюсь, отдавая дань его заслугам в развитии живо-

писи свободных нравов! Фокус в том, что мне совершенно нет дела до национальности творческой единицы. Мне просто не нравятся вы и Херусалимский как люди, а ваше самовыражение на холстах и листах — это уже вторичный аспект. Не ищите проблему там, где ее нет и в помине! — сказал я.

— И все-таки, молодой человек, я настоятельно рекомендую вам быть более сдержанным и почтительным к авторитетным людям, принесшим немалую пользу нашему славному городу. Вы пока еще ничего не добились в жизни, чтобы судить седобородых старцев, изрекающих словеса мудрости и глаголющих правду, — ехидно молвил Райберг.

— Слушайте, оставьте, пожалуйста, этот ваш старческий морализм для кого-нибудь другого! Знаете древний одесский анекдот: Рабинович торгует под банком семечками. Подходит к нему Яша и говорит: «Рабинович, дай мне рубль займа!» А тот ему отвечает: «У меня с банком заключен договор — я не даю займа, а банк не торгует семечками!» Так вот будьте добры, коль я вам не рассказываю, как правильно писать ваши гениальные трансгипермодернистские полотна, то соизвольте не объяснять мне, какой полемический градус должен присутствовать в моих статьях об искусстве и культуре! Любой член общества должен заниматься своим делом, а когда всяк норовит залезть в чужую парафию, пытаясь установить свой порядок, то тогда в стране происходит тотальный бардак, который ныне мы имеем возможность наблюдать с вами каждый божий день! Прекратите бесцеремонно вмешиваться во все творческие сферы и сосредоточьтесь на чем-нибудь одном! Хорошо еще, что ваши щупальца спрута не добрались до литературы! Спасибо, что оставили мне надежду выбраться на поверхность из этого канализационного отстойника! — я выговорил Райбергу в лицо все, что о нем думаю.

— Да вы просто больной на всю голову идиот! Вас в принудительном порядке следует изолировать от социума! Ваши идеи представляют опасность для здоровых людей! Ваши ядовитые мысли не должны разъедать свежие и чистые мозги молодежи, еще способной принести в будущем пользу государству, в отличие от вас, конченого человека! — озлобленно произнес Абрам Соломонович.

— По-моему, нам больше не о чем разговаривать, — спокойно сказал я.

— Да ну вас!.. Имейте в виду! Я вас предупредил! — Райберг сплюнул наземь, развернулся и мигом исчез, растворившись в густой листве изумительного в июле Французского бульвара.

— Малыш, что вы с Райбергом не поделили? — обратился ко мне вышедший из музея на бульвар Гусев.

— Он решил заступиться за своего кореша Херусалимского, которого, оказывается, оскорбляют мои тексты, — ответил я.

— Да брось ты мне эти глупости! Не надо ссориться с Абрашей, он хороший! Поможет тебе, если сильно надо будет, протекцию перед нужными людьми составит! — Игорь, как всегда, был дипломатичен, толерантен и равноудален в своих высказываниях.

— Сам буду пробиваться! Не нужны мне такие заступники! — с обидой буркнул я.

— Велик, не кипятись! Идем лучше винца выпьем в честь открытия выставки и за упокой души Эми Уайнхаус, — предложил Гусев.

Летнее солнце играло бликами на очках-авиаторах Игоря, и я, конечно же, ответил согласием. Грешно отказываться, когда тебя приглашает выпить живописная знаменитость и отличный собеседник, тем более если вы стоите в десяти метрах от входа в винный бутик «Французский бульвар», принадлежащий одноименной торговой марке.

Изначально коммерсант Франсуа Ново поставлял в Одессу качественные фран-

цузские вина, но со временем решил основать свое предприятие по выдержке и переработке виноматериалов. Для осуществления данного проекта в первую очередь требовались подвалы с постоянной температурой, вентиляцией и влажностью. И такие подземные помещения, а вернее сказать, катакомбы нашлись на участке по Малофонтанской дороге, дом десять, принадлежавшем бельгийскому консулу Виктору-Карлу Энно. Так и появился в 1857 году в Одессе старейший винный завод, который впоследствии был продан удельному ведомству, а после национализации стал центральным винным заводом, входившим в состав Одесского отделения управления государственного виноделия и виноградарства Украины. Удельное ведомство заказало архитектору Льву Влодеку великолепное здание заводоуправления из красного кирпича, с аутентичными оконными витражами и решетками на балконах, которое отлично сохранилось и до нашей эпохи. Сегодня вина, выдержанные в бочках-барриках из европейского и американского дуба, выразившие созданные причерноморскими долинами сортовые особенности, экспортируются по всей Европе. Завод оснащен современным оборудованием, производство налажено по последнему слову техники. Вина класса reserve выдерживаются в подвалах от шести до двенадцати месяцев.

Броская вывеска «ФРАНЦУЗСКИЙ БУЛЬВАР» ошибочно отпугивает многих небогатых граждан от аккуратного одноэтажного строения, где находятся винный бутик и заводской дегустационный зал. Неосведомленные прохожие порой по неведению думают, что в бутике заоблачные цены на продукцию, а расслабиться в дегустационном зале себе могут позволить лишь состоятельные олигархи, давно потерявшие счет личным капиталам. Сейчас я открою одну из самых главных тайн рокового бульвара: цены на вино в бутике гораздо ниже, чем в розничных торговых сетях, а дегустационный зал, несмотря на новую мебель и вежливый обслуживающий персонал, является самым доступным питейным заведением в городе.

— Малыш, что ты будешь пить? Мерло, шардоне, алиготе, каберне? — спросил меня Гусев у барной стойки в винном бутике.

— Розовое полусладкое, только розовое полусладкое вино. А знаешь почему? — поинтересовался я у Игоря.

— Наверное, потому, что у тебя нет здоровья, чтобы хлестать водку! — отшутился Гусев.

— Все совсем не так. Просто Французский бульвар ассоциируется у меня с цветом розового полусладкого вина. Наверное, это из-за старинных оград красно-коричневого кирпича, посветлевших от проливных дождей и пыльных ветров. Или из-за темно-розового неба на закате в мае, когда любишь заходящим солнцем, стоя в самом начале бульвара, возле Театра музыкальной комедии. Вкус Французского бульвара — это вкус розового вина свежего урожая, другого мнения и быть не может, это однозначно. А вообще, я не художник, в отличие от тебя, и, возможно, у меня слабовато развито цветовое мышление, — делился я впечатлениями со старшим товарищем.

— Французский бульвар — это неиссякаемый источник вдохновения для всех местных поэтов и живописцев. Бульвар подпитывает своей энергетикой каждого визитера, да только не все получившие творческий заряд потом трансформируют его в произведения искусства, — рассуждал Игорь.

Мы расплатились с барменом и переместились в дегустационный зал, ожидая заказа. Пускай вас не смущает факт предоплаты — у винного бутика свои каноны и традиции. За два бокала каберне мы заплатили в сумме всего один доллар. Дегустаторам обычно предлагают на закуску разнообразные сыры, оливки и хамон, но мы решили ограничиться лишь красным вином, не отвлекая вкусовые рецепторы

на съестное. Миловидная официантка в белом переднике принесла нам два элегантных бокала тончайшего стекла, наполненных розовым полусладким, и мы принялись смаковать винцо. Я получал неописуемое удовольствие, щелкая по бокалу ногтем указательного пальца, от чего выходил изумительный звон. Звук, появляющийся в результате соприкосновения бокала с каберне и металлического ключика, напоминает цоканье рождественских колокольчиков, оповещающих о большом празднике, сопровождающемся дарением гостинцев, массовыми песнопениями и народными гуляньями. Я пригубил розового полусладкого, увлажнив гортань весьма приятным на вкус напитком, и принялся постукивать ключиком по бокалу, представляя себя композитором-новатором, сочиняющим новые мелодии на необычном для музыкальных экспериментов предмете.

— Игорь, как ты думаешь, о какой профессии на самом деле подсознательно мечтает большинство русских мужчин, не отдавая самим себе в этом отчета? — задал я художнику вопрос с подвохом.

— Понятия не имею. Возможно, что грезят быть актерами порнографических фильмов, но для этого нужен стальной нестигаемый корешок, а у нас немощных импотентов хоть пруд пруди, так что вряд ли, — с присущим юмором ответил Гусев.

— Большинство русских мужчин — это явные и латентные алкоголики, мечтающие о профессии сомелье! Прикинь, работа — каждый день бухать и делиться впечатлениями о выпитой синьке! А слово-то какое красивое — сомелье! Французское, звучное, обязательно мягко произносимое! Дегустатор или специалист по качеству — как-то несолидно, никакого флера изысканности! А сомелье — это прямо как особа голубых кровей. Любой колхознице скажешь, что ты сомелье по специальности, так она в первую же ночь безропотно отдастся представителю столь таинственного ремесла! Хотя я, если честно, не сильно люблю пускать пыль в глаза всякой лапотной деревенщине, — веселил я Гусева.

— Ага, сомелье. Сом на глубине двадцать тысяч лье! А профессиональное заболевание вроде цирроза печени не хочешь заработать задолго до наступления пенсионного возраста? — вопрошал Игорь.

— Всяко лучше иметь цирроз печени, вкусив жизнь сполна, нежели страдать от астмы, как те же шахтеры, которые и света белого толком не видят! — парировал я.

— Так обратись тогда в отдел кадров винного завода. Глядишь, и свободна вакансия штатного пьяницы, да только ты, малыш, наверняка с ней не справишься! — рассмеялся Гусев.

— Мне и по долгу журналистской службы приходится столько винища выпивать на всяких званных вечерах, что порой уже в тошноту клонит от одного только запаха спиртного! С каждым знакомым ради приличия чокнусь и хлебну красненького, вот и не замечаю, как оказываюсь пьяным в стельку! — жаловался я.

— Пьяными в стельку могут быть только сапожники, а журналистская братия напивается в типографские шрифты, я ведь раньше наборщиком был, знаю все газетные технологические процессы не понаслышке! — сообщил Игорь.

— А я тогда, как глянцевого колумниста, напиваюсь в обработанные фотографическим ретушером снимки тощих цыпочек в вызывающих шмотках. Или в рекламные объявления на всю полосу, оповещающие о сезонных скидках в магазине нижнего белья для дам высшего общества, — с налетом грусти сказал я.

— Лучше снимать верхнюю одежду с женщин низших социальных слоев, нежели покупать дорогущее нижнее белье для дам из высшего общества! — Гусев отреагировал афористичным экспромтом.

— Женщин лучше любить от чистого сердца, но они порой не дают нам, мужчинам, возможности проявить свои лучшие качества. Я вот влюблен сейчас до беспя-

мятства, а она даже не соблаговолит уделить мне внимание! Ишь, цаца фильдеперсовая выискалась! Как раз возомнила себя дамой высшего света! Любовь проявляется не в подарках из магазинов ювелирных украшений и тряпках от кутюрье, а в простом человеческом участии. Помощи в нужную минуту. Принесенном стакане воды, как бы это банально ни звучало. Нежном массаже позвоночника перед сном. В чашечке кофе, предусмотрительно сваренной ко времени ее обыкновенного пробуждения. В поглаживании по плечикам и поцелуям в мочку ушей. А у нынешних девушек только материальные блага имеют ценность — купи, своди, профинансируй. Человеческие качества никого не интересуют...

— Малыш, тебе сегодня больше пить нельзя! Налакаешься еще в зюсю, начнешь буяннить и куролесить, я ведь тебя знаю. Выбрось из головы ты эту зажавшуюся девку! Тебе что, баб в Одессе мало? Свет на ней клином сошелся? Найди себе подругу и не парься!

— Но сердцу ведь не прикажешь! Она одна такая, ее ни с кем не спутаешь!

— Так бери быка за рога! Вылови ее и скажи прямо в лоб: «Ты баба или говно страное? Какого ляда ты Велю Недопекина, мирового парня, ни в грош не ставишь?» Будь резким и смелым, не робей! Женщины любят тех, кто не пасует ни перед какими трудностями! — дал мне установку Игорь.

— Она хрупкая и не поймет подобной наглой контратаки! Это заранее проигранный вариант, обреченный на провал! — убеждал я художника в бесполезности его советов в моей ситуации.

— Ладно, поступай как знаешь!

Мы допили каберне, поблагодарили официантку и, откланявшись бармену, вернулись на Французский бульвар. Я взглянул на кафе «Оливье», находящееся прямо напротив винного бутика и имеющее адрес Французский бульвар, двадцать один-а. Названное в честь самого популярного салата заведение с доминированием французской кухни в меню я все время намеревался посетить, но по разным причинам мои планы не воплощались в действия. И хотя я терпеть не могу обожаемый филлистерами салат с майонезом, без которого не обходится ни одно новогоднее застолье в домостроевских семьях, но в «Оливье», по отзывам знакомых, даже это банальное блюдо преподносят в авторской подаче, способной удивить самых взыскательных гурманов. Рекламный стенд на фасаде кафе гласит: «Французы любят лягушек. Лягушки из Вилково. Надо попробовать! Bon appetit!». Уверен, что, услышав о стоимости блюда из лягушек, большинство прохожих ответит, что их жаба душил харчеваться столь дорогими деликатесами. «Вот бы Лару пригласить в это кафе на ужин, но она ведь не согласится», — подумал я и, опьяненный каберне, исчез в знакомых как пять пальцев дебрях Французского бульвара.

15

Высотные новостройки по Французскому бульвару, тридцать пять и тридцать девять, а также жилые здания под номерами два, четыре, шесть и шесть-а по начинающейся от бульвара улице Довженко имеют общее народное название — «Дома Каркашадзе». Грузинскую фамилию бывшего руководителя комбината «Одеспромстрой» можно часто прочесть в газетных объявлениях о продаже элитной недвижимости и еще чаще услышать в красочных устных рассказах говорливых риелторов, на все лады нахваливающих потенциальным арендаторам предлагаемые к временному обитанию просторные апартаменты. Посредники между владельцами квартир и туристами, ищущими, где летом можно прикорнуть между пляжной релаксацией и безумием ночных клубов, любят трепаться, что «вас ожи-

дает несравненный и неповторимый вид с открытой лоджии на море», но на деле оказывается, что просматривается лишь крохотный кусочек водной глади. Домам на Довженко обзор акватории заслоняют другие строения, и только с некоторых балконов высотки по Французскому бульвару, дом тридцать девять можно отлично любоваться пирсами и волнорезами, за которыми снуют парусные яхты и прогулочные катера. Гиви Силованович Каркашадзе, окончивший Батумское мореходное училище по специальности «Гидросооружения» и попавший по распределению на строительство Одесского морского порта, за полвека активной трудовой деятельности приложил руку к возведению административного корпуса киностудии, целых спальных микрорайонов Черемушки, Таирово и Котовского, а также ряда сооружений промышленного назначения. Дома Каркашадзе, всегда строящиеся исключительно из керамического кирпича, радуют жильцов цветной долговечной штукатуркой фасадов, мраморными вестибюлями, лестницами с ковкой и лепниной, скоростными грузоподъемными лифтами и автономным теплоснабжением. «Голубая мечта» и «Дворянское гнездо» сегодня сдали свои позиции в рейтинге самого престижного жилья на Французском бульваре строениям работоспособного горца. Давно уже во властных умах витает идея переименования Кирпичного переулка в переулок Каркашадзе, но, по моему сугубо личному мнению, увековечить память кавказского усача следует другим способом. Кирпичный переулок уже больше столетия не менял своего первоначального названия, появившегося потому, что рядом находилась дача предпринимателя Рафаловича, владевшего кирпичным заводом. Поэтому я думаю, что в честь скончавшегося в 2006 году Гиви Силовановича надо переименовать переулок или улицу, чье нынешнее название не имеет особого значения для городской истории.

Грандиозной издевательской насмешкой над здравым смыслом я считаю тот факт, что целых семьдесят лет Французский бульвар назывался Пролетарским, в честь класса-гегемона. Советскому пролетарию система народного образования не прививала эстетические ценности, и мало кто из низов тянулся к прекрасному. Дремучие люмпены, вкалывавшие у заводских станков, из-за своей ограниченности и узкокобия никогда не проникались тончайшим духом бульвара, служившим до революции местом обитания бомонда. 11 сентября 1901 года Одесская городская дума по предложению В. С. Кандинского единогласно постановила, что в ознаменование последнего посещения Франции государем императором и государыней императрицей и в знак признательности французскому народу за оказанный Их Величествам радушный прием наименовать одну из улиц города Французской, предоставив выбор комиссии по наименованию улиц. 25 апреля 1902 года Городская дума, согласно предложению тогдашнего городского головы П. А. Зеленого, в дополнение к постановлению от 11 сентября 1901 года постановила: наименовать Малофонтанскую дорогу Французским бульваром. Моему верному другу и надежному товарищу бульвару, круглосуточно готовому принять меня со всеми радостями и разочарованиями, уже стукнуло сто десять лет, но это тот самый случай, когда старик даст фору любому молодому проспекту.

Конечно, на Французском бульваре есть теннисные корты, и, естественно, они с грунтовым покрытием, как в Париже на «Roland Garros». Площадки для игры снобов и буржуа примыкают к главной аллее санатория имени Чкалова, фигурирующей на некоторых картах как переулок Верещагина. Лысоватые дядьки в бежевых шортах и белых поло перебрасывают ракетками салатный мячик через сетку, нарушая покой санаторных отдыхающих режущими слух воплями. Порой резиновый мячик, обтянутый войлоком, перелетает через ограждение кортов и приземляется на главной аллее. Благовоспитанные одесситы всегда вернут на площадку спортив-

ный снаряд, порой даже без предварительной просьбы, а вот диковатые приезжие иногда спешно суют мячики в пляжные торбы и резко смываются из поля зрения теннисистов. Большому теннису я всегда предпочитал настольный, и дело даже не в доступности, а в природной слабости рук. Все попытки подражания Андре Агасси и Марату Сафину заканчивались вывихами кисти, тогда как в настольной разновидности тенниса я почти всегда побеждал соперников из числа университетских приятелей. Лаун-теннис — бесконтактный вид спорта, где нет жестких столкновений с противниками, поэтому он так и популярен у разнеженных богачей, привыкших к размеренному, сибаритскому отдыху.

Пройдя по главной санаторной аллее до конца, справа вы сможете увидеть дом семьи Ашкенази, который вернее называть дворцом из-за его помпезного и величественного экстерьера. Купеческая династия не пожалела средств на фамильный особняк, заказав в 1901 году роскошный проект архитектору Викентию Ивановичу Прохаске. Наибольшее внимания заслуживают два барельефа на морском фасаде, изображающие младенцев, обвязанных змеевидной лентой. Это точные копии барельефов из глазурованной терракоты, украшающих флорентийский воспитательный дом для незаконнорожденных и сирот, открытый в далеком 1445 году. У Французского бульвара есть связь и с Италией.

Мой путь сегодня лежит не к дворцу Ашкенази, ныне являющемуся офисом компании — крупного нефтетрейдера, и не к грунтовым кортам, где загорелые богатеи вяло потряхивают брюшным салыцем. Ночной клуб «Park Residence» — одно из самых фешенебельных мест проведения досуга в Одессе. Мне предстоит написать статью об очередной летней вечеринке, где солидные дяди, ослабив узлы галстуков на бычьих шеях, будут по пьяной лавочке клеить акул в коротких юбках, желающих оттяпать себе львиную долю мужского состояния и пустить по миру незадачливого сластолюбца.

— Волк всегда на охоте? — спрашиваю я Петю Листермана, вместе с помощниками высматривающего цыпочек прямо за клубным порогом.

— Очкарик при деле двадцать четыре часа в сутки! — подмигивая, отвечает мне самый известный в мире сводник.

— А для бедного писаки у тебя найдется губастая подружка, вытворяющая в постели чудеса акробатики? — шутливо поинтересовался я у спекулянта женскими прелестями.

— Моим голубушкам нужны только те писаки, кто расписывается в чеках под суммами в баксах с шестью нулями! — хохоча, сказал мне Петя.

— Да за такие бабки можно всех ивановских девок попользовать! — смеясь, произнес я.

Листерман с двумя ассистентами приехал на весь курортный сезон, потому что в бикини на пляжах валяется столько сексапильного бабья, сколько не сыщешь ни в Биаррице, ни в Монте-Карло. Пляжная вербовка кандидаток в элитные невесты весьма эффективна: отлично видны все изъяны женских фигур, девушки легко идут на контакт, надеясь оказаться в картотеке знаменитого любовного агента и потом приглянуться олигарху, готовому без колебаний оплачивать все изощренные прихоти удостоившейся внимания особы. Петя очень коммуникабелен и без предварительной раскачки подходит к любой посетительнице клуба, представляющей хоть мало-мальский интерес как потенциальная спутница денежных мешков. Он виртуозно выведывает у курочек всю нужную для себя информацию, попутно удостоверяясь в том, что девица способна внятно излагать свои мысли и не является интеллектуальным инвалидом. В случае успешного опроса Листерман берет контактные данные у понравившейся кобылки, а дальнейшее развитие событий зависит от того,

ткнет ли пальцем на фото одесской красы какой-нибудь толстосум, готовый ввязаться в амурную авантюру с совершенно незнакомой мадемуазелью.

Наивному обывателю, случайно оказавшемуся на вечеринке, может показаться, что в клубе царит легкая и веселая атмосфера субботнего праздного разгуля, но это совсем не так. Возле бассейна с подсвечивающимся дном и барной стойкой, на которой временами раздеваются догола самые распутные девицы, происходит самая настоящая охота на капитал. Жажущая материального благополучия женская голытьба идет на всевозможные ухищрения, дабы за чужой счет урвать от жизни по максимуму. Участницы сафари за зелеными купюрами экипируются не в магазине «Все для охоты», а в модных бутиках и салонах красоты, где профессионалы стрижки и макияжа могут создать визуальное подобие принцессы из самой забытой замухрышки. Двухрублевая подруга, купив себе сносное платье и приемлемую обувь, обязательно пожалеет потратиться на парадную прическу из-за врожденной крестьянской прижимистости и вопиющего скудоумия, а вот бывалая тварь не экономит на парикмахерских услугах, призванных усыпить миллионерскую бдительность. Если неотразимый внешний облик можно слепить в короткие сроки, то наполнить хоть минимальным внутренним содержанием насквозь гнилое и алчное нутро практически невозможно. Культ личной выгоды доминирует в одесских головах над честью, нравственностью и совестью. Стяжательство из мещанского порока переросло в тяжелейшую и неизлечимую психическую болезнь, разъедающую подкорку мозга сотням тысяч жителей некогда интеллигентного города. Хищническая материалистическая сущность легко взяла верх над культурным началом.

Стрельба глазками — первый этап сражения за финансовое спокойствие. Накрашенные тушью веки и ресницы движутся плавно, как опахало над посапывающей во сне властительницей острова Шри-Ланка, на котором мечтают побывать почти все напомаженные рейдеры после того, как нагло возьмут свой увесистый кусок долларового пирога со стола воротил бизнеса. Девичьи зрачки расширяются прямо пропорционально толщине кошелька намеченной жертвы. Самки в надежде поразить заветную цель пускают глазками целые автоматные очереди, и мне инстинктивно хочется пригнуться из опасений получить ранение отравленным взглядом неискренности. Хотя легкий морской ветерок гуляет между задрапированными льняной тканью шатрами и кожаными банкетками, но я задыхаюсь от смрада лживости, источаемого неумелыми комедиантками, сражающимися за наркотик сверхпотребления.

Проститутки высокого уровня, в глянцевого изданиях корректно именуемые «светскими дамами», своих мишеней ласково называют «жирными дядями», хотя при этом объект приложения шельмовских чар может быть тощ как щепка. Жирность дяди определяется не телесной конституцией, а стоимостью его имущества, платежеспособностью и мощностью четырехколесного друга. Вербальный контакт у барной стойки — важнейший этап главнейшей в женском бытии операции по выгодной сдаче в эксплуатацию кровоточащего отверстия. Дикарские гримасы, клоунские кривляния, обезьяньи ужимки, нелепые приглаживания прядей, причмокивания губками, придыхания с прокуренной хрипотцой, эротические интонации — вот арсенал приемов противоречивых гадюк, декларативно заявляющих о своих феминистских взглядах, но на деле мечтающих стать содержанками с месячным денежным довольствием, значительно превышающим годовой заработок менеджера среднего звена. Женский оргазм от соития внутри «Bentley-Continetal» качественно отличается от полового удовлетворения, получаемого от сношений на заднем сиденье «Daewoo-Lanos». Проблема только в том, что на одного владельца «Bentley» по статистике приходится двадцать тысяч хозяев малолитражных телег

ножной сборки и «жирных дядей» на всех проשמандовок, естественно, не хватает. Конкуренция среди охотниц за капиталами чрезвычайно высока. Разумеется, присутствуют сплетни, козни, интриги и подставы, всегда появляющиеся, когда речь идет о большом куше. Только самые ушлые, аморальные и беспринципные подстилки закрепляются в капиталистических постелях в статусе законных супругов, получающих доступ к использованию сбережений благоверного.

Спектакль, разыгрываемый одновременно всеми посетителями «Park Residence» для меня так же скучен и примитивен, как старое индийское кино массового формата, ориентированное на людей, толком не обученных грамоте. Я мог бы навалить статью, даже не появившись на вечеринке, и никто бы из редакторов не учуял подвоха, но я упиваюсь нахождением ночью на летнем Французском бульваре. Смешно, но мой единственный знакомый среди сонма фарисеев и вруний — это как раз Петя Листерман. Совершенно адекватный в общении мужик, несмотря на вселенскую известность. Мне абсолютно не о чем разговаривать с людьми, представляющими социальные группы «жирные дяди» и «худые...». Я сторонюсь эпицентра танцевально-целовальных телодвижений, находящегося прямо перед пультом диск-жокея, и не разделяю всеобщего восторга от того факта, что какой-то перебравший водки пузатый хмырь специально плюхнулся в бассейн, не снимая одежды. С раннего детства мне не дает покоя дилемма, что я не могу плясать на публике, но при этом никогда не стесняюсь выражаться отборным русским матом в присутствии старших, не видя ничего зазорного в факте художественного сквернословия. Скорей всего, фокус в том, что великий и могучий русский язык во всех оттенках и тональностях я воспринимаю как невидимую рапиру, которой можно нанести разительный укол неприятелю в лингвальной дуэли, а вот корячиться под музыкальное сопровождение — это постыдное занятие, достойное только людишек с низменными идеалами и узким кругозором. Пузатый хмырь вылез из бассейна, снял с себя намокшее тряпье вместе с набухшими топсайдерами и под аплодисменты брезгливых мегер на шпильках принялся гарцевать по танцевальной площадке в одних семейных трусах, попутно щупая самые пухлые девичьи ягодицы. Хлопать в ладоши, глядя на дремучую пошлость, — это расписаться в собственной невоспитанности, безнравственности и бестолковости. Ночная жизнь — это полнейшая профанация праздного отдыха, единственные бенефициары которой — это владельцы клубов и бармены, набивающие свои карманы на торговле алкоголем втридорога. К рассвету стоимость десятидолларового коктейля для пьяного в хлам клиента, уже неспособного адекватно соображать и считать, может составлять столик с портретом мертвого американского президента, а то и больше, в зависимости от ценовой политики зарвавшегося наливающего и смешивающего спиртное.

Я был несказанно удивлен, завидев у барной стойки Таню Нефедову, кокетливо улыбающуюся упитанному мужичку с поросычьей ряшкой. Я долго не решался подойти к знакомой, пытающейся наладить личную жизнь, стараясь произвести впечатление на мужчину, годящегося ей в отцы, но когда толстячок удалился, то я приблизился к Тане на расстояние вытянутой руки.

— Захотела поймать за хвост гламурную жар-птицу? Двадцать пять годочков стукнуло, и положение незамужней дамы сильно тяготит тебя? — задал я прямо в лоб Нефедовой парочку неприятных вопросов, памятуя о ее пренебрежительном отношении касемо моих планов добиться взаимности Лары.

— А что в этом такого? Я — нормальная женщина. Хочу иметь семью и детей. Что предосудительного в том, что я хочу свить гнездышко с сильным самцом, способным обеспечить надежный кров и здоровую пищу своему потомству? Думаешь,

мне хочется всю жизнь пахать как проклятая, без сна и передышки, на этих долбанных киносъемках? Я что, по-твоему, похожа на сумасшедшую?

— Татьяна Батьковна, ты своей администраторской головешкой хоть когда-нибудь задумывалась о том, что ты можешь дать упомянутому мифическому рабу женских амбиций, круглосуточно старающемуся во благо удовлетворения безграничных потребностей? Трезво ли оцениваешь свои кулинарные способности, или тебе по наивности кажется, что мужик может насытиться подгорелой яичницей и несолеными макаронными изделиями, переваренными до состояния слипшегося комка? Не пугает ли тебя перспектива еженедельной влажной уборки с отодвиганием всей мебели и протиранием пыли в труднодоступных местах? Как у тебя обстоят дела с навыками глажки постельного белья? Сегодня стиральной машиной автоматического типа любая безрукая колхозница умеет пользоваться, стыдно даже спрашивать. Отвечай давай! Чего молчишь? — вспыхнул я.

— Да хозяйственная я, ты ничего такого себе не думай! Надо будет — накормлю напою мужика и в койке обогрею! Главное, чтобы был настоящий мужчина, а не конь с яйцами, болтающимися по полу, как уши у спаниеля! — нервозно ответила Таня.

— Поголовная беда молодок вроде тебя, что вы с настоящим мужчиной готовы разделить только минуты успеха и триумфа, а вот поддержать в трудных ситуациях оступившегося или совершившего ошибку никто не хочет! А с любимым надо вместе быть и в радости и в горе! — поучительно сказал я на правах старшего.

— Да кому вы нужны, резонеры-неудачники?! Вы только болтать языком горазды — толку вас поддерживать? Я в ваших словесных дворцах своих детей не смогу поселить! — дерзко огрызнулась Нефедова.

— Что-нибудь будете пить? — обращением ко мне вклинился в наш диалог бармен с противной физиономией, напоминающей заскорузлый картофельный клубень.

— Буду пить вино любви и шампанское страсти, да только эти редчайшие напитки, увы, не представлены в ассортименте вашего заведения! — поэтично парировал я, поставив в тупик незадачливого бармена.

— Недопекин, ты, как всегда, в своем репертуаре, — с нескрываемым презрением произнесла Таня.

— Ты тоже верна себе и своим глупым принципам, — констатировал я.

— Как там, кстати, обстоят дела с твоими натужными попытками поймать Леону? — злорадно спросила Нефедова.

— Как говорится, «стучите, и вам откроют!» Пишу, звоню, но пока безрезультатно. Лара сейчас в Москве, Валерию Гай-Германику недавно сняла для журнала «Interview».

— Дурак ты, Веля! Бьешься лбом о стенку и никаких выводов для себя не делаешь! Да плевать она на тебя хотела!

Я собирался было разразиться в ответ матерной тирадой, но понял, что продолжать наш диалог бессмысленно, как и вообще дальнейшее общение с Нефедовой. Я просто покинул Таню и направился к выходу из клуба, попутно успев перекинуться парой слов с Листерманом.

— Петя, да загрузи ты скопом всех этих клуш в трюм грузового судна и отправь в какой-нибудь турецкий гарем для занятия консумацией! Что ты с каждой пустоголовой дубиной возишься и церемонишься? Очкарик не должен себя перетруждать! — весело сказал я.

— Любишь ты всем давать советы, репортер! — с улыбкой ответил Листерман.

Знакомство с Таней Нефедовой подошло к логическому завершению. Выкиды-

вайте немедленно из своей жизни тех, кто в вас не верит или сомневается! Шлите лесом всех, кто скептически к вам относится! Не пытайтесь переубедить в чем-либо случайных людей в вашей жизни! Пусть они поскорее исчезнут бесследно из памяти, не причинив вам вреда!

16

Абрам Соломонович Райберг устроил целую кампанию по моей дискредитации как колумниста. Человек-оркестр в телефонном режиме жаловался всем моим работодателям, что я способен только на поклепы и диффамацию. Просьбы арт-уникама об отстранении меня от освещения культурных событий редакторы оставили без внимания, посмеявшись над воинственной одержимостью сбрендившего бисексуала. Творческий гений больше всего добивался лишения меня удостоверения журналиста. Ему наивно казалось, что как только заберут корочку, то меня автоматически перестанут публиковать. Трансгипермодернист строчил наполненные праведным гневом послания в Городской, Областной и Национальный союзы журналистов, требуя раз и навсегда вычеркнуть меня из рядов пишущей братии с волчьим билетом. Каково же было разочарование Райберга, когда он в итоге узнал, что я не являюсь членом никаких журналистских союзов, посему эти организации не вправе мне что-либо советовать и все их пожелания могут носить разве что дружеский рекомендательный характер. Абрам Соломонович всю свою истерику выплеснул в следующий пост на фэйсбуке: *«Одесский гонзорепортер? Русский писатель? Нет! Велемир Недопекин — ратапуаль. Так, с легкой руки Домье, называли в середине позапрошлого века журналистов, описывающих скандалы, виновниками которых сами они являлись. Творческий цикл однодневки несложный: напиши оскорбительную статью, полуги вызов, напиши об этом оскорбительную статью. Правда, есть риск полугить пулю в лоб, но он снижается, если на дуэли не ходить. Судебные иски, драки в театрах — все это только повышает продажу газет. Ратапуаль — это плесень общественного мнения. Он живится беспомощной завистью, переносит сплетни, размножается спорами, но, к счастью, существует, только если его замечать. Недопекин охотно делится с миром своим мнением о политике, климате, искусстве, моде, фондовом рынке, спорте и герт знает о герт еще. Отсутствие в суждениях хоть малой компетентности и оригинальности Недопекин щедро компенсирует хамством. Находятся те, кто считает это хамство нонконформизмом. Если желаете... А с меня хватит, я устал от Недопекина!»* Мэтр современного искусства призвал всех прогрессивных одесситов бойкотировать средства массовой информации, с которыми я сотрудничал. Зачин Райберга никто не поддержал, и тогда он решил привлечь внимание к моей некорректной персоне живописным способом. Художник нарисовал полотно, на котором похожего лицом на меня молодого человека подводят к плахе для приведения смертного приговора, одноглазый горбоносый палач скалит пожелтевшие зубы, а ликующая толпа бросает вверх ермолки. Смешно сказать, но и этот шаг марателя холстов не возымел должного действия. Через день после публикации фотографии картины в живом журнале к Абраму Соломоновичу обратились из одной ортодоксальной организации, пожелавшей приобрести полотно. Покупатели выдвинули требование, чтобы все снимки картины были немедленно удалены из Интернета, и автор согласился с условием, получив за свое произведение сумму, эквивалентную цене новой компактной девичьей автомашины с автоматической коробкой переключения передач.

Каждую осень моим самым посещаемым местом на Французском становится ботанический сад при Одесском университете, занимающий аж две делянки в раз-

ных местах моего любимого бульвара. Участок по нечетной стороне между санаторием Чкалова и гидрометеорологической службой больше интересен асам растениеводства, нежели шатунам-гулякам вроде меня. Пятьдесят шесть куртин, преимущественно засаженных высокими стволами, ценны прежде всего своей незыблемой тишиной, аутентичной для лесной чащи и редкой для города с миллионом жителей. Парковый грот всегда притягивает молодые пары, желающие уединиться и поговорить шепотом о самом важном чувстве без лишних глаз. Оранжерея, в которой Никита Михалков снимал фильм «Раба любви» по сценарию Фридриха Горенштейна, потеряла запечатленный в кино тропический антураж и ныне находится в упадке, смотрясь тускло и невразумительно. Перекрытия проржавели, местами выбиты стекла, вследствие чего протекает крыша и внутри оранжереи сырость. Затерявшийся в зеленых кустарниках садоводческий домик манит к себе утомленных экскурсантов сотнями горшочков с цветами, выставленных на открытой веранде, и прохладой, царящей в комнатухах. Территория ботанического сада по четной стороне бульвара, между бывшей дачей Маврокордато и ведомственным санаторием пограничной службы, привлекает прохожих-зевак планировкой и благоустройством, проведенным еще прежними хозяевами дач. Особняк Ариадны Мартыновой, к которому от входных ворот ведет главная аллея, и сейчас находится в отменном состоянии благодаря нынешним владельцам. Обогнув особняк, вы попадете в розарий, визуальные и обонятельные впечатления от которого трудно передать словами. Усадьба Бруна, спрятавшаяся в углу парка и требующая капитального ремонта, ныне занята проблемной научно-исследовательской лабораторией грунтов и охраны грунтового покрытия черноземной зоны. Пустующая чаша мраморного фонтана на приусадебной лужайке отлично смотрится и без воды, а вот стальные каркасы беседок выглядят нелепо. Давно ходит легенда, что под усадьбой Бруна начинается туннель, по которому можно выйти почти к морю, на трассу здоровья, но я никогда на практике не занимался исследованием подземелий и не рискую спускаться в катакомбы. Прогулка между липами и кипарисовиками обойдется вам в десять гривен. Фиксация занесенных в Красную книгу трав на фотоаппарат или видеокамеру также стоит десятку, уплачиваемую сразу при входе на обе деланки ботанического сада.

Я человек нерелигиозный и неверующий, но мне приходится констатировать, что без церквушки экс-Малофонтанская дорога была бы неполноценна. Храм Святых мучеников Андриана и Натальи, освященный в 1899 году и расположенный по адресу Французский бульвар, дом сорок шесть, сегодня является местом венчания состоятельных молодоженов и крещения желанных деток, которым предстоит унаследовать немалые капиталы. Во времена Брежнева амвон и клирос убрали, сделав из места отправления культа музей атеизма, а потом и столовую для близлежащего детского сада, но с уходом коммунистической власти все вернулось на круги своя. Проходя мимо храма, я всегда останавливаюсь и внимательно гляжу на фасад, украшенный выложенными блестящей мозаикой ликами святых. Золотящиеся образы старцев дают мне духовную и энергетическую подпитку, а вот зайти внутрь церквушки, помолиться и поставить стеариновую свечку я не решаюсь.

Шампанский переулочек получил свое пенно-пузырящееся название в честь находящегося неподалеку завода шампанских вин, который на сорок лет младше коллеги и соседа по бульвару — винного завода Энно. Предприятие открыл в 1899 году француз Генрих Редерер, пригласивший для организации производства лучших специалистов из числа своих соотечественников, трудившихся в провинции Шампань. Виноматериал, стеклотара, пробки и проволока для изготовления уздечки завозились по морю из Франции. В сухих подвалах-погребах выдерживалось до

двух миллионов бутылок шампанского. С 1952 года начали выпускать «Советское» шампанское в темно-зеленых бутылках, оклеенных запоминающимися черными этикетками с белой каймой, на которых изображены виноградные гроздья. Заводская арка с надписью полукругом «ЮЖНО-РУССКОЕ ОБЩЕСТВО ВИНОДЕЛЕНИЯ» всегда была гвоздем экскурсий по Французскому бульвару. Вообще, сразу после переименования Малофонтанской дороги в самом начале бульвара планировалось соорудить триумфальную арку по изумительному проекту архитектора Семена Ландесмана, но по неизвестным ныне причинам задумка не была воплощена в жизнь.

Корпуса института глазных болезней имени академика Филатова построили перед самой войной, в 1939 году, и с тех пор сюда со всей Украины и ближнего зарубежья приезжают люди, имеющие проблемы со зрением, в надежде вылечить сетчатку или сосудистую оболочку. Будь моя воля, то я бы в принудительном порядке отправлял на обследование в сию офтальмологическую клинику всех аборигенов, неспособных подмечать дивную живописность старых одесских домишек со сквозными проходами и перетянутых бельевыми веревками дворики. Не буду вас утомлять рассуждениями о вкладе Владимира Петровича Филатова в мировую медицину, а просто сообщу, что дом-музей великого ученого находится на Французском бульваре, пятьдесят три. Коль интересно, то придете и посмотрите все экспонаты, связанные с жизнедеятельностью разработчика метода пересадки роговицы.

Напротив футбольного поля стадиона Национального университета в Шампанском переулке находится клуб «Республика» (в прошлом — «Метроном»), куда я двигаюсь на популярное хипстерское мероприятие по распродаже ненужных вещей «Гешефт гараж sale». На стадионной каморке висит памятная табличка, гласящая, что здесь в 1878 году впервые в истории Российской империи гоняли ногами мяч, завезенный в Одессу английскими моряками. Также на каморке есть вывеска «Музей футбола», да только никто в нем не бывал, за исключением мужчин из рода Попичко, преемственно возглавляющих университетскую кафедру физического воспитания. На открытой летней площадке клуба «Республика» продвинутая молодежь разложила все то, что бездумно скапливала в шкафах и чуланах. А у меня в руке маленькая тоненькая книжца «Вещи» Жоржа Перека из цикла «Французские повести», и мне представляются жалкими эти торгово-реализаторские маневры по избавлению от пришедшего в негодность хлама. Самодельные мягкие игрушки с пуговками вместо зенок, привезенные эскапистами с Гоа пестрые шейные платки, самопальные тряпичные чехлы с вышитыми сердечками для айфонов, изъеденные молью соломенные шляпки, кожаные браслеты с заклепками, диадемы с раскрашенными в розовый цвет голубиными перьями, ожерелья из изумрудного бисера, виниловые пластинки Луи Армстронга и трио Тедди Уилсона, странноватые магнитики для холодильников с героями саги «Звездные войны», брелки с порнографическими этюдами, тканые авоськи с трафаретным портретом Эдгара По, томик «Невидимки» Чака Паланика, объектив для фотоаппарата «Зенит», китайский зубной порошок в коробках, брикеты тахинной халвы, обтянутые велюром футляры для очков, сделанные тюремными умельцами шахматные фигуры, ремешки для наручных часов, узорчатые прищепки, синтепоновые одеяла с машинной стежкой, барабанные палочки с выжженными иероглифами, открытки с хельсинкского гей-парада — вот лишь краткий список того, что молодняк отдавал по бросовым ценам. Доминирующее изобилие поношенных платьев и стоптанных босоножек вызвано преобладанием девушек среди расстающихся с одежкой и обувкой. Студенты вместо усиленной зубрежки изучаемых предметов порой работали грузчиками в ночную смену, дабы скопить денег на скарб, оказавшийся непотребством, как только они начали всерьез

взрослеть. Хипстерам невдомек, что все их поползновения касаются накопления вещей метко высмеял сумасбродный парижский чудаки Жорж Перек. Но убогая дискотечная поросль даже и не слышала о кудрявом литературном новаторе, чье культовое произведение в 1967 году было издано в СССР огромным, двухсоттысячным тиражом. И парятся теперь новые плюшкины над тем, как выгодно спихнуть морально и физически устаревшие безделушки, а потом на вырученные средства забить ящики комодов более свежей ерундой.

Лара Леонова появилась на гешефте в сопровождении лучшей подруги Кати. Снежная королева, не по погоде укутавшаяся в теплую шаль, привычно смотрела на окружающих со скепсисом и пренебрежением. Ее усталое, заспанное лицо с мешками под глазами откровенно отталкивало, но меня не смутило плохое настроение возлюбленной.

— Давно не виделись! Барахла в квартире недостаток? Задумала подкупить то, что в мусорных баках можно взять даром? — спросил я с нескрываемой издевкой.

— Опять ты, — с негодованием ответила Лара.

— Не опять, а снова!

— Черт бы тебя побрал! — сквозь зубы процедила Леонова.

— Хватит, не надо вам ссориться в очередной раз! Научитесь для начала взаимоважению! — Катя встряла в разговор в роли миротворца.

— Лара уважает только представителей креативного класса, а всех остальных считает скотами и быдлом! Разве не так? Скажи хоть что-нибудь в свое оправдание, чудо гороховое! — наезжал я на заносчивую проектировщицу интерьеров.

— Я не желаю продолжать этот бессмысленный разговор! — жестко парировала Леонова.

— Конечно, не желаешь, еще бы, рыльце-то в пушку! — продолжал я гнуть свою линию.

— Ребята, да перестаньте вы, в конце концов! Вокруг полно друзей и знакомых, а вы ведете себя как дети из ясельной группы, которые леденец поделить на двоих не могут! — возмущалась Катя.

— Его хлебом не корми, а дай только самоутвердиться за чужой счет и потешить свое самолюбие! Пойдем отсюда! — обратилась Лара к подруге.

— Нет, ты постой. Такие фокусы у тебя проходят со всякими дизайнерами и стилистами, но я никому не позволю вести со мной столь бесцеремонно! Тебя вообще родители учили с людьми общаться? Чего ты убегаешь, когда с тобой говорят? — одернул я Леонову за руку и озвучил свои претензии.

— Чего ты добиваешься своим поведением? По-моему, я ясно и внятно тебе сказала, что ты мне абсолютно не интересен и между нами ничего быть не может! А тебя хоть кто-нибудь учил тому, как следует ухаживать за девушкой? — разъярилась Лара.

— Я добиваюсь того, чтобы ты начала судить людей не по социальной принадлежности, а по личностным качествам! А у тебя человек — это тот, кто летает в салоне бизнес-класса, греет булки на курортах в четырех- и пятизвездочных отелях, жрет салаты из всякой экзотической тайской лебеды, переплачивает за известную фамилию портного на тряпичной бирке и, вообще, живет по колхозному принципу: «Чтобы было дорого и богато!» Ты хоть читаешь книги, заставляющие думать, или только листаешь рекламные каталоги, по недоразумению именуемые «женскими журналами»? Совсем отупела? Мыслишь только в координатах потребления? — доставал я Леонову неудобными вопросами.

Лара с виноватым видом опустила голову и отвела взгляд в сторону. Ответить на мой выпад ей было совсем нечего. Катя, скорей всего, хотела выступить в роли

боксерского рефери, расталкивающего бойцов по противоположным углам площадки, но побоялась лезть на рожон. Я всматривался в бледное лицо Леоновой, помеченное печатью несчастья и неудовлетворенности. Мне было искренне жаль заложницу обстоятельств Лару, но я побоялся произнести вслух все то, что думал по ее поводу. Профессиональный успех заставляет многих людей поддерживать совершенно чуждый им образ жизни и принимать поведенческие модели и нормы, практикуемые среди коллег. Не посетишь за год пару европейских столиц, зафиксировав факт поездки фотографиями, выложенными на фэйсбуке, — за спиной будут обзывать валенком и ретроградом. Не зарисуешься на показе модного кутюрье — скажут, что, наверное, находишься в плохой форме и поэтому не рискуешь появляться на публике. Прекратишь сверять содержимое своего гардероба с глянцевыми разворотами — сочтут голью перекаточной, не имеющей средств на обновки. Перестанешь писать в статусах о повседневных пустяках — появятся слухи о депрессии, нелюдимстве и внутренней эмиграции. И хотя Леонова была фрилансером и не мчалась как ошпаренная в офис к девяти утра пять раз в неделю, но я ее воспринимал как закабаленную рабыню, находящуюся в плену общественных стереотипов и не имеющую малейших шансов стать свободной от предрассудков личностью. Если попытаться сравнить современную молодую девушку репродуктивного возраста с кем-либо из литературных героинь, то мне в первую очередь приходит на ум старуха из «Сказки о рыбаке и рыбке» — ненасытная тяга к потреблению, неуемная гордыня и королевские амбиции, несмотря на происхождение из низов. Теперь, правда, тщеславных глупышек в финале ждет не разбитое корыто, а стиральная машина «Indesit».

— Зачем ты грубишь Ларе? Разве это любовь?! — Катя прервала возникшую немую сцену.

— Это любовь, но дурацкая любовь. Опять у нас не клеится общение. Мы как будто играем в испорченный телефон. Извините меня, если обидел. Я не со зла, — сказал я и покинул подружек.

Леонова промолчала, и я поспешил прочь из «Республики», благо было дело поважнее. Из всего хипстерского ассортимента товаров меня заинтересовали только вертуты с яблоками, но на них сидели мухи, и я решил воздержаться от покупки. Стряпухи напрягли свои кулинарные таланты, испекли вкусности, а вот отгонять жужжащих насекомых поленились и в итоге не окупили свои расходы. В общем, типичная ситуация для современности — те, кто умеет что-либо делать руками, плохо знакомы с азами маркетинга. В свою очередь говоруны-продажники не могут самостоятельно что-либо произвести.

Возле киностудии ближе, к стадиону «Динамо», открывали долгожданный памятник Владимиру Семеновичу Высоцкому, отлитый из бронзы на пожертвования одиозного предпринимателя с сомнительной репутацией и темным прошлым, баллотировавшегося в Верховную Раду Украины. Милиционеры закрыли проезд автомобилям по Французскому бульвару от улицы Довженко и до Семинарской, временно сделав гранитную брусчатку пешеходной зоной. Внимание к фигуре народного поэта резко возросло после фильма «Высоцкий. Спасибо, что живой», и на открытие памятника, по сути, являвшееся предвыборной политической акцией кандидата в парламент, пришло больше тысячи человек, что немало для Одессы, где подобного рода события обычно посещает лишь жалкая горстка никчемных бездельников, позиционирующих себя «общественниками».

Автор проекта скульптор Князик взял идею из песни «Порвали парус» и вылепил героя семидесятых с распростертыми объятиями, распятым на корабельной мачте с продырявленными парусами. Скульптура не понравилась огромному коли-

честву горожан, но ее творец не осмелился процитировать вдохновившее на создание памятника стихотворение и публично сказать: «Каюсь, каюсь, каюсь». Под шквал оваций с памятника сорвали красную накидку. С трибуны доносились хвалебные речи разномастных лизоблюдов, пытавшихся всеми доступными способами донести до собравшихся мысль, что на предстоящих выборах им непременно следует отдать свой голос за делягу, раскошелившегося на монумент человеку, олицетворявшему совесть целой страны. Никита Высоцкий с фамильной интонацией рычал в микрофон отцовские строчки:

В который раз лечу Москва–Одесса...
Опять не выпускают самолет.
А вот прошла вся в синем
Стюардесса, как принцесса,
Надежная, как весь гражданский флот...

Мне захотелось по-маленькому в туалет (отлить в бульварных подворотнях — моветон, тем более когда округа переполнена правоохранителями), и я зашел внутрь административного корпуса киностудии. Вестибюль был пуст, и только у лотка для туристов с тельняшечно-якорной атрибутикой одиноко выбирала сувениры маленькая женщина преклонного возраста. Я ранее никогда не видел живьем Киру Муратову, но не мог ее не узнать. Я моментально обшарил карманы, но, как назло, с собой не было ни ручки, ни фотоаппарата. Я хотел взять автограф и сделать снимок на память, но мне не повезло. От режиссера с мировым именем веяло величием, спокойствием и невозмутимостью. Ей было не до шумной суеты, творившейся возле новой скульптуры. В памяти Муратовой Высоцкий наверняка остался бородатым геологическим мачо, снимавшимся у нее в «Коротких встречах», и этот образ поэта однозначно разнится с натужным страдальцем, вылепленным бесталанным Князиком.

Я пожалел о том, что не смог распорядиться своей короткой встречей с Муратовой, дабы получить ее роспись на бумаге, а также побоялся подойти и сказать «Спасибо!» за незабываемые фильмы. Когда я возвратился в вестибюль из уборной, то Киры Георгиевны уже и след простыл. А может, и не было тогда у лотка Муратовой, а просто возник мираж от переутомления или, того хуже, обман зрения. Надо и мне, наверное, обследоваться в Институте имени Филатова, пока еще совсем не ослеп.

17

Лара Леонова после ссоры на летней площадке клуба «Республика» полностью отгородилась от меня. Не брала трубку, если я звонил со своего номера, и сразу же сбрасывала, если я набирал ее с чужого телефона. Не отвечала на письма по электронной почте и заблокировала меня во всех социальных сетях. Я завел вторую страничку «вконтакте» и однажды наткнулся на ее статус: «Недопекина ничем не проймешь!» Эту фразу я воспринял как акт безоговорочной капитуляции и признание Ларой собственной слабости. Мой стальной характер оказался крепче ее тонкой душевной организации. Продолжать дальше бороться за расположение Леоновой не было смысла. Зачем мне нужна претенциозная тряпка, которая ошибочно полагает, что весь мир должен припасть к ее ногам?! Осталось только расставить все на свои места, поговорив с глазу на глаз. Я не привык, чтобы в человеческих отношениях оставалась недосказанность, независимо от того, была ли это дружба или любовь. Что бы ни было между людьми, но в конце обязательно надо

ставить одну жирную точку, но никак не многоточие или вопросительный знак. Рвать контакты без объяснения причин можно только с мимолетными случайными знакомыми вроде Тани Нефедовой.

Я разведал номер квартиры Леоновой и вознамерился прийти в гости без приглашения, поставив мат своим неожиданным ходом. Я выбрал будничным декабрьский вечер и объявился во дворе на Кленовой, где в июне дарил Ларе розы. Свет в ее окнах не горел, и я сел на лавочку, принявшись дожидаться Снежную королеву. Подобно набоковскому Ганину из «Машеньки», размышлявшему в сквере на скамье о своей угасшей любви, я прокручивал в памяти все встречи с Леоновой и тоже понимал, что эти моменты, скорей всего, были самыми яркими в моей жизни. Но все безвозвратно утеряно из-за бесчеловечного нрава Лары. Затух костер моих чувств, и осталось только выжженное пепелище, на котором еще долго ничего не будет произрастать. Я просидел почти час, но Леоновой все не было. В промозглом и ветреном одесском декабре особо не рассидишься на открытом воздухе в километровой близости от моря. Я продрог и покинул двор на Кленовой, но судьбе было угодно вновь столкнуть нас с Ларой. Мы встретились в квартале от ее дома, в неосвещенном месте на углу Зоопарковой и Маршала Говорова. Было темным-темно, но я издалека узнал по походке шедшую мне навстречу Снежную королеву. Она была в черном кашемировом пальто с меховым воротником и, как всегда, без головного убора, несмотря на минусовую температуру. Леонова, видимо, только что побывала в ближайшем продуктовом магазине, так как несла в руке переполненный пакет, который, того и гляди, лопнет, если из него срочно не выложить батон сдобного хлеба, бутылку подсолнечного масла и литровый пакет молока.

— Ну и? Ты разве ничего мне не хочешь сказать? — я без приветствия начал диалог.

— Не хочу с тобой общаться.

— Почему?

— Не имею чести!

— Тогда выслушай меня раз и навсегда! Я не собираюсь больше ни с кем возиться как с писаной торбой, и тебе было выдано слишком много авансов, которых ты не оправдала! Ты королева хлеба, а не Снежная королева!

— Какой же ты циничный козел! — брякнула Лара.

— Может, так и есть, но это ничего не меняет! Играй сколько угодно в сильную женщину и таскай в одиночку тяжелые пакеты с едой, а потом реви в подушку, что не осталось больше настоящих мужчин! Посмотри на себя со стороны — ты выглядишь как после химиолучевой терапии и даже хуже, хотя у тебя вроде нет онкологических заболеваний! На вид тебе можно спокойно дать сорокет, хотя тебе всего двадцать восемь лет! Бабий век короток, и у тебя в запасе осталось три-четыре года репродуктивного возраста, потом ты уже не сможешь выносить и родить здорового ребенка! Мужчина оценивает потенциальную мать своих детей совсем не по тем критериям, что написаны в журналах для модных кур! Раскрой глаза и пойми наконец, что ты инвестиционно не привлекательна для жирных дядей! Куда тебе еще худеть? И так уже одна кожа и кости! Для родов нужны бабы с широкими бедрами и жировой прослойкой, а ты ведь вообще можешь концы отдать в перинатальном центре! — эмоционально говорил я.

— Что за бред ты несешь?! — возмутилась Леонова.

— А в кого ты такая чопорная? В маму, что ли? Еще и теща подарочек? Воспитывалась в домостроевских традициях? Зачем столь маленькому человеку, как я, столь большое семейное счастье?! — отшутился я.

— Что ты сказал про мою маму? — разгневанно спросила Лара.

— Сказал, что ее дочери не видать нормального мужа как своих ушей! Кто с тобой жить-то под одной крышей согласится, а? Ты ведь женщина-рефрижератор! Заморозишь своим холодом даже самого горячего мачо! Ты можешь претендовать разве что на супруга грузчика с километровым перегаром или сантехника с руками по локоть в экскрементах! А вообще, что с тебя возьмешь? Типичный креативный класс. Только и можешь, что в монитор пялиться. Борщ простецкий ведь наверняка варить не умеешь! — пожурил я Леонову.

— Недопекин, все мои друзья считают тебя сумасшедшим и невменяемым! Все мои парни-друзья хотят набить тебе морду, но я их настоятельно отговариваю. Мол, не стоит трогать больного, обиженного жизнью человека, — нравоучительно сказала Лара.

— Да снимись ты с ручника! — нагло сказал я, намекая собеседнице на заторможенность.

— Прощай, debil! — огрызнулась Леонова и пошла прочь в сторону своего дома.

Мой простонародный пассаж «Да снимись ты с ручника!» доконал манерную Лару. Я смотрел вслед Снежной королеве, и мне не хотелось догнать ее и извиниться. А потом я вспомнил, откуда в мой лексикон попал словесный оборот «Да снимись ты с ручника!». Восемью годами ранее на этом же месте улицы Зоопарковой я разучивал азы управления автомобилем с инструктором-алкоголиком, тоже проживающим на Транспортной. Дышащая на ладан бежевая «шестерка» за пятнадцать лет вождения учениками превратилась в колымагу с рычащим двигателем и постоянно заедающей коробкой передач. Я худо-бедно научился отпускать сцепление и трогаться с места, а вот сняться с ручника перед началом движения часто забывал. Инструктор, беспрерывно куривший «Ватру» с едким, слезоточивым дымом, от которого в салоне можно было задохнуться, говорил мне постоянно: «Да снимись ты с ручника!» Со временем я привык и к ручному тормозу, но к машинам охладел. Мне навсегда запал в память емкий рефрен инструктора, чей сын долгие годы плотно сидел на героине, выносил из квартиры бытовую технику в обмен на дурь и был одним из главных наркоманов района. Хлесткой фразой, присущей жителям Транспортной улицы, я закончил эпопею с Ларой Леоновой. Простому парню из квартала железнодорожников не нужна зажавшаяся дичь с шизоидным клоповником внутри черепной коробки. И грустной фее, живущей в мире приторной лжи, не нужен воинственный писарь, привыкший только к неподдельным словам, чувствам и поступкам.

Бесповоротно побив горшки, я испытал огромное облегчение. Я выстоял в нелегком испытании и победил в дуэли характеров. Моральная победа оказалась на моей стороне. На радостях я завалился в самое маргинальное заведение на Транспортной — бар «Резерв». Пошатывающиеся вагонники сгруппировались возле музыкального автомата и по очереди бросали монеты в разъем, желая услышать шлягеры тридцатилетней давности от коллективов «АББА» и «Оттаван». За столиком одиноко сидел лишь мой давнишний приятель Пупс и степенно потягивал пиво, тихо подпевая: «Мани, мани, мани». Он в свое время пытался научить меня ловить бычков на удочку, но рыбалкой я так и не увлекся.

— Вэл, что ты здесь потерял? Сегодня нет церемоний и презентаций?

— Да надоела мне эта богема. Сплошь черти завистливые. Продыху от них нет. Блевать от одного вида «творческих личностей» хочется, — сказал я, сев за столик к приятелю.

— Балда ты! Я ведь тебе всегда говорил, что в том искусстве все педерасты, а ты еще спорил со мной, доказывал свою правоту.

— Я все-таки встретил человека с большой буквы в среде искусства, но его уже

нет с нами. Умер в июле. Теперь мне в этом кругу шарлатанов ловить нечего. Не вижу смысла якшаться с пустышками, — поделился я наболевшим.

— Да фигня все эти твои холсты, говном запачканные! Вот у меня сын родился, три месяца уже. Главное, что на папку похож! Кричит по ночам, спать не дает, но мы с женой уже привыкли. И когда я гуляю по парку с коляской и слышу его писк, то чувствую себя самым счастливым на Земле! Это и есть жизнь, Вэл! А искусство существует для тех, у кого жизни настоящей нет!

— Рано все равно мне еще о детях думать. Потомков заводят тогда, когда осознают, что больше ничего не могут дать этому миру стоящего и неординарного. Не можешь громко заявить о себе? Не знаешь, чем занять досуг по вечерам? Надоели телевизор и беспробудное пьянство? Тогда заведи себе ребенка! — парировал я.

— Перестань, а? Закажи себе пивка, расслабься. Жизнь, вообще, хорошая штука! — Пупс произнес банальность с апломбом, как будто он только что открыл Америку.

— Лады, составлю тебе компанию. Не пить же тебе, в конце концов, одному. Признаться, я уже забыл вкус пива. Только шампанское и вино приходится пить. Как первенца хоть назвал?

— Володькой.

— В честь Путина, что ли?

— Да ну ты! В честь своего отца.

— Вырастет — президентом станет! Глядишь, и меня, старца, назначит министром культуры!

— Бери выше — премьером! Будешь правительству давать ценные руководящие указания!

— Да, сын — это хорошо. Бабу б только нормальную найти, чтобы здоровенького родила!

— У тебя все еще впереди, Вэл! Найдешь свою единственную, куда ты денешься!

— Ну да, появятся пресловутые «мани, мани, мани», так сразу целая очередь невест мигом появится из ниоткуда. Се ля ви! — сказал я приятелю.

— Хватит уже брюзжать — давай лучше выпьем!

— Да, это верное решение, — согласился я.

Мы пили до самого закрытия бара, обсуждая товарищей и знакомых. Перемысли косточки всей Транспортной, как две кумушки-сплетницы. Дешевое пиво в брутальном баре подействовало, как бальзам на душу, и я вскоре позабыл о Ларе Леоновой.

18

В свой двадцать восьмой день рождения я проснулся еще затемно и спозаранку пошел шастать по Французскому бульвару. Январское утро было по-весеннему теплым, и я нисколько не замерз. Я оказался первым посетителем кафе «Оливье». Уборщица еще не успела спрятать швабру в подсобку, а я уже заявился с желанием отзавтракать омлетом с ветчиной. Термометр с изображением Эйфелевой башни и овальная табличка «Toilettes» на дверях уборной напоминали гостям заведения о стране, национальные блюда которой преобладают в меню. «Один за всех и все за одного!» — не стесняясь моего присутствия, администратор кафе пыталась сплотить разобщенный персонал мушкетерским девизом.

Талантом я не вышел, и поэтому Курт, Джимми и Эми не приняли меня в свой «Клуб-27». Никто не захотел разделить со мной утреннюю трапезу. Завтракаю в одиночестве, жуя поджаренную ветчину. Вообще, я планирую отказаться от мясно-

го. Я давно заметил что люди, ощущающие на себе прелести вегетарианства, выглядят гораздо счастливее людей, эмоционально обсуждающих подорожание мяса. Висящая на вешалке белая матросская бескозырка с двумя синими лентами напоминает о том, что скоро придет весна и brave морячки начнут вальяжно расхаживать по улочкам, поигрывая бицепсами перед хихикающими студентками. А в моей душе подул ветер перемен.

Никакие преграды в жизни не страшны, когда у тебя есть мечта, которую очень хочется осуществить. Любовь не может быть целью и задачей. Любовь или случается, или проходит стороной, ее нельзя целенаправленно добиваться. Сначала нужно прийти к полной внутренней гармонии и психологическому балансу, начать жить в ладах с самим собой, а уже потом надеяться на то, что стрелы Купидона попадут точно в яблочко. Не стоит лепить принцесс из амбарных мышей, лишь по случайности ставших востребованными девушками. Думаю, вы уже догадались, что моя заветная мечта — это собственный угол на Французском бульваре.

Хочу обзавестись своей квартиркой в доме Каркашадзе или в «Дворянском гнезде». Западническая традиция обитания в съемном жилье мне абсолютно чужда. Почвеннические корни и чувство дома мне прививали с ранних лет. И если моя мечта воплотится в жизнь, то я ни за что не прибегну к услугам профессиональных дизайнеров. Я усвоил многое из наставлений Арса и смогу без чьей-либо помощи меблировать квартиру старинными креслицами и комодами. И конечно же, я постараюсь прикупить что-нибудь из его авторских изделий.

Если потребуется рассказать о себе одной фразой, то я без раздумий произнесу: «Человек, которого никто никогда не любил». Не нравлюсь я никому. Всем подавай стероидных качков с тупой американской улыбкой и слащавыми речами, а я не собираюсь ни под кого подстраиваться. Трудно в эпоху глобализации явить миру свою идентичность, но я стараюсь сохранить свое лицо и не смешаться с легионом однообразных потребителей. Но я верю, что в моей жизни появится та самая единственная, что укротит мой буйный нрав. И плевать, будет ли она прописана на Французском бульваре или на Марсельской улице.

Кормят в «Оливье» вкусно, и не вздумайте подозревать меня в оплаченной рекламе заведения. Я пишу так, как ощущаю окружающий мир, и не стараюсь угодить кому-либо и соответствовать ожиданиям толпы. Скатерти в кафе, правда, грязноватые, и об этом тоже сообщу я вам.

Теперь вы знаете, что и где находится на Французском бульваре. Найдете, где выпить и закусить. Можете к Карцеву нежданно в гости нагрянуть или попытаться застать в своем рабочем кабинете Киру Муратову. Я свою миссию рассказчика выполнил. Заинтриговал — приезжайте в Одессу и увидите все своими глазами, которые, кстати, в случае возникновения проблем со зрением могут подлечить здесь же, в Институте Филатова. Неинтересно мое повествование — сидите в своих Челябинсках и смотрите по телевизору, как обезьянничает Максим Галкин. Он-то еще в детстве просек фишку Французского бульвара и поэтому не знает особых проблем, наживаясь на обывательской пошлости.

После кафе «Оливье» я зашел в винный бутик через дорогу. Купил бутылку розового полусладкого и два бокала. Один — для меня, второй — для моего собутыльника. Надеюсь, вы уже догадались, с кем я буду отмечать свой день рожденья? Конечно, с бронзовым Высоцким! Памятник Поэту — это местный субститут статуи Христа Искупителя в Рио-де-Жанейро. Иисус с распостертыми объятиями оберегает моего друга юности Саню, а Владимир Семенович бдит за моим духовным покоем. Я поставил к подножию памятника доверху наполненный розовым полусладким бокал. Пей, Володенька, за мое здоровье! Ты теперь смотрящий за Французским бульваром,

поставленный самим Всевышним. Никто отныне не посмеет строить здесь многоэтажные панельные сараи! Кино и вино — вот чем живет эта округа!

Я наверняка знаю, что со мной ничего не случится, если я засну на одной из двух лавочек возле памятника Высоцкому. Простуда не возьмет меня, как не берет она купающихся на Крещение в ледяной проруби. Никто не обчистит мои пустые карманы, милиционеры не решатся забрать меня в участок и даже не сделают замечание. Упыри побоятся гнева распятого Володи.

Я ложусь на лавочку и закрываю глаза, слыша одному лишь мне понятную музыку Французского бульвара. Бронзовый Высоцкий, мой ангел-хранитель, спаси и сохрани меня, грешника! До свидания, затянувшаяся юность! Здравствуй, запоздавшая зрелость!

Эпилог

Абрам Соломонович Райберг был арестован по подозрению в причастности к межконтинентальной контрабанде героина, но я уверен на сто процентов, что он выпутается из этой передрыги и по освобождении немедленно напишет цикл тюремных полотен, которые на корню скупят коллекционеры современного искусства. Портрет Эми Уайнхауса работы Игоря Гусева из цикла «Клуб-27» был продан за 19 400 \$ на лондонском аукционе «Phillips de Pury & Co». Мой напарник по сиделкам в винном бутике стал вторым одесским художником по стоимости картин. Первое место, естественно, удерживает всемогущий Райберг.

Международный олимпийский комитет дисквалифицировал метателя ядра Юрия Белонога за применение перед соревнованиями запрещенных препаратов и лишил его золотой медали игр в Афинах. Из-за допинга у Французского бульвара одним олимпийским чемпионом стало меньше, но Николай Авилов и Яков Железняк все еще бодры и собираются жить, как минимум, до ста лет.

Старый Дворец спорта в ближайшем будущем собираются сносить. Исчезнет навсегда главное место моей юности, и на его месте возведут многофункциональную, более вместительную арену, ведь Одессе предстоит принять матчи чемпионата Европы по баскетболу 2015 года. Надеюсь, что у входа в новый зал власти установят мемориальную доску с барельефом главного болельщика города дяди Гриши Коновчука.

В память об Арсе у меня осталась только книга Виктора Ерофеева «Хороший Сталин», которую мне вернула его младшая сестра Ира. Он уже не мог самостоятельно изучить произведение некогда парижского денди. Арсу читали вслух ученицы, и он одобрительно кивал. Арс, между прочим, успел написать автобиографический роман, но пока его семья не хочет публикации текста.

В арт-центре Коробчинского в день рождения Арса пройдет выставка его работ. Строительного магната убили, и теперь помещение, где я когда-то на мастер-классе познакомился с рыжебородым художником, частенько пустует, но по столь значимому поводу двери арт-центра откроются вновь. На выставке будут представлены скульптура, графика, живопись, фотографии и видеозаписи, любезно предоставленные друзьями рано ушедшего от нас творца. Я знаю точно, что на сие мероприятие придут и Наташа Март, и Мэри, и Таня Нефедова, и Джейн, и, разумеется, Аня с Анфисой. Не будет только Лары Леоновой, живущей в своем иллюзорном мире, где нет нормальных человеческих ценностей и правит балом вечная душевная мерзлота.

Арс частенько любил повторять: «Основным параграфом Одессы должно быть РАЗВИВАТЬСЯ, а не строиться и обизнесцентрироваться! Развиваться — это не когда

строят в центре, а когда улучшают инфраструктуру окраин!» Я надеюсь, что когда-нибудь и спальные районы моего города достигнут хоть десятой части эстетической привлекательности Французского бульвара. Верю, что дочь маэстро Анфиса пойдет по стопам отца и продолжит его дело художественного воспитания масс.

И еще я решил обязательно съездить в Париж и навестить Фредерика Бегбедера. Возьму с собой пять бутылок розового полусладкого «Французский бульвар», и покумекаем мы с ним как писатель с писателем. Пусть выпьет Фред одесского вина и доступно объяснит мне свои думы о самом главном земном чувстве, а то не въехал я в его письменные толкования о том, что любовь живет три года. Надеюсь, моего ломаного английского хватит для того, чтобы рассказать Бегбедеру об экстраординарном человеке, однажды лично подарившем Фредерику его замечательный портрет. Убежден, что эта картина висит на самом видном месте в квартире рекламного гения. Будет справедливо, если в качестве ответной благодарности за портрет Бегбедер напишет роман памяти рыжебородого творца, и тогда весь мир узнает, какой выдающейся личностью был Арсен Валерьевич Челидзе.